

A woman in a white wedding dress and tiara stands in a magical landscape. She holds a bouquet of flowers. In the background, there is a church with a tall steeple and a body of water. The scene is illuminated by a soft, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is romantic and ethereal.

МАРИНА
ДАРМАН

БЛЮСТИТЕЛЬ
СКАЗОЧНОГО ПОРЯДКА

Annotation

Никогда не смотрите в старинное зеркало, иначе можете увидеть отражение чужого мира. Увидеть и не суметь вернуться.

Сказка притянула меня сама. Притянула и не отпустила. Впереди — бесконечная дорога. Позади — запечатанный проход к дому.

И пусть иду я не одна, два моих спутника так хитры и подозрительны, что никак не разобраться: кто из них друг, а кто враг. А разобраться надо. Ведь иначе домой не вернуться.

- [Марина Дарман](#)
 - [Часть I. Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть II. Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть III. Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть IV. Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
-

Марина Дарман

Блюститель сказочного порядка

Часть I. Глава 1

Старое зеркало да выцветшие от времени фотографии — единственное наследство от бабушки, что щедро отдал мне двоюродный братец. Старенькую мебель он выкинул, в маленькую квартирку загнал рабочих для ремонта. А мне торжественно вручил зеркало в массивной потрескавшейся раме.

Раритет занял всю прихожую, как раз поместившись в узкий простенок. Одно неудобно: чтобы полностью протереть его приходится вставать на табурет. Вот это габариты. Кажется, двери в квартире и то мельче.

Конечно, я могла оспорить решение брата. Конечно, могла подать в суд. Конечно. Но не стала. Я так и вижу бабушка качает головой и взгляд ее печален. Короткие прядки выбились из аккуратного пучка волос, засаленный фартук грязен только с виду, а на деле старательно выстиран. Она сидит в поскрипывающем кресле-качалке, как раз напротив этого зеркала, и грустно смотрит на свое отражение.

— Ты главное зеркало сохрани, Диночка, — она внезапно оборачивается на меня, стоящую поодаль, и взгляд ее непривычно серьезен. — Она нашенское. Родовое, значит. Из рук в руки. Войну пережило. Сохрани, Диночка. Только на тебя вся надежда. А Костик... балбес он. Наш, но балбес.

Последний бабушкин завет я выполнила, да братец и не протестовал. Покрутил пальцем у виска и озвучил нелицеприятный вывод:

— Совсем рехнулась. Прямо, как бабулек. Зачем тебе этот гроб неподъемный? В него даже смотреть жутко! — Он демонстративно повел плечами и отвернулся от «украшения», что растянулось в бабушкиной гостиной до потолка.

— Не смотри! — разрешила я щедро. — Мне отдай, а сам не смотри. Я смотреть буду. Да и фотки не забудь. Ты все одно выкинешь, а я сохраню.

На том и порешили. Тем более квартира у меня была та, что осталась в наследство от мамы. А брат с семьей мыкался по съемным. Вообще-то, наследница бабушки тетя Катя, мать Костика. Но та, не

раздумывая, переписала квартиру на единственного сына. А я не стала ввязываться в тяжбы, поскольку бабуля этого не хотела.

И вот я счастливая обладательница наследства, которое поднимали на третий этаж четырехэтажного дома двое очень недружелюбных грузчиков. Они пыхтели, сопели и ругались, старательно опуская ради меня емкие словечки.

— Чугунное не иначе. Не может дерево столько весить, — вынес вердикт щуплый паренек, выпячивая несуществующие мышцы.

Зря старается, я доходягами не интересуюсь.

— Да нет, — отозвался дядька, утирая трудовой пот рукавом свитера неопределенного цвета. Наверное, изначально это был кирпично-оранжевый. Но тяжкая жизнь превратила симпатичную вещь в полинялую половую тряпку, которую зачем-то надели. — Обычное довоенное зеркало. Все они такими делались. Это ты еще шкаф тамошний не поднимал. Вот, где я тебе скажу... — дядька осекся, выразительно глянул на меня и неопределенно махнул рукой.

Я оплатила положенное, выпроводила странно косящего на меня парня и посмеивающегося дядьку и осталась один на один с вожделенным раритетом, который предстояло хранить до скончания веков... долго, в общем.

В детстве представлялось, что в этом поцарапанном и мутном зеркале живут гремлина, домовые и невеста кто еще. А иначе почему бабуля так старательно занавешивала его плотной шторой, и отгоняла меня. Я выжидала, караулила ночь и возвращалась, чтобы обнаружить хитрую вязь завязочек, запутанных так ловко, что, не зная «кода», не распутать.

Грузчиков я ожидала, бегая из угла в угол и нервно выглядывая в окошко. Чего только не придумала и, наверное, потому сейчас испытывала разочарование. Совсем легкое, но все же. А где сказка, мистика и сюрприз в одном флаконе?

Зеркало как зеркало. В меру поцарапанное, в меру сохранившееся. Мутноватое стекло создает эффект старины, отчего сам себе кажешься выцветшей фотографией. Ничего особенного, короче.

Фотографии и то интереснее. Пусть видела не по разу, а руки подрагивают и слезы наворачиваются. Не все моменты помню лично, не всех, кто изображен узнаю, ведь и бабуля с мамой не всех знали, а ощущение будто присутствовала когда-то там.

Весь вечер я перебирала пожелтевшие от времени карточки и старалась не слишком уж реветь. Получалось неважно. Потому и уснуть не смогла: голова болела нещадно, а на ум то и дело возвращались просмотренные «кадры из жизни».

В результате каждые несколько минут я вяло тащилась к туалету и нарочито отворачивалась к противоположной стенке, когда проходила мимо зеркала. Не знаю почему, но с детства боюсь смотреться в него в темноте. Но даже, когда прячу взгляд, противные мурашки никуда не деваются и нервический холодок заставляет то замирать, то ускоряться. Ох, правильно бабуля его закрывала.

Было часа три ночи, когда я в очередной раз поковыляла в туалет. Благополучно миновала гостиную и замерла у проема, ведущего в прихожую, рядом с которым и стояло злосчастное «украшение». Пройти в ванную комнату или в кухню, не пройдя мимо него невозможно. Впрочем, выйти из квартиры или зайти в комнаты тоже. Маленький коридорчик и прихожая заодно соединяет все это и именно тут красуется зеркало. В недобрый час оно здесь оказалось.

Я смотрела и смотрела на серебрищую поверхность и не верила тому, что вижу. Уснула, таки уснула и не заметила как. Ну, а что это может быть?! Я развернулась и гораздо бодрее, чем до этого, потопала к кровати. Сейчас лягу, проснусь и все закончится.

Улечься на кровать — самая простая часть нехитрого плана и единственное, что вышло без проблем. Я лежала с закрытыми и открытыми глазами, на животе, на спине и на боку, сверилась с часами и признала, что таки не сплю. Сейчас не сплю. В коридоре задремала на ходу, вот и привиделось.

К родному коридору, резко ставшему жутким, возвращалась на цыпочках, едва дыша от напряжения. В паре шагов от него остановилась и вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Привычная темнота, что пугала большую часть ночи, до того обрадовала, что подскочила на месте и уже бодрее приблизилась.

Зеркало. Темное. Обычное. Что и требовалось доказать. И стоило так пугаться? Уже смелее шагнула в коридор и кончиками пальцев потрогала прохладное стекло. Не такое уж оно и страшное. А вот я при таком свете похожа на бешеное приведение: русые волосы включены,

без того светлая кожа отталкивает мучнистой белизной, под глазами — чернота. Брр, цепей не хватает для достоверности.

Я так увлеклась разглядыванием себя любимой, что разгорающееся сияние заметила не сразу. А когда заметила, с визгом отскочила. Не сказать, что светит очень уж ярко, но где вы видели зеркала, подрабатывающие на полставки светильниками?

Деревянная рама больше не казалась таковой и загадочно мерцала, то ли маня, то ли заманивая. Стекло поблескивало и выглядело текучим, точно на него кто-то плеснул воды. Да от души, не меньше ведра. Все бы ничего, но стоит-то оно вертикально!

Меня попеременно то трясло, то лихорадило. Пол противно раскачивался, а стены выписывали кульбиты. Дрожащую руку я поднесла к зеркалу раза с пятого и долго-долго держала рядом, боясь прикоснуться. Но снова уйти, ничего не узнав, страшнее.

Я зажмурилась и резко дернулась вперед, чтобы не успеть остановиться. Рука провалилась по локоть, а я заорала дурниной, качнулась назад и на корочках, как была, бодро погрохотала обратно к спасительной кровати. Чтобы я еще раз... да больше никогда и ни за что. Завтра же позвоню Костяну и потребую выбросить. Главное дожить до утра! Утром. Все утром! А пока с головой под одеяло и спать... ну, или хотя бы делать вид, что сплю.

Под утро мне удалось забыться. И пусть сон я не запомнила, но тревога усилилась. Постель валялась смятым комом, точно я на ней танцевала, а не спала. А одеяло так лихо вывернулось из пододеяльника, что навести порядок удалось не сразу.

Костян лихорадочное требование «немедленно забрать пакость» обсмеял, но пообещал заскочить на выходных вместе с приятелем. Я с тоской посмотрела на календарь: три дня. А как жить-то?

Пришлось опять искать грузчиков, но и те не порадовали. Самое раннее — завтра к вечеру. А сегодня где ночевать? Стараясь не смотреть в коридор, я запустила компьютер и уселась за работу. Делать нечего, буду игнорировать зеркало столько, сколько смогу. Не так уж долго и ждать. Всего один день. Это много или мало?

Но сосредоточиться оказалось не так уж просто. Сегодня любимая работа на дому раздражала неимоверно. Работай в офисе, как все, хотя бы, на несколько часов позабыла о произошедшем. А так, взгляд

невольно останавливается на двери и воображение услужливо дорисовывало ночной кошмар.

Я крепилась сколько могла, оттягивала до победного, но таки признала поражение: по-другому в туалет не попасть. Пусть работодатель меня не видит и можно не умываться, но, увы, горшок в комнате не предусмотрен. Придется рискнуть.

Коридор преодолела в три больших скачка. Влетела в ванную и замерла, тяжело дыша. Сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит из груди. Я так торопилась, что даже не заметила, сияет зеркало или нет.

Путь назад оттягивала как могла. Медленно умылась, неторопливо поела и заметалась по кухоньке. На пространстве в четыре квадратных метра шибко не развернешься. Устав ощущать себя зверем в клетке, осторожно выглянула из-за угла.

Коварное зеркало усиленно претворялось обычным, да так убедительно, что я приложила руку ко лбу, потом к стене и опять ко лбу. Ничего не разобрала, зато всерьез задумалась об умственных способностях. А может, правда, привиделось?

Я кралась как супершпион, глупо приседая посреди коридора и вздрагивая от каждого шороха. А когда не нашла ничего подозрительного, почувствовала себя еще глупее. Одно хорошо, в квартире одна и этот цирк наблюдать некому. Не знаю, как бы оправдывалась.

Устав бояться, потрогала гладкую поверхность: ничего необычного. Только я выгляжу хуже, чем ночью. Бледная, осунувшаяся, с безумным взглядом — сама себя пугаю. Постояла немного, так ничего не дождалась и вернулась к работе.

До вечера о подозрительном наследстве больше не вспоминала: торопилась наверстать упущенное время. Сдельный заработок такой, что болеть лучше, не отходя от рабочего места. Или лекарства придется покупать в кредит.

Честно отработав, отправилась в магазин. Улица встретила противной моросью и хмарью. Не такая уж и редкость, но сейчас казалось, что это предзнаменование, никак не меньше. Лужи, как будто нарочно бросались под ноги и обрызгивали. Все проезжающие машины задались целью изгваздать именно меня. А продавщица попыталась обсчитать, приписав лишних десять килограмм помидор.

Хороший сбой в программе, ничего не скажешь. Благо я внимательная и не настолько скромная, чтобы промолчать.

Чтобы уж совсем «добить» у моей квартиры поджидала участливая соседка. Старушка неопределенного возраста зорко высматривала меня, бодро крутясь на месте и раскачиваясь, точно уточка. Красный в белый цветочек халат она носила сколько ее помню. Да и седой, по-моему, была всегда.

— Диночка! — соседка плотоядно заулыбалась, как настоящая хищница, почуявшая жертву. — Деточка, у тебя все хорошо? Что-то ты бледненькая такая. А уж исхудала.

«Да не так уж и исхудала за одну ночь-то», — подумала я, приклеивая к губам улыбку.

— Все в порядке, Евдокия Александровна. Работаю много.

Я демонстративно не замечала ее и гремела ключами, но пронырливая старушка твердо решила не сдаваться.

— По бабушке скучаешь, да? — буром напирала та.

— Скучаю, — таки удалось меня удивить. Ей какое до этого дело?!

— А у меня адресок подходящей поликлиники есть. Дивные врачи принимают. Вмиг помогут. Ты же вон сколько всего на себя взвалила. И работа, и учеба. И за помощью обратиться не к кому.

— Спасибо, сама справлюсь, — сухо обронила я и шмыгнула в квартиру.

У-у-у, стервятница, чего ей ночью не спалось? И не лень же караулить? Хотя, тут и караулить не надо: я всегда в одно и то же время после работы в магазин хожу. А она, небось, целый день от окна к дверному глазку шаркает.

С наступлением темноты, тревога вернулась. Каждые несколько минут я проверяла не вернулись ли сияние и при этом испытывала весьма противоречивые чувства. Радовалась, что не вернулось и расстраивалась из-за этого же. Ужасно глупо.

Зеркало вело себя порядочно и выглядело вполне обычным. Я окончательно убедилась в справедливости тревог соседки и отправилась спать, решив утром разжиться телефончиком «чудного» врача. В самом деле, сколько можно проверять и подозревать?!

Разбудил меня свет. Яркое сияние осветило коридор, отлично видимый из спальни. Дверь-то на ночь не закрываю. Я кое-как встала с

кровати и на подгибающихся ногах пошкандыбала в коридор. На пути нащупала длинную тонкую вазу и прихватила с собой. Вроде как оружие.

Коридор был пуст. Свет исходил от зеркала. Оно казалось освещенным изнутри мощными прожекторами. Но хуже всего, прямо из зеркала торчало суковатое полено и хмуро осматривалось. Завидев меня, оно проворно выскочило наружу и метнулось в глубь квартиры. Я ошалело наблюдала как оно носится из комнаты в комнату и громко причитает. Наконец оно вернулось в коридор, оббежало вокруг меня и замерло.

— Так, так, так... — маленькая сухонькая коряга сердито постукивала ногой и стучала пальцем о палец. Увиденное до того поразило меня, что факт говорящей коряги не удивил, а вот наличие ног и рук — очень даже. — А Груня где? Груня где спрашиваю?! — рывкнула деревяшка.

Я вздрогнула и очнулась. Крик всегда действовал на меня неправильно. Сдержанности мне обычно хватало минут на пять. Потом я начинала орать в ответ, причем выходило до того громко, что слышали меня на квартал вокруг.

— Нету Груни, — хмуро отозвалась я, призывая всю свою воспитанность. Кто их знает эти коряги, может им хамить опасно для здоровья. — И Светы нет тоже.

— Как нет? Как нет? У нас такое... такое... твориться, а ее нет?! А спасти кто будет? Кто я спрашиваю?

— Дед Пихто!

Коряга замерла и заинтересованно посмотрела на меня. Вот точно говорю, хотя любопытных коряг вижу впервые.

— А голос ничего так, — кивнула она. — Достойный самой Груни. — Коряга обошла вокруг меня, елозя по джинсам сучковатым носом. — А ты кто такая будешь?

— Я кто буду? Я кто? Да это ты кто такой? — рывкнула я и очнулась: ночь как-никак. Если привлеченные воплями любопытные соседи пожалуют, то могут и психушку вызвать. Сомневаюсь что они «это» видят.

— Страж ворот всея Сказании и Фантомии Фома Лукич к вашим услугам, — вежливо представилась коряга, изобразив полупоклон. —

А вы, стало быть, новая блюстительница сказочного порядка. Агриппина Антиповна вам кем будет?

— Эм? — это он о зеркале что ль? — Была, а не будет. Бабушкой приходилась.

Коряга огорченно присвистнула и тяжело вздохнула.

— А времечко-то бежит. Я ж его и не замечаю вовсе. А вот поди ж ты. Эх...

Коряга махнула рукой и, шаркая ногами, уковыляла в зеркало. Свечение тут же пропало. Зеркало и зеркало. Может и правда привиделось?!

Глава 2

Прошла неделя. Я обнюхала, ощупала и обстукала проклятое зеркало, притворяющееся нормальным. Оно нахально отражало лишь меня и вело себя донельзя прилично. Я всерьез задумалась о собственном здоровье и поминутно меряла температуру и давление, сама не знаю зачем. Всемогуций интернет подсказывал, что шизофрения определяется иначе, но утешало это слабо. Еще и любопытная соседка подбавила жару.

— Здравствуй, здравствуй, милочка, — заулыбалась она, отвечая на мое приветствие. — Тяжко одной, да?

Этот вопрос повторялся регулярно, и я всегда дежурно отвечала, дескать справляюсь.

— Конечно, конечно, милочка, — кровожадно улыбнулась та и журчаще добавила: — А в мое время мужчин домой только после загса приводили. Но времена-то другие. Я же понимаю. Кто приводит, тот и замуж выходит. По залету. Потому моя внучечка в девках-то и сидит. Порядочная шибко.

Окончание тирады она выкрикивала мне в спину, поскольку дослушивать я не собиралась. Увы, пришлось. Голос у Евдокии Александровны до того зычный, что и через три пролета слышно.

Домой я вошла, кипя от злости и костеря любопытную не в меру соседку и ее внучечку, до того занудную барышню, что даже у меня челюсти сводило. Мужчины, полагаю, просто опасались, что и в постели она будет поучать их и контролировать.

— Ну и где ты ходишь?

Признаю, гостя я заметила не сразу. Да что там гостя?! Я и свет от зеркала разглядела только сейчас.

Сегодня коряга походила на мелкого тщедушного старичка. Нос и пальцы у него остались сучковатыми, да и волосы с бородой заменяли листья, но в целом он выглядел куда привычнее, чем раньше. Домотканые штаны прикрывала белая подпоясанная рубаха. На ногах лапти.

Лишь отойдя от первого шока, в памяти сложилась картинка нашей прошлой встречи. Не будь я так шокирована, уже тогда бы

заметила одежду. А так, в темноте все внимание досталось сучкам и веточкам.

— На вызовы не отвечаешь, — злился лесовичок, чье имя благополучно испарилось из моей памяти. — Дома не бываешь. А меж тем как блюститель сказочного порядка ты обязана...

— Так уж и обязана? — с детства ненавижу это слово. Башню у меня сносит в секунду. Одно напоминание и все: прощай крыша. — Я у вас на довольствии?

А то врывается в квартиру неизвестно кто и неизвестно откуда и чего-то требует. Я работаю, между прочим! Грозную речь я закончила, чувствуя, как от ярости пылает лицо. Мало соседки, еще бревно жизни учить будет!

— Так ты что, вообще, ничего не знаешь? — от удивления лесовичок даже к зеркалу прислонился.

Зеркало утробно чпокнуло. Мелькнули лапти. Сияние стихло. На пару секунд.

Через минуту перед мной стоял прежний лесовичок. Достаточно невозмутимый для того, чтобы продолжить разговор.

— А как же Груня? Груня, что совсем ничему тебя не научила? Ты хоть что-то знаешь?

— Я много чего знаю, — степенно отбрила его я. — Но вряд ли это заинтересует вас.

— Эх, — снова вздохнул лесовичок. — Вот так всегда. Все самому делать приходится, — проворчал он и гаркнул: — Ставь самовар, хозяйюшка!

Я прямо-таки услышала стук собственной челюсти об пол. А он еще и увидел.

— Тьфу ты пропасть. Все у вас никак в порядочной сказке. Чайник кипяти. Беседовать будем, — перевел он и коварно добавил: — Таки да, на довольствии. И сегодняшнего дня ты преступаешь к своим обязанностям. А потому слушай внимательно да запоминай.

* * *

Чай давным-давно остыл. Лесовичок умял килограмм печенья и теперь примерялся к конфетам, а я никак не могла сделать глоток.

Кружку я поднимала раз двадцать и ставила на место. Услышанное мешало ни то что есть — думать. Многое стало ясным. Гораздо больше нашлось того, что окончательно запуталось.

Я наконец узнала, чем была всегда занята бабушка, почему прятала зеркало и откуда брала деньги, хотя и не работала. И так не смогла понять почему ничего не рассказала ни мне, ни маме.

— С матерью твоей все ясно, как раз, — Фома Лукич придирчиво осмотрел конфетку, нашел съедобной и целиком запихнул в рот. Степенно разжевал и лишь после этого продолжил. — Сколько Груня ее к зеркалу не водила, а ход та так и не увидела. Нет в ней силы нужной. А в тебе есть.

— Не было, — поправила я, снова отставила кружку и погрузилась в прошлое. — Бабушка мне зеркало много раз показывала, когда от занавесок освобождала. Злилась отчего-то. Говорила, смотри... смотри внимательно. Что видишь? Я честно отвечала, что себя, а она махала рукой и уходила, ворча. Вот значит что я видеть должна была.

— Стресс повлиял, — лесовичок расправился с очередной конфетой и благодушно кивнул: — Груня тоже не сразу видеть начала. Как мужа схоронила, так и начала.

Про ее первого мужа я знала мало чего. Пожалуй, лишь то, что повторно замуж бабушка вышла нескоро, хотя и кавалеров у нее хватало. Сама «тянула» старшую дочь тетю Катю от первого брака, обладала энергией бешеной белки и всегда все успевала. В отличие от меня.

— Я не справлюсь, — определилась я, вытряхнув то, что мучило больше всего. — Это бабушка все знала и умела, а я...

— Тю, нашла о чем печалиться?! Груня сперва столько всего наворотила — вспоминать страшно. Это потом она такая опытная стала. Опыт-то от рождения никому не дается. Его нарабатывают шишками да ссадинами. Смелости в тебе много. Дури тоже. Справишься!

Уследить за его логикой мне не удалось, но энтузиазм оказался заразителен. Я глотнула чай и потянулась за первой конфетой.

— Когда приступаем?

— А чего тянуть? Завтра же с утречка и приду. Сегодня ты больно взъерошенная. За ночь, стало быть, дурные мысли поулягутся и

приступишь.

Хм, как он однако хорошо обо мне думает. Для меня ночь — лишний повод «сжевать» самой себе мозг, нервы и спокойствие в придачу. Рассудительность таинственно улетучивается, стоит улечься в постель и в права вступает паника. Но завтра, так завтра. Не мне его учить.

* * *

Спала неважно. Ожидаемо, в общем-то. Быстро перестроиться, отодвинув пережитое, я не могу. Разговор припомнила в таких подробностях, которых точно не было. А выражение заостренного лица Фомы Лукича трактовала то так, то этак. То оно казалось мне завлекательно хитрым, то отталкивающе равнодушным. Я невольно подозревала его в обмане, недосказанности и подстрекательстве разом.

Чем больше анализировала, тем меньше понимала, почему бабушка ничего не сказала. Ладно мама. Она явно не знала. Но бабушка?! А может не успела? Сперва я была слишком маленькой, на ее взгляд, потом она стала слишком слабой, на мой взгляд. И я старалась не слушать «старческий бред», списывая его на развивающуюся деменцию. Досписывалась, короче.

К приходу лесовичка и стража чего-то там, я умылась, позавтракала, и заплела косу, по его указке.

— Идеально, — кивнул он, едва появившись из зеркала. Потом перевел взгляд на мои ноги и посерьезнел. — Динара, ты что надела? Это что за подштанники с нижней майкой? Разве же у нас так одеваются?!

— Это не подштанники. Это джинсы. А майка не нижняя, а обычная. Другой у меня нет. А сарафанов из бабушкиного сундука я не ношу. Потому как сундука нема.

— Груня что же ничего не оставила? У нее много красивых нарядов было? — Фома Лукич часто-часто моргал и оглядывался так подозрительно, точно искал схрон.

— Было там старье какое-то, — пролепетала я.

Наряды я меряла не единожды, да бабушка их и не скрывала. Не раз ее расспрашивала про самодеятельность, в которой она участвует,

да та не призналась. Теперь понятно почему.

— Старье? — взревел лесовичок, — Да это ценнейший реквизит.

— Ценнейший-то ценнейший, да не подписанный, — огрызнулась я. — У меня квартира небольшая. Весь ценнейший хлам, накопленный поколениями за пятьдесят лет, в ней не поместится. Или поместится, но тогда не помещусь я. Чем-то приходится жертвовать.

— Небольшая? — Фома Лукич выразительно глянул на дверь, ведущую во вторую комнату. — Да ты не видела маленьких. А ну пошли. Заодно и наряд подберем. Получше этого.

И мы пошли. Прямо в зазывно сияющее зеркало. При нашем приближении оно точно оживилось и замигало цветными огоньками. Вот не к добру, точно говорю. Раньше я ничего подобного не замечала. Только как оно догадалось, что в этот раз и я пойду?

— Чего это оно так радуется? — от подозрительного вопроса стоило удержаться, но это выше меня.

— Нового блюстителя сказок приветствует. Признало, стало быть. И за ночь настроилось на тебя.

— А почему я этого не чувствую?

— Не опытная, потому что. Сила еще спит. Но раз зеркало признало, процесс запущен.

Фома Лукич остановился и прижал ладони к зеркалу. Надо же, а вчера сразу шастал внутрь, без этих фокусов.

— Чего стоишь? Прикладывай рядом. Знакомиться будем.

Ладони я подставила с опаской. Не знаю чего ожидала, но реальность разочаровала. Ни удара током, ни мрачного затягивания внутрь. Обычная зеркальная поверхность, разве что слишком теплая.

А меж тем, вокруг ладоней старательно ползла тоненькая змейка с короной на голове. От ее хвоста тянулась нить, цвет которой непрерывно менялся. Стоило змейке замкнуть круг, как нитка вспыхнула и я отдернула руки. Ни горячо, но жутковато.

На месте ладоней красовалась замочная скважина, размером с указательный палец. В такую при желании и подглядеть не стыдно и нагибаться слишком уж сильно не придется. Только ключика-то у меня нет.

— Ключ я точно не выкидывала, — поспешила сдаться я. — Я его даже не находила.

— Ключ у меня на хранении, — невозмутимо отозвался Фома Лукич. — В последние годы Груня подозрительной стала. Себе не доверяла. Вот и отдала, значит.

— А проходила как?

Подозрительность, граничащая с паранойей, и заставила меня подозревать деменцию у бабушки. В последний год, она то и дело заставляла переставлять вещи, все время что-то прятала, из-за любого шороха бросалась к двери, зеркалам и окнам. Иногда это беготня занимала полдня, тогда как я нечего подозрительного не замечала.

— Она ладони прикладывала, активируя зеркало. А потом стучала. Прямых ходов не так уж и много и все они известны. Один из них ведет ко мне. Я и открывал.

— Ты без ключа приходил вчера. Я точно это видела.

Надо же, я поймала лесовичка «на горячем». Он отвел взгляд в сторону и принялся изучать стену с таким интересом, точно и та скрывала ход. Хотя, кто знает?

— Я проход не закрывал, — признался он и строго добавил, подняв палец-сучок. — Но делать так строго запрещено. Прямое открытие прохода и долгое удержание его в таком положении способствует насильственному проникновению чужеродных миру сущностей, — как по учебнику процитировал он.

— А как понять, что они проникли? — на всякий случай я пробежалась по квартире и заглянула во все шкафы и щели.

— Не волнуйся, — усмехнулся Фома Лукич и коварно закончил, — не заметить их невозможно.

— Угу. Так ты целый день подвергал меня опасности, — сообщила я.

— Дело было чрезвычайной важности. Я торопился.

Он достал из-под рубахи резной ключ такого размера, что от удара таким и сознание потерять не стыдно. Ключ немного потемнел от старости, и выглядел обшарпанным и неаккуратным, но от этого еще более привлекательным. Мне тут же захотелось подержать его в руках, а еще зарисовать и понюхать. Да-да, запахи — моя страсть.

— Было? Все благополучно разрешилось?

— Целая фантомная область исчезла. Но это уже неважно, — вздохнул он. — Теперь торопиться нет смысла. Тогда можно было предотвратить. Теперь осталось исправлять.

Замок повернулся с негромким, но хорошо слышным скрипом. И как я раньше его не услышала? А мне-то казалось у меня чуткий сон?! Лесовичок закончил крутить и вытащил ключ. Свет усилился, но скважина наоборот исчезла, точно не было.

— Входи, — пригласил он и первым шагнул прямо в стекло.

Я повторила трюк. Признаюсь, глаза закрыла. Ни боли, ни жара, ни темноты. Это походило на обычную дверь, в необычной оправе.

Яркий свет в домике Фомы Лукича подсказал, что все закончилось. Лесовичок сидел на кривоногой табуретке и добродушно улыбался.

Его домик казался игрушечным. Все здесь было округло-пузатое. Круглый стол, табуретки на изогнутых ножках, пузатый буфет и горшочки на полках. Печка разрисована цветочками. На окнах кружевные белые занавески. На стене блюдо размером с добрячий поднос. В центре его — красное яблоко: на чем держится — не ясно. По углам комнаты сундуки: комод в моей квартире и то меньше. На лавках цветастые подушки. Около входной двери — рукомойник. Деревенская мечта, одним словом.

— Это все воссозданное?

— Это ты темнота воссозданная, а здесь все самое что ни на есть настоящее, — довольный старичок вскочил с табуретки и пошустрил к одному из сундуков. Крышку он откинул в прыжке, уперся ногой в ручку и заглянул внутрь.

— Разбирай, в общем. Примеряй. Теперь твое будет.

Чего в этом сундуке только не было. Сарафаны, расшитые рубашки и длинные юбки, лапти и изящные туфельки, ленты и кокошники. Особой логики в подборе вещей я не заметила. Нашлись даже восточные шаровары и коротенькая туника к ним. Казалось, сюда стащили все, что может пригодиться хоть когда-нибудь и где-нибудь.

— Бери сарафан, кокошник и сапожки, — скомандовал Фома Лукич. — Остальное будет слишком выделяться.

Я с сожалением положила обратно приглянувшиеся шаровары и вытянула красного цвета сарафан. К моим зеленым глазам и русым волосам — самое то. Результат примерки удивил.

Я то думала бабушка и молодости была ого-го какая, по крайней мере, с возрастом она знатно раздобрела, но сарафан был мне лишь слегка великоват. Больше всего из этого «слегка» пришлось на грудь и

бедра. А вот талия у нас — одинаковая. Впрочем, я и раньше знала, что скорее длинная и тощая, чем фигуристая.

— Ну как? — я крутанулась перед лесовичком, ожидая вердикта.

— Хороша! Вылитая Аленушка! — заулыбался он и тут же помрачнел. — Резинку-то с косы вынь. Тут такого и не видавали. Лентой скрепляй. Гребень костяной тоже бери. Он тебе не раз поможет. Хороший гребень. Заговоренный. Вместо сумки котомку возмешь. Скатерку не забудь. Отличная вещица, пусть и не очень сохранилась. Общаться будем по блюдечку раз в день вечером. Яблоко не вздумай есть. Сюда не каждое подойдет. Что-то забыл? Точно забыл! А после доскажу, как вспомню. В котомке еще много чего есть. По пути разберешься. Сейчас некогда. Итак времени много потеряли.

Я уже подошла к двери, когда он хлопнул себя по лбу и затараторил:

— Ключ с шеи не снимай. С дороги не сворачивай. Зеркал заговоренных мало осталось. Где они схоронены даже я не подскажу. Коли найдешь, запомни место. Помни о деле. А я приглядывать буду. Помогу, чем могу. С тобой уйти не могу, уж не обессудь. Пост мой всегда открыт должен быть. Бывай, в общем.

Фома Лукич прижался ко мне так, точно провожал на войну, а не в сказку. Я глянула на него с недоумением. Хотя, сказки-то разные бывают.

— Я справлюсь, — пообещала я. — Бабушка же справилась. А все говорят, что я достойная внучка своей бабушку.

— Ой, не обещай, — суеверно отмахнулся он и открыл проход в зеркале: — Жучков сразу не прогоняй. Посланников моих пропустишь. Чародейства в них мало, но и они сгодятся.

Я кивала болванчиком и отступала к зеркалу. Идти было страшновато. Куда вел этот ход точно не знал даже лесовичок. Точки выхода регулярно менялись, и отслеживать их в последнее время некому. Так что мне предстояло разобраться, где я оказалась и в какую сторону идти. Та еще задачка, когда видишь местность впервые.

Но паниковать некогда. Вместо этого я мысленно повторяла короткие инструкции, что получила вчера. Мне предстояло проверить громадную работу, о которой сложилось слишком смутное представление.

Глава 3

В этот раз перемещение походило на протягивание через резиновую кишку, которая все не заканчивалась и не заканчивалась. Я даже запаниковать успела и решила что так и останусь вот тут в темноте и пустоте.

Переход закончился, как водится внезапно. Первое ощущение — тонкий свист. Странно, а когда я шла к лесовичку в гости подобного не было. Да и свет проявился сразу же. А тут темно и душно.

Я напряглась и с трудом разобрала, что нахожусь в избе, в которой кто-то спит. Фома Лукич говорил, что раньше этот ход к другому стражу. Но так ли это сейчас — не знал.

Сказания — страна сказок, теперь менялась так часто, что следить за всеми перемещениями он не успевал. Решив не испытывать судьбу, я на цыпочках прокралась к двери и тихонько вышла.

Деревенский домик не имел забора, грядок, клумб и больше всего походил на полуразвалившуюся сараюшку. Как здесь может находиться заговоренное зеркало — настоящая загадка. Прав был страж, когда советовал никому не доверять.

Я вышла на утоптанную тропинку и бодро зашагала, поглядывая по сторонам. Улочка, как улочка: вполне деревенская. Коты тоже привычно облезлые, коли не знать, что в другом мире — ни за что не догадаешься. А жаль, мне до сих пор не верилось. Я невольно ждала, что вот-вот очнусь привязанной к кровати в палате с мягкими стенами.

Чтобы отвлечься и хорошенько затвердить заодно, я перебирала в памяти те не многочисленные факты, что успела выяснить. Если верить стражу, сказочный мирок существовал очень давно. И моя бабушка была далеко не первой его блюстительницей. Дар по наследству предавался редко и Фома Лукич регулярно выискивал новых одаренных.

Принцип поиска он раскрывать отказался. Сказал лишь, все факты указывают совсем на другое место. Но точку возможного выхода отследить пока не удалось, а потому и проверить невозможно.

Но волновало его не это. Сказания менялась часто, но никогда с такой скоростью. Менялись не только устоявшиеся сказки, но и

характеры персонажей и даже их внешность. Проникнуться его ужасом мне, честно говоря, не удалось и в путь я отправилась скорее из-за любопытства и скуки. К тому же, что может быть опасного в сказках?!

Фома Лукич мою беспечность не разделил, но и препятствовать не стал. Да и был ли у него выбор?! Сам он силен только в Сказании и не может воздействовать на сказочные города Фантомии, в отличие от блюстителя сказок. По его заверениям, никто, кроме таких как я, не способен на подобное. А значит, есть другой новичок, вроде меня, который уже успел натворить бед по незнанию.

Моя задача — вернуть устоявшийся порядок и найти того, изменяет Фантомию. Жаль, но готового рецепта важный страж не предложил. Лишь намекнул на беглого новичка, и подчеркнул, что готов помочь всем, чем может. А может он не так уж и много.

И вот я шла по тропе, которая быстро превращалась в утоптаный тракт и прикидывала, уложусь ли в те две недели отпуска, что пришлось взять?! А если и не уложусь, путешествие всегда можно прервать. Если будет совсем туго, вернусь домой и отправлю зеркало на помойку, как собиралась чуть раньше.

Меж тем тракт незаметно свернул к лесу, сменившись тропой. Я даже остановилась и оглянулась. Позади тракт, утоптаный и широкий, какие обычно бывают в деревнях, впереди лес и ни намека на селенье. Неужто местные добираются сплошь через эти дебри?!

Пока я думала, на тропу выкатился грязноватый шар и запричитал:

— Не ешь меня, Аленушка, я тебе песенку спою.

— Вот еще, — фыркнула я, выискивая рот и глаза у собеседника. Даже на корточки присела, чтобы лучше видеть. — Я хлеб вовсе не ем, а уж такой грязный и подавно.

Шарик превратился в овал, немного покачался и таки заорал дурниной:

— Я от дедушки ушел...

Пел он, надо сказать, так отвратно, что я заподозрила, будто съесть его пытались после, а не до песенки. В самом деле, если это заставит его заткнуться, то оно того стоит. Я примерилась и подхватила голосистого колобка на руки. Тот тут же заткнулся и выразительно оскалился. Mamochki, оно зубастое!

Летел он долго, а матюгался еще дольше. Я же раздувалась от гордости: у меня по метанию сроду хороших оценок не было. А тут, любо-дорого посмотреть...

— Так вот ты какая неправильная сказка, — пробормотала я и вошла лес. Кажется, я начинаю понимать, чем так обеспокоен Фома Лукич.

Внешне лес мало чем отличался от того, к которому привыкла я. Разве что птицы поют до того громко, что хочется приглушить звук. Они облепили ветки до того густо, точно это не лес, а вольер. И двигались с удивительной точностью и даже клюв приоткрывали все разом. Наклон, поворот, чвирк, наклон, поворот, чвирк. Минут пять я не могла оторваться от завораживающего зрелища. Ни одна не сбилась ни разу. Потрясающе!

Я подошла ближе. Глаза слезились от напряжения, но я продолжала пристально изучать явно клонированных птиц. Ба, да они же механические. Это что за сказка? Память отказалась выдавать ответ, а я низко присела и подпрыгнула со всей силы. Есть! Лес лишился одной певуньи, которая ехала у меня на плече и продолжала щебетать так, словно бы ничего не произошло. Ее товарки при этом даже не встрепенулись и уж тем более не покинули насест.

Очень скоро я пожалела о собственном вандализме. Трели чудо сказочной техники выдавала по кругу и похоже не умела ничего другого. Хм, а она отключается?

Дальше я шла не глядя на дорогу. Все внимание поглотила мелкая верткая пичужка, которую я крутила не хуже жонглера. Искусная вещица все больше удивляла филигранностью работы и отсутствием кнопки «вкл. — выкл.». Вот кто так делает, а?

В общем, удар точно в лоб застал меня врасплох. Я подняла взгляд, ожидая увидеть разгневанного хозяина чудо-птиц, но Сказания снова удивила. Остановил меня дом. Точнее перила его крыльца, в которые я вцепилась совершенно самостоятельно.

Лесная избушка выглядела нежилой и мрачной. Короче, самое то для блюстителя вроде меня. Не будь в сказке, обошла бы стороной. А так дверь открывала, будучи очень спокойной.

Бабы-яги в доме не нашлось. Лешего тоже. Зато был стол с тремя мисками разного размера. Самая больше и вовсе походила на ковш. Рядом расположились стулья и ложки. В соседней горнице стояли три

кровати. Самая большая из них оказалась настолько длиннее меня, что я удивилась. Рост у меня отнюдь не мелкий, хотя фигура скорее тощая, нежели выразительная. Пока я глазела, из кухни донесся подозрительный шум. Неужели, медведи вернулись?

Грохотала маленькая девочка: лет пяти, не больше. Не знала, что такая малютка способна произвести столько шума. Она с ногами залезла на стол, построив пирамиду из стульев и похоже всерьез приготовилась нырять в таз с супом. Только этого мне не хватало.

Если ориентироваться на правильную сказку, то медведи вернуться еще нескоро, ведь девочка должна успеть заснуть. Но зубастый колобок как бы намекает: пора тикать и быстро. Я стянула упирающуюся кроху, быстро расставила стулья и помчалась к выходу.

— Пусти! Пусти, говорю! Мне еще похлебку съесть надо и спать лечь. Пусти!

Но я не слушала и бежала все быстрее и быстрее. Девочка, устав вырываться и орать, умолкла и обессиленно повисла на моих руках, только изредка терла кулачками глаза. Я, отбежав на такое расстояние, что прекратила видеть избушку, сбавила темп и пошла размеренным шагом.

Девчушка откровенно клевала носом и я расслабилась, даже занудную пичугу, сидящую на плече, перестала замечать. Тем более, что ее собратья давно остались позади, а одинокий переливчатый голосок приятно разбавлял тишину леса.

Так и шла неизвестно куда и неизвестно зачем. Когда вдали показалась поляна, обрадовалась. Когда дом — напряглась. А сонная девочка резво соскочила с рук и помчалась к нему. Вот же егоза мелкая.

Этот дом выглядел больше прежнего и солидней. Девчушка мчалась к нему с таким азартом, что было ясно — дом не устоит. Я подумала, подумала, да и прошла мимо. Чувствую, хозяева за «подарочек» не поблагодарят, а мне еще жить охота.

А полянка сменилась тропой, не широкой, но проходимой. Сказочный лес редел, что не могло не радовать. Мне бы только к селенью выйти, настоящему, а не сказочному, а там разберусь. Я шла, а перед внутренним взором раскручивалась недавняя сцена.

— Бежка. То есть Бажена Тихомировна, конечно, — размеренно вещал Фома Лукич, пока я переодевалась. Звук из-за загородки

выходил приглушенным и сдобренным перестуком деревянных ног по деревянному полу. Я живо представляла, как страж расхаживает из угла в угол и нетерпеливо поглядывает на ширму, за которой я скрылась: — Одна из стражей Сказании. Она ведет точный учет всем изменениям. Хорошо знает настоящие и фантомные, хм... сказочные, области. И непременно подскажет с чего начинать в первую очередь. Она — твой главный союзник. После меня, конечно.

— Что за настоящие области? Я думала, тут все сказочное.

— Ох, ты даже этого не знаешь. Груня совсем-совсем ничего тебе не рассказывала? Впрочем... впрочем... секретность же. Конечно, не рассказывала. Ладно, слушай. Многого объяснить не успею, но хоть что-то.

Так я узнала, что части вымышленного, фантомного, мира соседствуют с настоящими, теми самыми, с которых некогда и были списаны. Всю информацию о настоящем, сказанском, мире, существующем рядом с нашим, блюстители и сторожа тщательно спрятали, а сказки остались и стали такими явственными, что обзавелись собственными «островками свободы». И теперь эти островки неотвратимо менялись.

Впрочем, это полбеды. Сказочные, фантомные, области менялись всегда. Исконные жители давно к этому привыкли и даже научились извлекать пользу. А вот влияние Фантомии на Сказание стало неожиданностью. Пропали целые деревеньки. До городов пока не дошло. И то, что я вышла не в том доме, на который рассчитывал Фома Лукич, лучше всего подтверждало его слова.

Моя бабушка Агриппина или Груня, как ее все звали, застала самое начало это процесса. Тогда она ему не придавала значения. Ведь и наш мир тоже меняется ежесекундно. А после стала слишком слаба, чтобы помочь хоть чем-то. Бабушка болела, а страж метался, ища нового блюстителя, способного помочь. И не найдя его, решил заглянуть к Груне за советом. А там я... без Груни зато со способностями.

— Фома, а с чего ты взял, будто мифическая сила во мне и правда есть? — я крутилась перед зеркалом, разглядывая образ сказочной Аленушки. Неплохо получилось. Очень правдоподобно. — Я в себе никаких способностей не ощущаю.

— Зеркало признало тебя, — он остановился и извлек из-за пазухи большой ключ, что так меня заинтриговал. — Тех, у кого нет сил, оно отвергает. Ох и намучался я за это время. Сперва найди. Потом проверь. Потом память перепутай, если отвергнет. Морока...

Ключ от с торжественным поклоном вручил мне. Я даже загордилась. Немного. Фома Лукич коварно усмехнулся, подергал себя за ветвистую бороду и признался, не без гордости.

— У Бежки настоечка есть знатная. Но молодильных яблочках, между прочим. Крепость у нее такая, что и меня с ног валит. А про вас дохляков я, вообще, молчу. Ни один на утро ничего не помнит.

— И что все пьют?

— А кто откажется от гостинца иноземного? — хриплый голос прозвучал на удивление вкрадчиво.

Я хмыкнула и не нашлась, что ответить. И правда, кто?!

Воспоминания развеселили, вопреки мрачности леса, который к тому же заканчивался. Явственно виднелся новый тракт, что издали смотрелся внушительнее предыдущего. Да и повозки, с запряженными в них осликами, обнадеживали. Есть люди, неважно настоящие или сказочные, и селенье найдется. Куда-то же они едут. Да еще так дружно.

Из леса я скорее вывалилась, чем вышла. Он оборвался до того резко, что я чудом не улетела в канаву, граничащую с его кромкой. Взмахнула руками, примерилась и прыгнула. Земля посыпалась из-под ног, но я удержалась. Изящная ласточка из меня не вышла, а вот неуклюжий бегемотик — очень даже.

Путники на дороге скользнули по мне взглядами и продолжили путь, а я оглянулась. Канавка точно прочерчивала всю видимую кромку леса. Кое-где она достигала размеров котлована, отчего казалось, что гигантский великан выпиливает неудобный лес. С чего бы это?! Пожав плечами и наметив очередной вопрос к Бажене Тихомировне, я попыталась догнать путников.

— Эй уважаемые, не подскажите? — играть в догонялки мне наскучило быстро. И вроде медленно идут, а поравняться с ними не получается.

— Неча тебе подсказывать, — засмеялись мужики и прибавили ходу. — Ишь фантомы наглые пошли?! Уже с вопросами пристают.

Скоро все из своего чумного леса повылезут. А ну шастай обратно, пока не загнали. А то мы можем?!

Лес предстал в новом свете. А уж канава и вовсе напугала. Выходит, процесс отделения фантомных областей от реальных зашел дальше, чем думал страж, а прорывы персонажей в реальность стали мешать. Иначе бы мужики не гнали.

— Эй уважаемые! — заголосила я, отчаявшись привлечь внимание. Таки удалось. Пара осликов остановилась. А их хозяева вооружились дубинками, спрятанными в телегах, и развернулись ко мне. — Я не фантомная. Я настоящая. Путь покажите?

— Во наглая. Врет, как живая! — восхитились мужики, крепче перехватили дубины и пошли ко мне.

— Я и есть живая, — затараторила я, пока не отметелили. — Меня Фома Лукич прислал. Бажену Тихомировну ищу. Знаете такую?

Имена оказались волшебными. Дубинки мужики опустили, хотя и не убрали.

— А в лесу чаво делала? — спросил один, выше и плечистее второго. Теперь вопрос походил на праздное любопытство, а не на угрозу.

— Так дорога туда вела. Другой не было. Не идти же мне назад.

— Из Подлеска пришла, — неизвестно чему обрадовался он. — Мы думали он вовсе исчез. А поди ж ты, живут. В лес-то нашинские давно ходить перестали. Как канава расти начала.

— Ее же перепрыгнуть можно?! — теперь мы шли рядышком, перед лениво трусящими осликами.

— Можно-то можно, а ну как исчезнет!

— Канава? — непохоже что-то. Скорее увеличиться.

— Лес. У нас так уже пятеро пропали. Ушли в лес по грибы и не вернулись. Пошли искать, а нетушки леса. Корова того, языком слизнула.

— Нету? — я оглянулась. Лес стоял на месте, а выглядел реалистичней некуда. — Вон же он. Я в нем была.

— Да разве же это лес? Так пролесок. Он раньше ого-го какой был, — мужик растопырил руки, показывая необъятный размер.

— Только как канава расти начала, и лес начал чахнуть. То один кусок пропадет. То другой. А вместе с ним и наши, что выскочить не успели. Мы теперь в него и не ходим.

Я сглотнула, представив собственные перспективы. Ну Фома, ну Лукич, хоть бы словом обмолвился. А то про грядущую гибель Сказании он говорил много и охотно, а про реальные опасности умолчал. Да и не пошла бы я, коли знала, что все так серьезно. У меня инстинкт самосохранения с детства на отлично работает.

Так-с, дохожу до Бажены Тихомировны, и через ее зеркало возвращаюсь обратно. Прогулка была интересной, но затянувшейся. Да и какая из меня спасительница целого мира?! Я даже сдобные булочки от самой себя спасти не могу. А тут мир...

Глава 4

Бажена Тихомировна оказалась вертлявой девицей едва ли старше меня. Она скорее походила на Василису Премудрую, чем на стража. Я ожидала увидеть ее похожей на Фому Лукича, а тут... не знаю, что и думать.

— Заходи, заходи, — посмеивалась она, видя мою оторопь. — Я не Баба-яга — детьми не питаюсь. Хотя накормить и напоить тоже могу. Птицу свою не забудь. Того и гляди свалится.

Я торопливо подхватила механического соловья, про которого, признаться, позабыла. Раздражал он гораздо меньше, хотя уже не пел, а надсадно похрипывал.

Завод кончился? Но больше издыхающей волшебной пичуги меня интересовала новая знакомая. Если я кажусь ей ребенком, в свои девятнадцать, то сколько же ей лет?

Ее домик радовал чистотой, беленой печкой, сундуками, лавками и полками, заставленными всякой невидалью. Чего тут только не было: чучела птиц и мышей, пучки сушеной травы, прозрачные камни, горшочки разной величины и пестики от крохотного до такого, что и зашибить не стыдно.

— А вы точно не Баба-яга?

Не то чтобы я опасалась, но уж больно любопытно.

— Точно-точно, — развеселилась Божена Тихомировка и подмигнула: — То тетка моя троюродная. И не узнать ее трудно. Увидишь — угадаешь.

— А зеркало у вас есть?

Почему-то же я вышла не там, где рассчитывал Фома Лукич.

— Есть. Как не быть. Только сбоит оно. Лес фантомный рушится, а вместе с ним и связи рвутся. Теперь что не утро — сюрприз. То деревня изменится. То видимая часть леса придвинется, то сказанцы не вернуться. В том лесу-то много полезного встречается. У нас такого не сыщешь. Вот и находятся смельчаки.

— А раньше, значит, не пропадали жители?

— Пропадали, отчего же не пропадать, — Бажена Тихомировна споро накрывала на стол, вытаскивая из печи наготовленное. И когда

успела только?! Неужто ждала? — Редко только. Так редко, что каждый раз переполох в деревне возникал. А теперь и не удивляются, вовсе. Вздыхают, да руками разводят.

Отказываться от угощения не стала. Вроде бы быстро шла, и не останавливалась толком, а в дороге провела больше полдня. Голод и усталость мешали думать. И героические планы побега домой я отложила на завтра. Вот отдохну, осмотрюсь в иномирье, чтоб было что вспомнить, и назад.

Пока я ела, Бежка достала блюдечко размером с таз и покатила по нему яблочко, такое красное, точно в краску макнули. Она смотрела, хмурилась и все недовольнее поглядывала на меня.

— Ты чего натворила, кудесница? — она подскочила ко мне и сунула таз под нос.

— Я? Да когда бы я успела? Я же сразу к вам. Прямо от Фомы Лукича.

— Сразу да не сразу, — передразнила она. — Кто колобка в Сказанию забросил? Машу из дома медведей утащил и семи богатырям подкинул? Ты зачем все сказки перемешала? Ты их распутывать должна, а ты лишь сумятицу усугубила.

— Колобок сам на дорогу выскочил. А девочку я от медведей спасла. Они бы съели ее. Богатырей вовсе не встречала.

— Колобок границу не пересек. Он на это не способен. А ты помогла, и ход создала. Теперь вся сказочная нечисть в деревни попрет. Кто оборону держать будет? Половина мужиков сгинули. Остались одни калеки.

Я смотрела в тазоблюдце и не верила тому, что вижу.

Колобок бодро катился по той деревне, в которую я угодила через зеркало. За ним вприпрыжку мчались заяц, волк и лиса. На дорогу неспешно выбирался запоздавший медведь.

— А они сами не уйдут?

Ну а вдруг? Спросить-то стоит? Сказку закончат и вернуться.

— Они не просто не уйдут, они и другим ход откроют. С каждым сбежавшим, он все шире и шире. Теперь и остальные решатся. Даже если не собирались. Но раз уж приглашают...

— А с Машей, Машей-то что? — я изо всех сил старалась не зареветь. Обидно, только вошла, а уже дел наворотила. Им и без меня несладко, а тут меня Фома принес.

— С Машей-то как раз все хорошо, — отмахнулась Бежка. Я воспряла, а она удручающе продолжила. — Трех богатырей до икоты довела, одному глаз подбила, одному бороду проредила. Одного порядок наводить заставила. Одного готовить. Царевну прогнала. Та к медведям жить отправилась. Медведи, правда, радехоньки, хозяйке не нарадуются. Но сказки-то изменились. А у нас лес и без того постоянно исчезает. Куда уж больше-то?

Я вновь всмотрелась в таз. Красавица в жемчужном кокошнике, засучив рукава, крутилась возле печки. За столом сидели три дюжих парня и довольно на нее поглядывали. Сходство между ними легко прослеживалось, как и разница в возрасте. А может то борода одному солидности добавляла. Хотя нет, третий — определенно тоньше и моложе.

— А где медведи?

— Так вот же! — Бежка ткнула пальцем по изображению парней. — Сидят радуются. Им Машу-то в наказание приставили, как и шкуру медвежьё дали. А тут подарок. Поверить счастьем не могут?

— Разве же это медведи? Это оборотни! — обманули, вот честно говорю.

— Ой, я не знаю, про каких медведей ты читала, а наши всегда такими были! Кощей развлекается. Эти женихи к Василисе Прекрасной прут из всех щелей. Вот он неугодных и отваживает. Мог бы в камень превратить, но нет. Он же у нас с выдумкой.

— А Василиса сбежать не пытается?

— А чего ей бегать-то?

Божена Тихомировна так искренне изумилась, что я, осторожно подбирая слова, уточнила:

— Ну как же? Он же похитил ее... и пленил...

— Кощей? Василису? — развеселилась она. — Чего ее пленить-то? Это ж дочка его. Любимая! Красавица и умница. А сундуки Кощей сплошь богатствами набиты. Это все знают. Вот и сватаются.

Я честно пыталась уложить услышанное в голове. Не получилось. Да и как в этом разобраться, если мне в детстве читали совсем другие сказки. Как в этом вообще можно навести порядок, коли я их «правды» не знаю.

— Домой хочу, — честно призналась я. — Сложно тут у вас. Мне в этом ни в жизнь не разобраться. Тут кто-то умнее нужен.

— Ой ли?! — Бежка замаха руками и принялась убирать миски со стола. — Груня тоже сперва путалась. И дел наворотила не меньше. А потом обвыклась да порядок навела. И ты справишься.

Слова донеслись точно через вату. Собственная глупость и беспомощность угнетала без меры. А в таком состоянии достучаться до меня никому не удавалось.

— Домой хочу, — повторила я. — Зеркало покажи.

— Зачем? — страж прекратила участливо улыбаться и смирila холодным взглядом.

И с чего это я взяла, что она милая и дружелюбная. Сушная ведь Баба-яга!

— Назад пойду, — произнесла я медленно и четко, тщательно контролируя каждое слово. — Скажешь Фоме Лукичу, не справилась я. И извинишься за меня.

— Извинишься, — эхом повторила она и вгляделась в меня внимательнее. — А что он про зеркало-то сказал?

— Сказал, что вернуться смогу в любой миг. Ключ для этого дал.

— А-а-а, — сочувствующие нотки вновь вернулись в ее голос. И весь облик стал такой задушевный, задушевный. Ох не нравится мне это. — Так это раньше так можно было. Зеркала срабатывали точно без ошибок. Нынче зеркала у нас за вроде леса. То повезет, то сгинет полдеревни. Ему даже ко мне тебя отправлять не следовало. Да испугался, что заблудишься. Ты же у нас впервые. Вот и рискнул.

— А что могло случиться? — где-то в животе проснулся противный червячок, что грыз изнутри, даря беспокойство. Сколько я не пыталась раньше от него избавиться — ни разу не вышло. А недавняя «резиновая» труба, ведущая из зеркала, намекала, что страж не врет.

— В зеркале бы жить осталась. Стала бы жительницей Фантонии, а не Сказании. Зеркальной жительницей.

— Так я, вообще не вернусь? — перспектива пугала до сухости во рту и тремора рук. Я люблю приключения, но не до такой же степени. Одно дело, гулять туда-сюда, другое — тут жить.

— Ну-ну-ну, не надо трагедии, — Бежка присела рядом на лавку и обняла меня за плечи. — Ты вот сама подумай, что бы ты на месте Фомы сделала? Наш мир гибнет и стремительно. Неужели ты не попыталась бы спасти. Отыграть назад?

Фома Лукич предстал в новом свете и не самом красивом. Резон в ее словах был, но меня велеречивые фразы давно не волновали. Своя рубашка определенно ближе к телу.

— Так как я могу вернуться назад?

— Как только Фантония и Сказания вновь приобретут стабильность, зеркала заработают, как и раньше. Груня-то частенько туда-сюда шастала. На выходные заглядывала. А возвращалась когда захочет. Это сейчас у нас дороги меняются, а вместе с ними и все остальное. А раньше спокойненько было.

Если честно я впервые поняла, что чувствует компьютер, столкнувшийся со слишком сложной и объемной для него задачей. Казалось, я слышу, как поскрипывает и потрескивает мозг, пытаюсь найти мгновенный выход. Но главное, что он вообще есть.

— А как вернуть стабильность?

— Наконец-то правильный вопрос?! — Бежка подскочила с лавки. — Вечно Фома все самое сложное мне оставляет. И о главном умалчивает. Леший, что с него взять... — она озорно подмигнула, наклонилась ко мне и шепнула: — А знаешь что. Давай-ка этот разговор до завтра отложим. Отдохнешь, успокоишься, тогда и обсудим. Иначе, ты прямо на лавке заснешь. Один день нас уже не спасет. А тебе надо обвыкнуться и присмотреться. Чтобы большей беды не учинить.

Я вяло кивнула, признавая ее правоту. Потрясения вымотали куда сильнее дороги. Глаза закрывались совершенно самостоятельно. Несмотря на желание узнать все здесь и сейчас, сомневаюсь, что запомню хоть слово. А узнать предстоит многое...

* * *

Утро вечера мудренее не стало. То ли слишком плотный завтрак, то ли непривычно чистый воздух навевали сонливость и объяснения я слушала вполуха. Услышанное плавно перемешивалась со вчерашней информацией и превращалось в шум, монотонный и однообразный. Примерно так гудят высоковольтные провода. Вроде слышно и разобрать ничего невозможно.

— Да ты не слушаешь совсем, — Бежка стукнула деревянной ложкой точно у меня перед носом, отчего я отпрянула и встряхнула головой.

— Слушаю, — неискренне запротестовала я. — Просто нового слишком много. Я запуталась и, как и раньше, не представляю чем могу помочь. Почему я? Я даже колдовать не умею. Волшебных сил нету. То ли дело ты или Фома Лукич.

— Как это нету? — она даже перестала носиться перед мной и уселась на лавку. — В тебе есть самая главная сила. Ты умеешь изменять области Фантомии. Сказки послушаются тебя. А это как раз то, чего не умеем мы. Я могу наколдовать птичку, но заставить сказку вернуться в прежнее русло — не в силах. На это способны только блюститители.

— Тут видишь какое дело, — я возила чайной ложечкой по блюдцу, подбирая правильные слова. — Сказок очень много. Я даже примерно не представляю точное их число. Не все из них знаю. Как я могу «вылечить» все сказки? Да моей жизни на это не хватит. А Сказания исчезнет и того раньше.

Бежка умолкла, разглядывая меня непонятым взглядом. Неужто они раньше об этом не догадывались? Или все дело в продолжительности жизни? То, что в Сказании время течет иначе, я уже поняла. Опасалась лишь того, что выйду из зеркала, а на Земле минуло лет триста одним махом. Или того больше. Да если и всего пятьдесят — мне хватит, чтоб хлопнуться в обморок.

Страж закончила меня буравить взглядом, бабахнула кружкой, так что я вздрогнула, и резко подскочила, забегав.

— Нет в этот раз я точно обращаю в жабу этого лешего! Или лучше в муху. Чтобы жаба его и проглотила. Полежит у нее в пузе, отдохнет, может и поумнеет.

— Что не так? — испугаться я не испугалась, но обалдела точно. Уж больно неожиданный всплеск. Хотя Бежка все состоит из таких всплесков. У нее все делается на бегу и впопыхах.

— Он что тебе вообще ничего не объяснил?

— Фома Лукич? Ну почему не объяснил?! Объяснил, что я должна найти тебя, а уже ты все объяснишь подробно.

— Нет, не муха. Жук. Навозный, — припечатала она и плюхнулась на лавку. Плеснула из самовара в чашку обжигающего чая,

проглотила, не вытаращив глаза, и наконец пояснила:

— Не надо переделывать все сказки. Даже искать их не надо. Они тебя сами найдут. Блюстителю к себе их притягивают покрепче, чем пчел цветы. Искать тебе нужно свиток пергаментный. От него все сказки начало берут. Коли в нем порядок, то и в сказках тоже.

— Выходит, раз сказки перепутались, он испортился?

— Треснул, сломался, порвался — неважно то. Главное найти и вернуть изначальный облик. Без него ни Сказании, ни Фантомии не быть.

— Ага. Свиток — это не сказки... — с подоплекой начала я, но Бежка меня прервала.

— Это их основа, а значит почти тоже самое.

М-да, фокус не удался. Я уж обрадовалась.

— И где его искать? — уточнила я, отодвигая тарелку. Аппетит стремительно исчез. Хотя до этого казалось, что съем все и столом закушу.

— А вот тут начинается самое интересное, — таинственным голос проговорила она и чувствительный червячок, что живет где-то в животе, встрепенулся и радостно оскалился. — Находится он за тридевять земель.

— В тридевятом царстве? — закончила я, честно стараясь, чтобы звучало не очень издевательски.

Бежка смерила меня скептическим взглядом и жалостливо так, протянула:

— В тридевятом царстве мы находимся. А свиток спрятан в Беловодье, путь к которому никому неведом.

— О как, а волшебный клубочек прилагается? Ковер-самолет там? Ну хоть самый захудалый?

Страж тяжело вздохнула и подперла щеку рукой.

— Ковер-самолет уже лет сто как мыши сгрызли. Сапоги-скороходы мчат быстро, да низко. А останавливаются до того шустро, что лететь тебе кубарем. Клубочек выдам, но плутает он так часто, что без него быстрее и проще. Лучше дорогу сама ищи. Путь дальний да трудный. Связь через блюдечко держать будем. А я пока думу думать буду. Пока дойдешь, может и скумекаю чего.

— Толку от твоего кукареканья, если я далеко буду. Как помощь передавать будешь? Птичками? Рыбками? Серым волком?

— Ох, и начитанная ты, — он мотнула головой, словно это нечто плохое. — Птички, да рыбки только в Фантомии действуют. В Сказании от них толку мало. Лишь языками трепать и умеют. А артефакты волшебные уже давно по свету растащены. У нас мало чего осталось. На себя полагаться надо. Но что есть выдам.

— Таки быстро бегать придется учиться?

— Тьфу на тебя, — разозлилась Бежка. Плевалась она часто и заразительно. Ох не перенять бы. — Сказала же, придумаю. Фому привлеку. Вместе и сообразим. Не впервой.

— Что значит не впервой? Сказки и раньше перемешивались?

— Сказки и раньше чудили. У нас тут чего только не было уже. Мы привычные. Почти привычные. Исчезновение Сказания — это слишком.

Подводя итог: идти придется — то, что мне удалось накрепко уяснить в результате утреннего чаепития. Хотя бы потому, что без этого назад не вернуться. Вообще-то, я готова принять сказочную должность, но с домашним проживанием и ни как иначе.

Бежка собирала меня в дорогу и попутно рассказывала все, что вспоминалось, а я старалась запомнить как можно больше. Через два дня голова моя раздувалась от избытка нового, а я сама себе напоминала мешок с хитростями. Куда идти я так и не поняла, но ориентиры наметила. Точнее наметила их страж, а я лишь старательно запомнила. И перво-наперво мне предстояло найти ключ золотой, да не тот, на который я сперва подумала. Немного, но лучше, чем ничего.

Ушла я на третий день с утра. Подготовленной себя не ощущала, но страха поубавилось. А поиск воспринимался как прогулка с препятствиями. Но уж лучше так, чем трястись от страха всю дорогу.

Глава 5

Клубок бодро подскакивал на кочках, сильно напоминая пса. Он то укатывался вперед на столько, что я теряла его из видимости, то возвращался и поджидал, подскакивая от нетерпения. Тявкать, правда, не решался. Зато кончиком веревки вилял так грозно, что я невольно ускоряла шаг, поправляя переполненную котомку.

Чего в нем только не было, но что особенно приятно, он не потяжелел ни на грамм. Зато внутри выглядел все больше и больше. Мне бы в путешествия такой чемодан.

Верх кучи полезных вещей торжественно украшала птичка, которую я благоразумно не стала заводить. Опытным путем выяснилось, что завода загадочной игрушки хватает на двое суток. Остается только гадать, кто заводил певчую армию в лесу.

Нынешняя дорога почти не пылила. Солнце приятно пригревало, а жизнь казалась бы вовсе прекрасной, кабы не зловещая трещина. Разлом тянулся вдоль всего пути. Он то приближался, то отдалялся, но не исчезал полностью. Я старалась на него не смотреть, но взгляд невольно возвращался. Казалось, вот-вот прорвутся из толщи земли языки пламени и появятся волосатые лапы. И лишь клубок мчал без остановок.

Целый день прошел в беготне. Я три раза останавливалась по естественной надобности, есть же предпочитала на ходу. Пока меня выручали припасы Бежки. Что будет, когда они закончатся, старалась не думать. А закончатся они уже завтра.

Ближе к вечеру добралась до крупного селения, чьи жители изучали меня с таким враждебным видом, что останавливаться не стала. Неужто тоже за сказочного фантома приняли?! А ведь еще недавно персонажей охотно привечали. Но теперь те вели себя столь неожиданно, что жители предпочитали сразу прогнать, а не расхлебывать последствия.

— День добрый! — крикнула я издалека. Близко подходить специально не стала. Пусть видят, мне не к ним. — А следующая деревня далеко находится?

— Близехонько, — отозвалась бабуленка с хитрым прищуром. Ясно, хитрит — не ясно в чем. — Как речку перейдешь, так вскоре и покажется.

— Иди-иди, милая, — поддержал дедок, похожий на бабу, как родной брат. Даже прищур одинаковый. — У нас-то и дворов лишних нетучки. И полати все заняты. А лари погнили давненько. А там дворы большие. Развилка все-таки. Многие ездят, многие останавливаются.

— Спасибо, — я кивнула, выдавив улыбку, и шустро потопала в указанную сторону.

Ощущение ошибки усилилось, но возвращаться бы ни за что рискнула. Уж больно ясно дали понять: гостям не рады. Главное, чтобы та деревня и правда существовала. Одно хорошо, клубок катится в том же направлении, которое указали мне. Хоть в этом не обманули.

Не знаю сколько шла, но речку увидела издалека. Да и как не увидеть, если та до того белая, словно шаловливые детки вбухали в нее немерено стирального порошка. Раскисшая земля на берегу радовала малиновым цветом и подозрительно хлюпала под ногами.

— Это какой же завод тут рядом спрятался? — я всмотрелась вдаль, козырьком приставив ко лбу ладонь.

Буйная зелень вокруг надежно скрывала любые строения и мешала обзору. Вековые исполины тянулись к оглушающе синему небу до того горделиво, точно поставили своей целью не дать рассмотреть ядовитое производство. Как перебраться на ту сторону без моста — не ясно.

Я потопталась, обмакнула палец в малиновую жижу и приняхалось. Пахло карамельками, корицей и ванильным сиропом одновременно.

— Однако! — я высунула кончик языка и осторожно лизнула. Сладкое на вкус нечто вязко перекатывалось во рту и напоминало раскисшую от жары тянучку.

— Да это же кисель!

Примерно такой же варила баба Груня, чьими советами я нагло пренебрегала. Уже смелей макнула палец в речку, догадываясь о результате.

— Обалдеть, — я подчерпнула очередную каплю и попробовала снова.

Не молоко — сметана, хотя и жидковатая. Название деревни «Сметанкино» заиграло новыми красками. Расстраивалась лишь об одном: раньше вчитываться в названия деревень и улиц не приходило в голову. И оказывается зря.

Я брела вдоль берега по направлению течения реки и не могла понять, как переправиться. Ни бревна, ни доски — ничего, что могло бы хоть как-то помочь. О мостике, даже маленьком и шатком, уже и не мечтала. Хитрый прищур наконец получил объяснение.

День клонился к закату. Круглый диск палящего солнца стремительно скатывался вниз по небосводу. Зной стихал, а вместе с ним твердел и берег. Чпокание раздавалось все реже, и речка словно б стала течь медленнее. Жаль, но ждать полного отвердевания не приходится. Я всерьез раздумывала вернуться в деревню, наплевав на враждебность. Уж больно гадко ночевать в кучке киселя.

— Отчего вы грустите, сударыня? — я вздрогнула от скрипучего голоса и стремительно обернулась к лесу.

Навстречу, чеканя шаг, бодро маршировал весьма оригинальный юноша. Стройная подчеркнуто подтянутая фигура двигалась резко и рвано, точно движения ему давались с трудом. Лицо напоминало застывшую маску и выглядело бы идеально-правильным, кабы не слишком крупный рот. Длинные губы карикатурно перечеркивали правильное лицо. Юноша улыбнулся и опрометчиво обнажил лошадиному крупные зубы.

— Бр-р, — я непроизвольно поморщилась, продолжая изучать незнакомца. И приготовилась бежать быстро и долго, но юноша излучал столько любезной доброжелательности, что тревогу отступила.

— Я не грущу, я гадаю, — отозвалась я и неторопливо пошла дальше. Подозрительный тип не стоит задержки. А если уж ему нужно, пусть нагонит!

— Могу я осведомиться о чем? — юноша без труда догнал и подстроился под шаг.

— Можете, — я отвернулась к речке. Закатное солнце разукрасило ее в розовато-бордовые тона. Выглядело это величественно и жутковато одновременно, точно то тут, то там небрежный художник пролил краски, замешанные на крови.

Случайный спутник молчал так долго, что я не выдержала и оглянулась. Кукольная, застывшая улыбка приклеилась к его губам. Все с тем же доброжелательным видом он шагал рядом и похоже ждал ответа.

— Мне на ту сторону нужно. Не знаете, где тут мост? — призналась я.

Неудобно ужасно. Придумала себе невесть что, а сказочный гость всего лишь вежлив.

— Мост примерно в километре от сюда, — провожатый смотрел вдаль с таким видом, словно превосходно его видел.

— Так далеко! Это что же ночью идти? — А вдруг тут водится кто... — я, как когти, скрючила пальцы и, понизив голос, прибавила: — Страшный.

Спутника испуг развеселил. Широкая улыбка обнажила язык, отчего я ощутила себя красной шапочкой в постели у волка. Я отодвинулась и тут же пожалела о болтливости.

— Предлагаю переплыть, — юноша спешно скрыл улыбку и потупил взгляд. Руки его лихорадочно дергались, походка сделалась шаткой.

— Я столько не проплыву, — мрачно буркнула я и добавила иронично: — Сударь.

— Плыть буду я, сударыня, — спутник открыто посмотрел в ответ, дернул уголками слишком большого рта, но улыбаться не стал.

— А я?

— А вы держаться. За меня.

Я с сомнением посмотрела на нежданного помощника. Он, конечно, выше ростом, но маскулинностью не отличается. Скорее худощавый и какой-то высохший.

— Хлипковат ты для этого, — прямо заявила я. — Я, конечно, мало вешу. Даже очень мало. Но ты все равно для лодки слишком тонкий.

Юноша сбился с шага, пару раз моргнул и хлопнул себя по груди:

— Я справлюсь. Вот увидишь.

— Валяй, — кисло произнесла я и остановилась. Ковырнула носком берег и скривилась. — Сметана очень полезна для кожи, да? Охренительно полезна... А чистой воды на той стороне нет?

— Ближе к соседней деревне есть, — отозвался юноша и шагнул в речку. Остановился он, когда белая жижа достигла пояса. Решительно плюхнулся лицом вниз и прикрикнул: — Прошу, сударыня.

— Чего? — я вытаращила глаза и захлопала губами.

— На спину залезайте. Удобно будет.

— Ненормальный, — буркнула я, оглянувшись на чернеющий лес, зябко передернула плечами и решительно направилась к импровизированной лодке.

У края берега остановилась, поймала клубочек, стянула сапожки и коротенькие носочки с бахромчатыми кружевами, запихнула их в берестяную котомку, задрала низ сарафана и обмотала вокруг талии. Забраться на спину к юноше удалось не с первого раза. Сметана скользила не хуже масла, а «лодка» раскачивалась от малейшего движения. Наконец это удалось.

— Поплыли, что ль, — пробормотала я, прикидывая, где будет удобно держаться. За талию — неловко, до плеч — не дотянуться. Безвыходное положение.

Уцепилась за перевязь, которую не заметила раньше. Та наискось перечеркивала спину и оказалась достаточно крепкой и широкой, чтобы можно было крепко ухватиться. Вот только из чего сделано не ясно. На кожу не похоже, на ткань тем более.

«Да это же дерево», — догадка слишком поразила. Не веря самой себе, осторожно ощупала спину, на которой сидела. Распласталась и кончиками пальцев аккуратно потрогала шею юноши.

В том что это дерево, сомнений больше не было. Теперь по-другому воспринимались и выточенное лицо, и стройная фигура и рванные движения. «Буратино, ты ли это? Нашелся, родненький!», — фыркнула я про себя, но спрашивать не рискнула. Вместо этого с хитринкой поинтересовалась:

— Раз уж у нас с вами столь близкие отношения, сударь, — словечко оказалось ужасно прилипчивым, — может вы представитесь?

Момент определенно не подходящий, но юноша любезно отозвался и даже не удивился вопросу:

— Э-э-э, Тедерик вашим услугам, сударыня.

Не такого ответа я ждала. Но не спросишь же прямо: ты буратино или нет?! Да и не он мне нужен, а золотой ключ из другой, народной сказки. Все тут наперекосяк.

— Динара, — отозвалась я и умолкла. Надежда на прояснение не оправдалась, а приставать с расспросами посреди сказочной реки страшно. А ну как скинет.

Точно отвечая мыслям, «лодка» дернулась и двинулась рывками. Казалось, он силится преодолеть невидимый барьер. Силится и не может. Сметана вокруг забурлила и ощутимо нагрелась.

— Так вот как в сказках глупые девочки попадают в котел к Бабе-яге, — мелькнула непрошенная мысль.

— Что это, Тедерик? — жалобно простонала я.

— Не могу знать, сударыня, — прокряхтел тот.

Нас тащило назад с устрашающей скоростью. Я покрепче вцепилась в твердую спину и оглянулась.

— Рыба! Там рыба?! — мне удалось перекрыть нарастающий свист.

Тедерик мотнул головой и удвоил усилия. Я оттринула безразличие, прижалась крепче и присоединилась к гребле.

— Поднажми! — пропыхтела я. — А то этот зубастик нами пообедает.

— Я стараюсь сударыня, — проскрипел он, — но от чудо-кита еще никто не уходил.

В этот миг рука скользнула почему-то скользкому и мягкому. Омерзительно. Я дернулась и с трудом сохранила равновесие. Свет начал меркнуть. Над головой появился полукруглый свод и стремительно приближающиеся острые кинжалы. А потом нас обступила темнота.

— Ты знал? Знал?

Я с силой треснула по бесчувственному спутнику, слезла с него и отдернула сарафан. Под ногами хлюпало. Вокруг пахло так, словно угодили прямиком в выгребную яму. Со всех сторон шуршало, мычало и попискивало.

— Я знал, что где-то он водится. Все знают. Но не знают, где именно.

— Миленькое место, ничего не скажешь, — проворчала я. На ум некстати пришло расхожее выражение про два выхода. — Как думаешь, сколько нужно времени, чтобы я переварилась? Тебе-то не страшно!

— Редкое преимущество, сударыня, — отозвался Тедерик.

В его словах скользнула явная горечь, и я насторожилась. О чем может тосковать фантом?! Уже собралась уточнить, как резко вернули свет.

Я закрылась ладонью и усиленно смаргивала выступившие слезы.

— Гляди новенькие! — хриплый смех с гулом разнесся внутри гигантской рыбы. — А чего ж пешие-то? Она обычно за лодками охотится. Рыбаков страсть как не любит.

Я кинула выразительный взгляд на Тедерика: кажется, случайный виновник найден. Дерево и дерево, видать за лодку сошел. Эх, надо было самой плыть. Авось не съели бы.

— А вы давно тут прозябаете?

— Да почитай годков пять уже.

— Не, не, не. Я не могу так долго. Меня же дома ждут!

— Дома? Вот теперь твой дом. Привыкай! — захохотал другой рыбак. Один его глаз надежно скрывала темная повязка. Да и вид он имел до того лихой, что сабля в его руках смотрелась бы органичнее удочки. — Не знаю, из чего чудо-рыба сделана, да только брюхо у нее прочнее иного дома. Что мы только не пробовали?!

— Ничего. Я знатный ломастер. Все так говорят.

Стоило выяснить, что в брюхе можно жить, как я приободрилась. И вроде радоваться нечему: надежда на спасенье стремительно улетучилась, а в компании не так жутко.

Глава 6

Обход новых владений умерил пыл. Воздух тут был, но до того затхлый и зловонный, что дышать приходилось мелко и часто. Из еды только рыба, зато вдоволь. Из питья — сладко-кислый кисель. Не уверенна, что долго протяну на таком рационе. Окружающие меня фантомы ничего не замечали и выглядели упитанными и довольными жизнью. Ну им по сказке положено, а мне нужно выбираться.

Я прошлась по импровизированной «комнате». Ниже ее располагалось нечто, пахнущее еще хуже. Туда вела узкая трубка, по которой человеку не пролезть. К тому же пары едкой гадости, что находилась там, обжигали носоглотку. Я отпрянула и направилась в другую сторону.

Снова будто резиновая труба, до того узкая, что остается лишь гадать как мы не застряли. Труба мелко подрагивала и выглядела мерзкой, а стены ее покрывала прозрачная слизь. А я киселя и сметаны боялась?! Надо было воспринимать как омолаживающую маску. Вот тут, и правда, «фу», а речка очень даже ничего. Все познается в сравнении, ага.

— Тедерик, ты со мной? Или будешь обживать новый «уютный домик»?

— Я не пролезу, — он потрогал трубу, оценил как с пальцев капает вязкая жидкость и явно решил «зимовать» тут.

— Э нет! Так не пойдет! Я плаваю плохо. Без тебя до берега не доберусь. И тут не выживу. Это тебе дышать не нужно. А мне здесь воздуха маловато, — огласила я и решительно подошла к трубе.

Лезть сразу не рискнула: замерла, уговаривая себя не сдаваться. Я не сказочная, я настоящая. Мне ужас как жить охота.

— Эй, ты погодь! — рыбаки высыпали из корабля. Только сейчас в полумраке пещеры я заметила череп на парусах. Так вот почему «милая рыбка» их проглотила?! — Ты правда знаешь выход?

— Нет. Но я попытаюсь его найти.

— Мы с тобой! Даже корабль брать не будем, только выведи.

Суета началась невообразимая. Они бегали по палубе, пытались захватить как можно больше вещей и нацепить их на себя, оставив

свободными руки.

— А разве срок вашего наказания уже истек?

— Мы исправились! — истошно завопили они, бухаясь на колени. — Вот те крест, исправились. Только выведи, благодетельница.

— Пошли уж, — хмыкнула я и полезла в трубу.

По правде сказать, мое мнение ничего не значит. Как я могу запретить идти за собой сразу пятнадцати мужикам, пусть и сказочным?! А думать об их моральном облике буду, когда выберусь. Они за пять лет уже все испробовали. Это я еще верю...

Труба скользила под пальцами, обжигая руки и босые пятки. Зацепиться не получалось. Приходилось использовать вместо выступов бугры, которых тут в избытке. Интересно, рыбка болеет или так и должно быть? Ох не сильна я в анатомии.

Наконец труба закончилась. В пасти было чуть светлей. Затхлость и вонь никуда не делись. Увы. Язык впечатлял размерами и сосочками, на которые даже наступать страшно. Я вглядывалась в них, низко склонив голову, и старательно обходила, чтобы подобраться к зубам, размером выше моего роста.

— А ведь могла перекусить, — я сглотнула, представив, как гигантский «резак» опускается мне на спину. Или голову. Бр-р. Да я везунчик.

— Зря это все, — пираты деловито прохаживались по языку и кажется готовились к спуску обратно. — Были мы уж тут. Зубы не разжать. А когда пасть открывается, поток киселя такой, что удержаться невозможно. А выплыть уж подавно.

— Погоди труса праздновать, — пробормотала я и прикрикнула: — А ну цыц!

Галдеж тут же стих. Ну и славно, а то думать вовсе не возможно. Пираты взирали на меня как на Василису Премудрую, я же ощущала себя Динарой Замученной. Одно ясно, разжимать зубы — бесполезно. Наши с рыбкой силы не равны. Не стоит и меряться.

Идейка нарисовалась всего одна, да и та не факт что сработает. С великаном бы точно прокатило, а с рыбой шут его знает. Но попробовать-то стоит!

— Где основание языка? — я наклонилась ниже, пытаюсь угадать правильную точку.

— Чегось языка? — прозвучало хором.

Удивительное единодушие. Промолчал только Тедерик. Он же ответил.

— Язык начинается тут, сударыня.

— Отлично, — потирая руки, я встала рядом, и ухватила его за руку. Если получится, важно не потерять его, а то не выплыву. — Встаем все сюда!

Пираты слаженно промаршировали к нам и столпились вокруг. Интерес в их глазах не скрывала даже темнота. Стало быть, такого они еще не делали.

— А теперь прыгаем под счет. Раз — прыжок, два — другой. Все ясно? — ответом стал слаженный гул. — Раз! — скомандовала я.

Прыгали мы вдохновенно и со всей дури. Считали все хором. И даже Тедерик чеканно твердил: «Раз, два».

— Раз, два взяли! Раз, два взяли!

Даже если не выйдет, устану — хоть спать хорошо буду.

— Сколько надо прыгать, сударыня? — четкий голос Тедерик без труда прорвался сквозь бодрый ор пиратов.

— Сколько сил хватит, — пропыхтела я.

— Я могу прыгать вовсе без остановки.

— Т-олку от одн-ого те-бя, — слова давались с трудом, смешиваясь с хрипами. А пираты-то тренированнее меня будут. Теперь верю, что за пять лет они испробовали все. Иначе бы не сохранили физическую форму. — Ты ле-х-кий оч-ень.

Я много еще чего хотела добавить, но тут язык рыбы пришел в движение. Света стало больше, а стоять — сложнее. «Рыбка» — поработительница пиратов, дернулась разок другой, да и срыгнула нас.

Впрочем, о последнем я догадалась уже в полете. Тедерик, умница, крепко держал меня. Я руку отпустила сразу. Не специально. И вряд ли бы выплыла, как бы не он. Когда небо и земля заняли привычное положение, я обнаружила себя лежащей на мирно плывущем Тедерике. Где-то в стороне визжали от восторга пираты.

— Ехуу-у! Молодец, ломастер, — орали они.

Повторно рыбка нас глотать не рискнула. До берега, не знаю какого, доплыли уже в сумерках. Нашли сухое место и свалились спать. Точнее свалилась я, а Тедерик остался караульным.

Засыпая, удивлялась сама себе. И с чего я взяла, что на кисельном берегу спать не удобно?! Грязной, вонючей мне прекрасно спалось на

мягковатом берегу. Вопли празднующих освобождение пиратов сошли на колыбельную. Эх, кто же раньше знал, что спать можно везде и в любом положении, главное правильно устать.

* * *

Несмотря на усталость, проснулась едва расцвело. Неприлично бодрый Тедерик походил на полено, которое оставили гнить в пруду, но после все же спасли. Вода стекала с него ручьями, что его ничуть не тревожило. Он на вытянутых руках таскал мелкие ветки и подкидывал их в чахлый костерок, непонятно как разведенный на камне.

— А сгореть не боишься?

Меньше всего мне хотелось лишиться полезного спутника. И лодка, и охрана, и приятная компания. Где потом второго такого искать?!

— Я не горячий, сударыня, — меланхолично отозвался от, не отрываясь от процесса.

— О как! В воде не горит, в огне не тонет. Тьфу, наоборот, в общем, — исправилась я с досадой. Любимой словечко Бежки таки прилипло ко мне. — А из чего ты создан?

— Не могу знать, сударыня, — он уселся у костра, чтобы обсохнуть.

— А ты выточен или заколдован? — решила я на каверзный вопрос. С тех пор как выяснилось, что без золотого ключа никак не обойтись, поиск мальчика с ключом превратился в идею фикс.

— Заколдован, — отозвался мой спутник, сохраняя предельно вежливое выражение лица. То есть рот радостно оскален во всю мощь явно лошадиных зубов. Не самое лучшее зрелище, если честно. — Сударыня мыться собирается или так пойдет?

Вопрос он произнес безукоризненно вежливым тоном, но я оценила коварство. Давно мне мужчины не намекали на неподобающий внешний вид. И неважно, что этот деревянный. Но раз заколдованный, раньше был человеком. Эх ключик, где ты?

— А где, где вода-то? — спохватилась я. У меня внезапно зачесалось все. Вот совсем все, начиная от макушки и заканчивая пятками.

— Тут неподалеку, — он неопределенно махнул рукой. — Мы вчера чуть-чуть недошли. Вода хорошая. Чистая.

— Карауль костер, — наказала я и осторожно направилась в указанном направлении.

Мой спутник оказался прав. Мы недошли до окончания молочного берега с десятков метров. Сдались на подступах. Не то чтобы я сильно переживала о внешнем виде, но спать на сухом приятней и полезней.

У воды меня поджил сюрприз: провал в метр шириной и такой глубины, что дна не видно. Даже не знаю, что пугает больше: прыжок через пропасть или купание в фантомном озере. А вдруг и в нем чего-нибудь зубастое водится?!

Путь назад я преодолела бодрым галопом. Тедерик почти обсох и сидел, застыв изваянием, от чего еще больше походил на ростовую куклу.

— Здесь только одно озеро? Сказочное? — Фантомное я благоразумно упустило. А ну как обидится.

— Одно, сударыня, — произнес он, не меняя позы. — Не извольте беспокоиться. Оно чистое и безопасное. Я очень тщательно проверил.

— Спасибо, — вздохнула я и поковыляла обратно. Придется рискнуть.

Чем ближе я подходила к озеру, тем быстрее шла. А после и вовсе побежала. Пропасть преодолела скачком, становилась и выдохнула. Уф, не исчезла.

Вода оказалась чистой и настолько прозрачной, что виднелось песчаное дно без гальки. При такой видимости обследовать озеро не проблема. Я прошла по берегу, не увидела ничего сказочного и разделась. Полностью. Стирка предстояла тяжелая, но не ходить же грязной. Заодно и котомку прочищу.

Однако та порадовала чистотой и сухостью, точно и не купалась в киселе вместе со мной. Вещи лежали в тех же кармашках, что и раньше. А зачарованный короб, как и прежде, поражал безразмерным нутром и волшебными орешками с запасом чистой одежды.

Новый сарафан глубокого синего цвета с красными вставками я достала заранее, тщательно разложила на больших камнях, а сверху придавила короткими мягкими сапожками, рубахой и двумя красными

лентами для волос. Одну я собиралась вплести в косу, вторую — повязать вокруг головы.

Нашлась и глиняная баночка с мылом: целая, не разбитая. Тоже небось зачарованная. А Бежка сказочница знатная, однако. Ничего не умеет, артефактами не владеет, угу. А вещи сами себя в порядке поддерживают. Жаль, стираться самостоятельно не научились. Придется трудиться.

Я с комфортом расселась в воде так, чтобы та доходила до пояса и приступила к чистке. К моему удивлению, сложнее всего отмывались не сметану и кисель. Они как раз счищались без проблем. А вод вязкая жижа из нутра чудо-рыбы сходила плохо. Пальцы я стерла не в кровь, но до волдырей. «Приятные» мысли о сдирании жижи с себя вместе с кожей, старательно отгоняла. Но нет ничего вечного. Постиранные вещи я развесила на кустах и снова вернулась в воду.

Пожалуй, только сейчас я в полной мере ощутила всю вонь и грязь, что въелась в кожу, волосы и ногти. Я плавала, плескалась, мылилась снова и снова, но все равно ощущала мерзопакостный запах. До чего же он стойкий! Ни с первого, ни со второго раза не отмыть. Еще разок и назад.

Я начала намыливать снова, когда с берега раздался яростный вопль:

— Что опять? А ну вылезай, русалка чертова!

— Исчезни, Тедерик! — рявкнула я, ища его взглядом.

Источник шума нашелся на другой стороне озера. Он походил на зефирного человечка, только очень уж высокого. Выше меня точно, а ведь рост у меня почти модельный. И нет. Это был не Тедерик.

— Упс, — пробормотала я, пытаюсь скрыться в чересчур прозрачной воде.

— Не трудись. Я уже все рассмотрел, — огрызнулся зефирчик, злобно сверкая глазами. — Вылезай, моя очередь.

То есть он рассмотрел, а я вылезай. Вот уж дудки. Пусть так моется. Заодно и узнаю, как выглядят фантомы без одежды.

— Так мойся, — огрызнулась я. — Больно ты мне нужен. Я и смотреть не буду.

— Я предупредил, — странновато хмыкнул зефирчик и принялся раздеваться.

Я не смотрела. Совсем не смотрела. Ну разве что вполглаза. В первые пять минут. А после не выдержала и повернулась всем телом. Увиденное поразило. Вот честно. Так поразило, что еще минут пять я даже молчала. Очнулась после нахального:

— Нравлюсь?!

— Ты настоящий?

— И что? Утопишь? — хмыкнул он, держась в воде так, чтобы виднелась только голова.

Стесняется? Серьезно?

По мере отмыwania, зефирчик превращался в обычного темноволосого парня. В меру мускулистого, в меру симпатичного, явно нескромного и настоящего. К моему ужасу.

Воспитание вдруг напомнило о себе. Я наскоро смыла пену, пулей выскочила на берег и закуталась в простынь, заменяющую полотенце. Нахал в озере лишь сильнее развеселился.

— Какие русалки порядочные пошли. Даже в этом мне не везет. Нормальные — соблазняют. А эта шарахается. Нет в жизни справедливости.

С моим уходом он приободрился и явно расслабился. С чего бы это?

— Было бы чего соблазнять, соблазнила бы, — огрызнулась я, хватая чистую одежду и собирая постирушки.

— Так ты из какой сказки, русалка? — проорал он мне вслед, отчего я чуть не грохнулась в пропасть.

— Из своей собственной! — крикнула я и помчалась к безопасному фантомчику, что послушно ждал у костра.

Завидев не одетую меня, Тедерик вскочил и отвернулся. Теперь он стоял так, что мог с комфортом подглядывать. Но делал это так ловко, что на «горячем» не попадался.

— Кто-то напал? — проскрипел он с явной тревогой в голосе.

— Да, но я уже отбилась, — протараторила я. Не хватало тут только боев без правил. — Скажи, а какие сказки располагаются неподалеку?

— Сказки? — Тедерик так удивился, что повернулся. Благо я уже оделась. — Тут все настоящее.

— И озеро настоящее? — подозрительно уточнила я, зацепляя выстиранную одежду за длинную палку. Придется сушить на ходу,

время не терпит: провалы-то растут.

— А разве озера бывают другими?

— Хм, ты прав Тедерик. Что-то я... перекупалась, наверное.

— Это нервное потрясение. Вы очень храбро вели себя вчера.

Он еще размышлял о моих подвигах, а я уже обдумывала новый способ поиска фантомов. Они, как выяснилось, не различают реальности, тогда как те мужики с осликами на дороге отлично знали, где начинается и заканчивается сказка. Осталось поймать парня с озера и допросить...

— Как вы считаете, сударыня?

— Что? Отличная идея. Так и сделаем — очнулась я. Интересно, на что я согласилась?! — Пошли что ли?!

Я достала клубок и кинула перед собой. Завтрак пропустила сознательно. После брюха чудо-рыбки меня ощутимо мутило. Не так, чтобы остановиться, но достаточно, чтобы не рискнуть есть. Ключик, я иду!

Глава 7

В этот раз клубок не стал искать тракт. Он уверенно поскакал через лес и даже не попытался подождать оторопевшую меня. Хорошо, хоть лес настоящий, а не фантомный: не так страшно.

— Тедерик, а кто водится в лесу?

Он, в отличие от меня, не призадумался о странностях пути. Да и о том, куда шел раньше тоже не обмолвился. Точно специально появился в трудную минуту, чтобы помочь.

— Как у всех.

— Хм. Маша, три медведя и семь богатырей? — именно их я встретила до этого.

— Волки, лисы, зайцы, — перечислил он, замедлив шаг. Похоже мое душевное здоровье его беспокоило куда сильнее леса.

— А ты куда идешь?

— Вас сопровождаю, — с запинкой отозвался он.

— А кто направил?

— Направил? Я сам иду. Направление знаю. Чего меня направлять.

— Кто тебе приказал найти меня?

— Приказал? — Тедерик клацнул зубами и остановился так резко, что я впечаталась в него. Больно, между прочим. — Я не подчиняюсь приказам, сударыня. Меня можно только попросить.

— Кто попросил? — теряя терпение, сквозь зубы процедила я.

— Да чего просить-то? Мне все равно в ту же сторону. Я и так, и так шел.

— Значит, все-таки, попросили, — подвела итог я. — Бежана или Фома Лукич?

— Кто такие? Где живут? — уточнил он, ускоряя шаг. Создавалось впечатление, что он просто сбегает, не зная как избавиться от неудобных вопросов.

— Э-э-э, в деревне, — протянула я.

Надо же, только сейчас выяснила, что даже названия пунктов не запомнила, полностью доверившись зеркалам. Отчего-то казалось, что

задача на раз-два и справлюсь я с ней раньше, чем закончится день. А получилось оно вон как. Совсем не по плану.

— Тут кругом деревни, — с жалостью произнес он и миролюбиво добавил. — Никого по имени Фома и Бежана я не знаю.

Я вздохнула и прекратила безнадежный допрос. Нервов потратила много, а не узнала ровным счетом ничего. Стражи могли представиться по-другому, могли вовсе не называть имен, а могут быть действительно не при чем. Кто ж их разберешь?! А деревянный спутник то ли не догадлив, то ли путается во всем, что выбивается из его роли.

За размышлениями время летело незаметно. Мой спутник вовсе не умел уставать. Я не ахти какой ходок, но в лесу ночевать не хотелось. Гнуса, как не странно, нет вовсе. Погода теплая, но не жаркая. Иди себе, да иди. Кабы не сапожки, что нещадно давят на пальцы. Ох, щеголять мне кровавыми мозолями...

Сдалась я после полудня. Ноги болели кошмарно, есть хотелось так, что урчание живота, наверняка, слышали на другом конце леса.

— Привал! — объявила я и уселась на траву.

— Уже? — так искренне изумился Тедерик, что я разозлилась.

— Это ты деревянный, а я живая. Из плоти и крови. Я устала.

— Простите. Я забылся, — отчеканил мой спутник и отвернулся.

Сейчас он походил на надломленное деревце, которому не хватало сил держать собственный вес. Сутулая неподвижная фигура олицетворяла собой столько отчаянья, что я устыдилась несдержанности.

— Прости. Я не со зла. Просто очень устала. Давно ты был человеком?

— Неважно. Прошло столько времени, что я запутался в подсчетах, — он повернулся и подхватил углы скатерти, которую я безуспешно пыталась расправить.

— Тебя же должны были расколдовать, — наугад отозвалась я. Всех в итоге расколдовывают. — Щелкунчик, где твое королевство?

Тедерик странновато глянул, и медленно, тщательно подбирая слова, отозвался:

— Королевства давно нет. Оно тает день ото дня. Говорят, его заколдовала Мышильда. Я отправился в путь, надеясь найти того, кто сможет отменить заклятье. Мне нет разницы куда идти.

— Ты же должен победить Мышильду и ее семиглавого сыночка. Тогда колдовство развеется, — блеснула знаниями я, всматриваясь в скатерть-самобранку.

Жирные пятна, крошки — она выглядела так, точно на ней недавно ели и забыли как следует прибрать. Интересно кто, если я достала ее впервые?!

— Победил, — кивнул он. — Мышильда исчезла. А ее сынок распался на семь отдельных мышей и разбежался в разные стороны. Двоих я догнал. Остальных не успел.

— О как, твоя сказка тоже изменилась, — пробормотала я и принялась. Пахло хлебом и кислым молоком. Скатерть не двигалась. Еда не появлялась. — Ты ищешь четырех оставшихся мышей?

— А как их найдешь, если они сбежали из королевства?! Я ищу того, кто умеет колдовать, как и Мышильда.

— Все наперекосяк, — вздохнула я и жалобно попросила: — Скатерочка миленькая, я есть хочу.

Скатерть пошла рябью, дернула углами, я приободрилась, а она вновь издевательски замерла. То ли неправильно прошу, то ли чары давно выдохлись, как Бежка и предупреждала.

— Скатерть-самобранка накройся, — скомандовала я.

Крошки исчезли. Запах кислого молока тоже. Еда не появилась. Да что же это за издевательство?!

— Тедерик, ты знаешь, что с ней делать?

— Увы, сударыня. Ел я давно. За столом и без скатерти.

— А ну жрать давай! А то спалю! — зычный голос раздался из-за спины так неожиданно, что я подпрыгнула.

Бывший зефирчик, гаденько улыбаясь, достал спички и поднес к углу скатерти. Та бодренько скаталась в колбаску, развернулась обратно и явила столько горшков сразу, что и за день не съесть.

— Опять ты! — простонала я.

— Не читаешь ты сказки, русалка, — хмыкнул довольный зефирчик и сел у другого конца скатерти.

Тедерик вперил в него злобный взгляд, но смолчал. Лишь оскалился, выпячивая лошадиные зубы.

— Я читаю сказки. Там этого не было!

— Еще как было. Просто ты неправильные сказки читаешь. Слишком детские, — отмахнулся он и придвинул горшок с наваристыми щами.

— Эй, это моя скатерть. И моя еда. Я тебя не приглашала.

— Я тебе от обжорства спасти буду. Треснешь ведь. Убирать придется.

— Не тресну. Я очень много ем, — захотелось пнуть нахала, но для это нужно встать, а ноги и так болят. Короче, месть пришлось отложить.

— Ешь-ешь, — разрешил он, не прекращая есть. — А собирать как будешь?

— Что собирать? — почему-то мне представилось мое разорванное в лохмотья тело и Тедерик с совочком.

— Скатерть собирать? Она тебя не слушается. Или так и потащишь кульком?

Контрольный в голову! Спичек у меня нет, а ничего другого волшебная пакость не боится. Ем я, увы, три раза в день. В общем:

— Ладно. Живи, владыка огня.

— Вот так бы сразу.

И даже Тедерик не стал спорить, но зубами щелкнул так, точно представил как откусывает наглому Зефирчику голову.

* * *

Все время, что ели, клубок нервно подскакивал невдалеке. От отбегал вперед, возвращался назад, разматывался, заматывался, но стукнуть по голове не рискнул. Хотя, я ощущала его молчаливое недовольство и требование поторопиться.

— Садист. Эксплуататор махровый. Змей скрученный, — бурчала я, натягивая сапожки.

После отдыха ноги горели сильнее и шла я, откровенно прихрамывая.

— Не проще ли разуться?

Зефирчик скептически разглядывал утиную походку и вразвалочку шел рядом. Как-то я упустила его из вида.

— Ты все еще тут? — простонала я, стараясь не слишком громко шипеть от боли.

— А где я должен быть?

— Спешить по своим важным зефирным делам.

— Почему зефирным? — он так искренне изумился, что я забыла про боль.

Точно, я же Зефирчиком его про себя именую. Это же надо так опростоволоситься.

— Проехали, — буркнула я. Объяснять не хотелось. Вот совсем. На всякий случай уточнила, ну чтобы больше точно не ошибиться. — Как тебя зовут-то? Или обед не повод для знакомства?

— Михайло Огнянович, — огласил он и отвесил поясной поклон.

Я округлила глаза, пытаюсь сообразить, он дуркует или всерьез? Вроде спичек тут быть недолжно, но кто его знает, чем успела снабдить этот мир моя бабушка.

— Динара Прекрасная, — фыркнула я. Почти не соврала: имя настоящее.

— На Динару хромую ты больше похожа, — он выразительно кивнул на перекошенные сапожки, которые я сдвинула, пытаюсь уменьшить боль.

Идти стало вовсе неудобно. Мозоли стремительно росли на новых местах, а шла я так опасно раскачиваясь, что сама за себя боялась.

— Хотя нет. Я понял. Ты Динара Копытовна. — Я остановилась, готовясь к обороне, а он с невинным видом пояснил: — Копыта — единственная причина, почему ты боишься снять эти орудия пыток. Обычными ногами никого не испугать.

На слабо я не реагировала с детства, но тут проняло. Я оглядела местность. Чистенько, с виду мягонько. Чего упрямлюсь-то? Ах да, мне же в руках это все переть. При том в одной руке уже есть вторая пара, которая никак не просохнет. Остальное-то давно высохло. И пусть выглядело экзотично помятым, зато больше не пахло простоквашей.

И все же я решилась. Трава на ощупь походила на ковер и почти не размазывалась по ступням. Камней мало, как и веток. Рая для босоногих, вроде меня.

Трамбовать сапожки в котомку оказалось куда сложнее, чем извлекать из наряды из волшебных орешков. Я и раньше не понимала,

как Бежка столько всего впихнула, а теперь заподозрила страшное колдунство. Почему страшное? Ну так обычное она бы мне показала. А так, выдала все в готовом, упакованном виде.

— Порву! — Не знаю чего, но порву. — И скормлю чудо-рыбе! — рывкнула я и согнулась под тяжестью вещей.

Ага, проняло. Не меня: котомку. Она покорно увеличилась, до размеров большого чемодана и оказалась таким тяжелым, что удержаться на ногах я не смогла. Кое-как поднялась, отскреблась от травы, втиснула сапожки, подняла взгляд и... разозлилась еще больше.

Тедерик и Михайло стояли рядышком и очень похоже улыбались, даром что один деревянный. Улыбка у каждого от уха до уха во все зубы.

— Сударыня украла чьи-то вещи? — вежливо осведомился щелкунчик.

Кабы не знала его раньше, решила бы, что он изощренно издевается.

— Сударыня пожадничала и теперь расплачивается, — насмешливо подсказал Зефирчик.

М-да, он определенно обо мне знает больше, чем я о нем. Интересно откуда? Я уж про спички молчу. Может он, конечно, просто бывал в нашем мире, но зачем тогда Фома Лукич подгонял меня? Вопросы множились, ответы не появлялись. А все вокруг внезапно стали врагами.

— Э, ты чего?

Интересно, что Зефирчик узрел на лице?!

— Уменьшись! — иерихонской трубой заорала я, перебирая в памяти подходящие угрозы. Но кажется выглядела я и без того достаточно зверски, иначе почему котомка спешно упаковалась, свернулась и закрылась?! Так вот как Бежке удалось навести идеальный порядок!

— Она делает успехи. Еще чуть-чуть и научится управлять нахапанным добром.

Зефирчик открыто веселился, Тедерик выстукивал на себе нервную песенку, и только волшебный клубок смиренно ждал, обернувшись кончиком нитки, как хвостом. Смотрите-ка, он больше никуда не торопится.

Я кровожадно размяла пальцы и устрашающе — надеюсь не безумно — обвела всех взглядом. Кажется, я научилась управлять этим балаганом. Зефирчика еще строить и строить, но остальные вон в каких лапочек превратились.

Не считая нужным объяснять ситуацию с вещами, я развернулась и громко приказал клубку:

— Веди!

Оправдываться — не мой стиль. Кому нужно, тот и так знает, а остальные все одно — не поверят. А время всех рассудит. Особенно Зефирчика, который чем больше болтает, тем подозрительней выглядит.

Шагов через двести я остыла настолько, чтобы повторить вопрос Мишке:

— Так почему ты тащишься за мной?

— Охраняю тебя от твоих же вещей, — тут же парировал он.

— Я сама с ними справлюсь! — удивительно раздражающий тип. Я ведь сама котомку увеличила, и закрыться заставила и захлопнуться, а он все в ту же дудку дует.

— В глухом лесу, да! А в людных местах что делать будешь?

— Спички куплю.

— Нет у нас спичек. Только огниво, — он с готовностью открыл свою поклажу и продемонстрировал. — Ты умеешь обращаться этой штукой?

— У тебя есть спички. Ты сам мне их показал. Тедерик, скажи ему!

— Извините, сударыня, — щелкунчик опасливо отодвинулся от огнива. — Я не настолько люблю огонь, что бы на него смотреть.

— Значит не видел? — он мотнул головой и тяжело вздохнул. В спектакль я не поверила. Да и потерей памяти не страдаю. А уж как злорадно он смотрел на нашего нового знакомого... Присутствие Зефирчика ему выгодно. Чем только?

— Убедилась? И куда ты без меня?! Пропадешь, ведь, — говоря это, Мишка так радушно улыбался, что понять мысли не удавалось. То ли шутит, то издевается, то ли не хочет раскрывать собственные планы.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось. Я тоже могу помолчать. А два спутника — больше одного. Оба сгодятся.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда лес поредел. Вдали слышался перестук повозок и гомон голосов. По всему выходило, что тракт близко. Да не какой-нибудь, а крупный.

А вскоре стало ясно, что угадала. Почти. Не тракт, а деревня, а может и городок, чья стена граничила с лесом. Осталось найти вход и мы на месте.

Караульного у ворот мы не нашли. Впрочем, и не искали. Он нас почему-то тоже. Или тут всем рады, или обстановка такая, что уже ничего не страшно.

— Ворота открыты, — вскользь заметил Тедерик, вертя головой на триста шестьдесят градусов. Я и не знала что он так умеет. Какой полезный навык.

— То есть обычно они закрыты?

— Конечно. В любом городе ворота закрыты и пропуск платный. На то он и город, — отозвался Мишка.

Я не нашлась что ответить, радуясь случайному везению. Денег у меня нет. Чтобы делала, будь тут все, как всегда. Клубок уже проскочил внутрь и смиренно поджидал. После демонстрации голоса и характера он сделался на редкость покладистым.

— У меня есть деньги, — отмахнулся Мишка, без труда отгадав мысли. — А вот происходящее и правда странно. Может зайдете в ближайший трактир и отдохнете, а я по городу пробегусь?! Разведаю.

Идея мне понравилась. Ноги гудели уже от усталости. А нагретая мостовая неприятно жгла пятки. Тедерик свернул к ближайшему деревянному домику с вывеской в стиле «кружка и тарелка» и распахнул дверь, пропуская меня. Следом ввалился Мишка, кинул на стойку чеканную монету и исчез, буркнув:

— Ждите тут.

Хм, ну постараемся...

С вечера наказ удалось выполнить без проблем. Я так умаялась, что тут же скрылась в выделенной комнатухе, наплевав на ужин. К тому же поесть могу и сама, главное выдрессировать вредную скатерть.

Оплаты, оставленной Зефирчиком хватило и на бадью горячей воды. Отказываться от мытья не стала. После целого дня пути от меня

несет, небось, не меньше, чем из брюха чудо-рыбы. Разморенная купанием, уснула мгновенно, оставив часовым верного Тедерика.

Глава 8

Только утром я узнала, что Мишка не вернулся. Тедерик то и дело «подвисал», замирая с приоткрытым ртом и глядя в пустоту. Взгляд его при этом был далек от дружелюбного. Похоже, он искренне верил, что наш потеряшка сбежал. Я так не считала, но и переубедить не смогла.

Наскоро позавтракав, — точнее я завтракала, а Тедерик маршировал из угла в угол и тяжело вздыхал, — мы собрали не многочисленные пожитки и отправились на поиск.

Точно этого недостаточно, клубок отказался работать. Он прыгал, махал ниткой и... оставался на одном месте. Махнув рукой, я запихнула его обратно в котомку.

Город, который вчера казался вымершим, сегодня походил на растревоженный улей. Все мчались, орали, голосили и непрерывно сталкивались. Я шла и перебирала возможные причины суматохи. В родном городе я бы решила, что случилось что-то страшное: пожар, крупная авария — все то, что привлекает праздных зевак и сочувствующих. Но здесь машин нет вовсе, дымом не пахнет. Местная знаменитость? Загадочные проверяющие? Хотя что тут проверять, да и какое дело до этого горожанам. У них своих дел полно.

— Тедерик, есть хоть одна идеяка?

— Идеяка? Простите, сударыня, — он так откровенно растерялся, что я вернулась в реальность. Ненадолго.

— Что случилось знаешь? — уточнила я вопрос.

— Ах, вот вы о чем, — оскалился крупные зубы он. М-да, некоторым лучше не улыбаться. — В том... эм... нашем королевстве так же было после колдовства Мышильды. Когда города начали меняться, царила еще большая паника.

Изменения? Какие изменения? Я силилась сообразить, о чем он говорит, лихорадочно повторяя его слова, а когда осмыслила опрометью кинулась к воротам.

— Куда вы, сударыня?

— Это же Сказания? Должна быть Сказания. Это не может быть Фантомия! — бормотала я, чувствуя, как нарастает отчаянье.

Зато теперь ясно как изменение сказок ощущают фантомы. Они объясняют все страшным колдунством и пугаются естественно. В общем-то, реакции у них те же, что свойственны и людям.

Гулко бухая деревянными башмаками по мостовой, за мной мчался щелкунчик. Думаю, причину паники он не понял, но как истинный благородный рыцарь — и я не шучу — бросился спасать.

Ворота были закрыты, отрезая путь к отступлению. Караульные, как и раньше, отсутствовали. А заодно и ключи от города. Зато я, наконец, разглядела то, что упустила от усталости из виду. Внизу, точно под стеной, пролежала широкая трещина и разлом увеличивался с устрашающей скоростью. Того и гляди исчезнет целый город, а я вместе с ним. И как это меня вчера угораздило?!

Подозрения с Зефирного Мишки были сняты в момент. Он точно фантом, нахватавшийся знаний по мелочи от блюстителей вроде меня. Только фантомы не боятся призрачных городов. Жители Сказания и залетные гости, вроде меня, стараются обходить их стороной и уж точно не остаются ночевать. Не мог же он оставить меня на верную гибель? Или мог...

— Главное не попасть под искажение, — Тедерик маршировал вдоль стен, вглядываясь в растущий разлом.

— Искажение чего?

— Города, конечно. Город меняется всегда неожиданно. Но если переждать в остающейся части, то можно выжить.

— А как узнать какая остается? — мысль здравая, хотя я не представляю как это осуществить.

— Не эта, — кратко припечатал Тедерик, выразительно поглядывая на яму, поглотившую часть стены, и скомандовал: — Бежим!

И мы помчались, петляя между прохожими. Теперь мы мало отличались от них. Так же орали, так же торопились, так же паниковали. Хорошо, хоть клубок я вытащить не успела, иначе бы точно потеряла.

Мы бежали и бежали, сквозь жителей, которые точно истончались, сквозь дома, которые уже просвечивали, пытались обогнать ускользающую фантомную реальность и само время.

В боку противно кололо, дыхание вырывалось натужными хрипами. Я всегда считала, что уж бегать-то точно умею, но тут все

наперекосяк. Темп рванный, и выдерживать равномерное дыхание не выходит.

Все исчезало и я заодно. Руки пока виднелись без просвечиваний, но казалось, вязкая пустота затягивает туда, где кроме ослепительно-белого света нет ничего.

Я проскочила очередной дом-призрак, миновала ослиные уши, зависшие в воздухе, и голову в чепчике, что озабоченно пыталась нащупать тело и... врезалась в колонну.

— Успели, — рядом раздался грохот. Это Тедерик налетел на соседнее здание.

— Часто ты так бегаешь?

— По-разному. Бывает долго-долго без искажений. Бывает по несколько раз на дню, — он деловито осматривался и искал признаки новых изменений.

— По несколько раз?!

Ужас сдержать не удалось. Услышанное повергло в шок. Фантомия нравилась все меньше и меньше. Жаль, не могу уйти пока не найду Зефирного Мишку. Хотя бы попытаюсь.

— Я заметил, если преодолеть разлом, искажения прекращаются. Тогда можно гулять спокойно. Выходим? — бодрый и свеженький Тедерик, привычно крутил головой, не считаясь с анатомией обычных людей.

— Нет. Сперва надо найти Мишку. Хотя бы попытаться. Почему-то же он не вернулся. Город сильно уменьшился. Много времени это не займет.

— Тогда по порядку. Улица за улицей, дабы не сбиться.

Спорить я не стала и покорно пошла следом за резво марширующим щелкунчиком. Зверки вращать головой он так и не перестал, чем превосходно отпугивал уцелевших жителей. Те шарахались и от него, и от меня заодно. Не знаю как они угадывали что мы вместе, ведь шла я поодаль. Не специально, просто умаялась после быстрого бега. Тем неожиданней прозвучал оклик:

— Куда путь держишь красавица?

Пегий мужчина с хитрым взглядом и зубами, больше похожими на клыки, глядел на меня как на поздний ужин. Выглядел он вполне обычно, а вот пах странно. Именно этот запах когда-то навсегда отвратил меня от зоопарков.

— Знакомого ищу, — честно отозвалась я.

Надо же с чего-то поиск начинать. А местные обычно знают все и обо всех. Заодно и про ключик спрошу. Вдруг клубок не сломался?!

— Мы поможем, — рядом, словно из ниоткуда, возник мужчина, противно растягивающий слова. На плече он нес ружье, отчего казалось, что он только что сбежал из лесу. — Обязательно поможем. А пирожки у тебя есть?

Я снова окинула взглядом неприятную парочку, поправила съехавшую со лба красную ленту и на удачу ответила:

— Конечно. Кто же ходит по городу без пирожков.

Парочка переглянулась, заулыбалась еще шире, демонстрируя нехилые клыки и в унисон пропела, хватая меня под руки с двух сторон. Фантомы, осталось разобраться из какой сказки.

— Тебе очень повезло красавица. Мы лучшие сыщики в городе. Опиши пропажу, и мы тут же найдем.

Говорили они наперебой, склоняясь так близко, что хотелось ткнуть в два наглых носа разом. Я сдержала порыв и едва заметно мотнула головой. Тедерику это не понравилось, но спорить он не стал, подходить — тоже. Молча продолжил поиск без меня. Вот и славно. Он пусть ищет Зефирного Мишку, а я займусь первопричиной прихода сюда.

— У моей пропажи есть золотой ключ, — сообщила я жуликам, прикидывая как дополнить описание. Пусть сперва приведут к загадочному мальчику с золотым ключом, что способен открыть любую дверь, а дальше сама разберусь. Понять бы еще, кого эта парочка мне напоминает?!

* * *

Они тащила меня с такой скоростью, что я едва успевала переставлять ноги. Идея привлечь к поиску местных больше не казалась такой уж замечательной.

— Ключ тут у каждого второго, — недовольным тоном рассуждал тот, что с пегими волосами. Периодически он кладал зубами и подозрительно косил взглядом на мою котомку. Волк, да и только.

Он умудрялся одной рукой махать перед моим лицом, а второй — держать под локоть до того цепко, что не выкрутишься.

— У этого есть еще необычная шкатулка, — припомнила я.

— Ключик. Шкатулка. Зачем нам это? — мужчина с ружьем неприязненно скривился и дернул меня в другую сторону. Охотник? На кого?

Пегий уперлась и потянул на себя. Тот не уступал. Я ощущала себя канатом, который перетягивают две команды. Правда запас прочности во мне меньше. Надо срочно что-то предпринять. Я поднатужилась и попыталась высвободить руки. Будь противник один, у меня бы получилось, а так без шансов.

— А я говорю, лучше идти туда! — яростно шипел охотник, размахивая ружьем.

Больше всего хотелось притвориться ветошью и спрятаться под землю как можно глубже. Авось примут за труп и не станут убивать.

— Нет туда! — глаза пегого горели желтым огнем. Видок до того фанатичный, что даже не уютно.

— У него есть пирожки! — перекрикивая парочку прогорланила я. Не многочисленные прохожие обернулись, провожая меня заинтересованными взглядами. — За чем вам пирожки?

— Где пирожки, там и бабушка удивился, — удивился пегий.

— Чья бабушка? — кто-то из нас сошел с ума.

— Твоя, конечно. Так у кого есть пирожки? — команды кинули канат и объединились. Теперь они меня затопчут, если не отвлеку.

— У мальчика с ключом и шкатулкой. И бабушка у него тоже есть. А ключик мальчик в лесу нашел.

— Что же ты сразу не сказала? — пегий улыбался так приторно, что от сладости сводило зубы. — Бабушка — это же превосходная примета. А лес у нас и вовсе один.

— Не бойся красная шапочка, мы найдем твою бабушку, — кровожадно улыбнулся охотник.

Только теперь я прочувствовала насколько исказились сказки. Это что же должно было произойти, если волк получил человеческий облик, объединился с охотником и теперь промышляет в городе, а красная лента сошла за шапку?!

Волк и охотник разом обернулись ко мне. Они даже мои руки выпустили из «дружеского» захвата. Азарт усилил запах, исходящий от

них, и зоопарк вновь замаячил перед внутренним взором.

— Какая удача. Какая удача, — охотник потирал ладони, но ружье не выпускал и буравил меня пугающим взглядом. Зрачки у него до того расширились, что перекрыли радужку. Жуть, да и только.

— Искать будем? — ввернула я, переключая внимание, и подстегнула интерес. — Мальчишка транжира жуткий. Заложит пирожки, сбежит из дома, и тью-тью его бабушка. — Город большой?

— Да какой город? Десяток улиц всего-то. Пожиться толком нечем, — фыркнул волк. — Раньше была и школа, и рынок. А теперь все сгинуло.

— А лес? Лес где?

К лесу мы шли все вместе. Волк и охотник хищно поглядывали по сторонам, вынюхивая подходящего мальчика, а я сопоставляла все имеющиеся факты.

Школа была, да исчезла. Подозреваю внезапно. Мои спутники ничего не помнят о стирании части города. Зато щелкунчик в этом неплохо ориентируется и даже научился прятаться. Все бы ничего, но они жители Фантомии и должны воспринимать сказочную реальность одинаково. То ли Тедерик не так прост, как кажется, то ли я чего-то не понимаю.

К лесу парочка мародеров вывела меня без труда. Я не особо следила за дорогой, пребывая в прострации от мысленных изысканий. Нужного мальчика они без меня найдут, а вечная беготня совсем не оставляет времени на осмысление происходящего.

Лесом тут назывались десяток деревьев и пяток кустов. Хилая растительность не походила даже на заросли. Спрятаться и то невозможно.

— Мальчик есть. Маленький. Ключик тоже. Пирожков нет. — хриплый голос волка вывел меня из задумчивости.

— И бабушки нету! — зло прошипел охотник.

— Ты нас обманула! — рявкнули они хором.

Я проследила за мелким мальчуганом, понуро сидящим на траве. Рядом с ним лежал блестящий ключик ярко-желтого цвета. Даже отсюда видно, подделка.

В отличие от щелкунчика, это мальчик оказался узнаваем. Я и без местных мародеров нашла бы его. Ключик фантом не прятал, наоборот словно бы выпячивал. Щелкунчик все больше тревожил меня.

А может он и не щелкунчик вовсе. Про сказку я спросила сама. Про королевство тоже. Может он подыграл мне?! Достаточно прочесть с десяток сказок, чтобы подстроиться практически под любую из них. Ой-ей, что же я натворила?!

— Я же говорила, надо спешить?! Говорила! А вы... — я ткнула в жуликов пальцем, — Вы специально вели меня самой длинной дорогой.

Взгляды у них забежали, улыбки из обвиняющих стали заискивающими. Они корчили друг другу рожицы, видя молчаливый диалог. Я не стала ждать воплей о том, что во всем виноват волк... и охотник. Распорядилась как можно более грозно:

— Марш в ближайшую подворотню. Ждите меня там. А с этим я сама разберусь! Будут вам и пирожки, и бабушка.

Отступали они, кланяясь и лыбясь. Раздражало это невероятно. Я же насупилась со всех сил и надеялась, что выгляжу достаточно грозно. Лишь только мошенники скрылись за ближайшим домом, я припустила к обладателю заветного ключа. Подскочила в два шага и смерила грозным взглядом, каким пугают родители младшекласников. Старшекласников, увы, даже ремнем не испугать. По себе знаю.

— Ключик бросил. Не смотришь вовсе. Тебе доверили такую ответственную задачу. А ты даже не смотришь, — начала я воспитательную лекцию.

Понурый мальчишка скукожился еще больше. Как-то нехорошо началось наше знакомство. Надо исправляться, но как?

— Вы расстроены, сударыня? — мальчик так участливо изучал меня, что я усовестилась.

У него вся жизнь рушится, сказка исчезает, а тут я с дурацкими нотациями.

— Немного, — я подняла с травы ключик и протянула ему: — Спрячь лучше. Так надежнее. Не ровен час, украдут, — мальчик смерил меня хмурым взглядом.

Я вынула из-за пазухи свой ключик на веревочке и показала ему.

— Очень удобный способ.

Кажется, мой ключик открывает не только зеркала. Сознанием фантомов он умеет управлять тоже. Ничем другим просветление на лице мальчика не объяснить.

Он вытянул свою веревочку и вынул из-под рубашки нечто ржавое и грязное.

— Вот так, сударыня?

— Настоящий? От шкатулки? — ржавая и погнутая железяка походила на жертву времени и воды. И ничего общего с золотом не имела.

— Конечно, — мальчик приободрился. — В этом-то все и дело. Никто никогда не догадается, что это и есть тот самый ключ. — Он махнул ярко-желтым ключом и, довольно хихикая, закончил: — Все ищут его. Если бы вы знали, сколько раз у меня его крали.

— Хм, ловкий ход, — мне все еще не верилось, хотя бы потому, что неясно как ржавая загогулина может пролезть в замок и не застрять в нем. — Покажешь шкатулку?

Он кивнул и встал. Пошли мы вовсе не в ту сторону, в которую ожидала. Я молча шла за непрерывно трывающим мальчиком и старательно кивала головой. Ответов он не требовал, участия тоже. Казалось, моего присутствия ему вполне достаточно. Да и рассказывал одно и то же: свою историю по кругу, раз за разом. Я же старалась запомнить дорогу: никогда не знаешь, что пригодится.

Город меж тем закончился. Из леса мы вышли.

— Ты уверен, что мы правильно идем?

— Я тут каждый камень знаю, — хвастливо отозвался он, — закрой глаза и то не заплутаю. Вон поле, почти пришли.

— Какое поле? Что я на поле открывать буду?

— Шкатулку, что же еще.

Я всерьез усомнилась в его адекватности. Раз остальные сказки перепутались, то и мальчик с золотым ключом должно быть уже не тот. Несет какую-то околесицу.

— Мне нужна шкатулка в лесу, — очень терпеливо и очень внятно произнесла я. Больных раздражать не рекомендуется, на то они и больные.

— В лесу такая же шкатулка, какой золотой ключик, — подмигнул он, и свернул с дороги.

Мы вышли в поле, покрытое жухлой травой. Сезон сменился неожиданно. Как говорится, ничего не предвещало и вот те раз. У озера, где я отмывалась от кисло-сметанной речки, определено

было лето, жаркое и сухое. А тут глубокая осень с облетевшей листвой и пронизывающим ветром.

Я поежилась, но останавливаться и искать теплую одежду не рискнула. Вдруг, приступ жизнелюбия у мальчугана закончится так же внезапно, как и начался?! В неправильной сказке возможно все.

Он помчался к виднеющимся вдали чахлым деревцам. Бежал до того резво, что я обзавидовалась. Я после гонок по улицам исчезающего города, так быстро бежать не способна.

Для начала я осмотрела местность. Поле плавно перешло в холм, который мы обогнули. Под холмом в мрачной пещерке притаился огромный котел, в котором и утонуть не стыдно. Стоял он на изогнутых ножках и оттого походил на ванну, позабытую в пути. Воды в нем не было, как и веток в импровизированном очаге, сложенном из камней. Зато чуть поодаль, спрятанный в кустах, протекал ручей.

— Вы все еще тут? — мальчик притащил охапку тонких сухих веток и помчался обратно за следующей партией. — Вода нужна! — распорядился он уже на бегу.

— Легко сказать, — тихонько проворчала я. — В ладонях что ли?

Ручей выглядел мелким, пусть и чистым. Котел в таком не наполнишь. Неудобно. Но делать-то нечего. Я подхватила чугунного гиганта и поковыляла к источнику. Именно поковыляла, кряхтя и чертыхаясь. Котел оказался до того тяжелым, что тащить пришлось двумя руками перед собой.

— Хоть бы телегу дал, — тяжело дыша бубнила я, пристраивая котел к воде. Не представляю, как его назад полным тащить, если я уже сейчас трудом его поднимаю.

Я наклонила к воде махину и... чуть не прикусила от злости язык. Чего стоило заглянуть раньше, а не сразу переть. На дне котла, мирно покоился деревянный ковшик с удобной ручкой. Бегать туда-сюда долго, но все лучше, чем так.

Обратно котел я вернула значительно быстрее. Злость придала сил и скорости. Мальчик закончил таскать ветки и разжигал огонь. Безумству храбрых, ага...

— А я думаю, куда котел делся.

— Мыть носила, — выкрутилась я. А что, стенки мокрые, значит помыла?!

С ковшом дело пошло быстрее. Бешеной белкой я носилась от ручья к котлу, воды в котором неизменно оставалось на доньшке.

— Много еще? — я устала, запыхалась, и прокляла тот миг, когда подошла к злополучному зеркалу.

— Чем больше, тем лучше. Иначе шкатулку не открыть.

— А где она? — я завертелась, ища хоть что-то похожее.

— Скоро будет!

В общем, костер потрескивал, мальчик прохлаждался на травке и чего-то ждал, а я носилась. Когда, по моим ощущениям, большая часть ручья перекочевала в котел, тот наконец наполнился.

— Отдыхай, — щедро разрешил мальчик и хлопнул ладонью рядом с собой. — Ждать долго придется.

Я так умаялась, что даже не поинтересовалась чего ждать. Главное, время на отдых есть и ладно. Может и поспать удастся?!

Глава 9

Уснуть я не успела, а вот отдохнуть вполне. Заодно ополоснулась в ручье, скрытом кустами, обсохла на ледяном ветру и вернулась, надеясь, что не заболею. Вода стылая, погода тоже. Я не морж и даже одеяла завалящего нет. Только костер и греет.

— Д-дол-го ещ-ще? — выстукивая зубами чечетку спросила я. Ждать неизвестно чего откровенно надоело. Хотелось в теплую кроватку рядом с камином, и чтобы не трогали часов десять.

— Уже, — коротко отозвался мой провожатый, замороженно глядя на котел.

Перевела взгляд и я. В парах кипящей воды явственно прорисовывались старинная шкатулка с крупной скважиной. Шкатулка мерцала и выглядела ненадежной, но чем сильнее кипела вода, тем реальнее и больше она становилась.

— Так вот для чего столько воды, — догадалась я. Набери меньше, и дверь не проявится, оставшись призраком.

Непривычно молчаливый мальчик кивнул, не глядя на меня, достал из кармана ржавую корягу и поднес к котлу. Стоило пару коснуться старого ключа, как тот начал стремительно отчищаться от ржавчины. Минута, ключ засиял и увеличился в размерах.

Мальчик уверенно вставил его в скважину, трижды повернул и отворил шкатулку, чуть посторонившись.

— А ты? Ты не пойдешь? — одной идти неизвестно куда жутковато. Да и нежелание входить наводит на размышления.

— Это дорога в один конец, — ответил он, качнув головой. — Мне там делать нечего.

— Я там застряну?

— Застрянешь? — он моргнул, осмысливая. — Нет, просто не вернешься сюда. Но тебе ведь и не нужно сюда. Эта дорога каждого ведет в то место, куда он больше всего стремится.

«Так вот зачем Бежка отправила меня за золотым ключом?!», — догадка обрадовала и испугала одновременно. А как же Зефирный Мишка и Тедерик?

— Слушай. Я могу тебя попросить? — я кинула быстрый взгляд на котел. Время еще есть. — Если меня будут искать двое странных парней. Один из них деревянный, второй, как я. Можешь ты их привести к этой шкатулке?

— Проведу, — легко согласился он. — Только помни. Каждого она пропускает в то место, которое нужно ему. Вы можете вовсе не повстречаться.

— Хоть какая-то надежда, — пробормотала я, поблагодарила за помощь и шагнула внутрь.

Крышка тут же захлопнулась, отсекая от пути назад. Я обернулась. Шкатулки больше не было. Ничего не было. Только белый свет. Много белого света, сквозь который проклеывались неясные очертания.

Я прищурилась, разглядывая мутные картинки. Есть у меня идея что нужно делать и зачем. Осталось проверить?

Про мифическое Беловодье я знаю не так уж много. Да почти, что ничего. Затерянный город — рай, в котором никто никогда не был. Или был, но не рассказал. Не густо, в общем.

Рай для меня — это нечто белое и пушистое, прямо как в самолете, когда он летит сквозь облака. Так и тянет выбить иллюминатор и потрогать. А вот как может выглядеть сказочный рай? Эх, мало я сказок в детстве читала. Ассортимент всей районной библиотеки не осилила, а то, что осилила — явно недостаточно. Ну уж что есть.

— Приступим, — я зачем-то размяла пальцы, как крутой маг перед битвой. Для призыва силы это не нужно, но бодрит и настраивает на предстоящую работу.

Итак, что может вести в страну мечты? Конечно же мост! Стоило определиться, как пустота заполнилась огнем. Я с ужасом смотрела на полыхающий мост. Это совсем не то, что хотела!

— Так спокойно, демиург не обученный, — приказала я себе и сосредоточилась на деталях. Мост должен быть ажурным, выкрашенным белой краской и пахнуть свежими опилками. Так-то!

К запаху гари добавился едкий запах горящей краски. Резные перила с жутким треском съеживались от огня, но не падали. А огонь разошелся лишь сильнее. Ничего не понимаю!

Я закрыла глаза, стараясь отвлечься от неприглядной картины, и снова представила мост. Над ним шел дождь. Да что там дождь — ливень. Он бушевал, забивая огонь упругими струями воды и забрасывая градом. Еще не открыв глаза я знала, что получилось. Вода больно била по лицу, стекала за воротник. Вымокла я за секунду. Но главное, сработало.

Очень гордая собой я открыла глаза. Дождь был. Град тоже. Огонь? Куда уж без него?! Взыв от досады я со всей силы затопала ногами. Ярость требовала выхода.

Звук топота потонул в какофонии огня и ливня. Да и прыгать в пустоте очень странно. Еще страннее не проваливаться и оставаться на месте. Стоило это осознать, ярость исчезла без следа. Не мытьем, так катаньем, но я прорвусь в Беловодье!

Мост я решила заменить. В самом деле, зачем он мне? Пусть будет дорога. Ровная прямая дорога, ведущая точно в таинственный город. Для верности и город представила. Без всяких дурацких стен и ворот. Такой, что бери и входи. А то построишь ворота, а потом перелазь через них.

Глаза я открыла без предчувствия чего-то страшного и ужасного. Просто открыла и все. Дорога мощенная камнем — есть. Город — тоже есть. Ворота — увы, на месте. Огонь? Адский огонь никуда не делся, и кажется даже полыхать стал ярче и выше. Зато вонь и чад исчезли. Хотя что-то.

Последняя попытка. Или предпоследняя. Дорогу сменилась лесной тропкой, потом шоссе, потом чистым полем. Картинки послушно сменялись, позволяя ощущать себя демиургом. А чтобы шибко не зазнавалась, огонь оставался неизменным.

Я даже рискнула вовсе убрать путь и приблизить город. Город остался на месте. Путь исчез, а огонь, словно бы ничего и не произошло, полыхал в пустоте. Жутко и красиво.

Руки и ноги дрожали. Меня лихорадило и штормило, но к цели я не приблизилась ни на миг. Точно выяснила только одно: огонь не победить. Не воображением. Да и ворота придется-таки преодолевать самостоятельно. Лучше, чем ничего. Да и Беловодье — вот оно, рукой подать.

Отдохну чуток и вперед. А можно ли тут спать?!

Я не уснула. Нет. Скорее провалилась в дремоту, из которой не могла вынырнуть. Я барахталась в этом белом мареве и чувствовала, что чем дальше, тем глубже оно меня затягивает. Раньше я не знала, что белого бывает так много. Слишком много. Настолько, что захочется разбавить. Ну например, красным.

Точно отвечая мыслям, в поле зрения возникло красное пятно. Ослепленная, я не сразу сфокусировалась на нем. Красное же настойчиво приближалось. Оно насквозь пробило белое и вцепилось в мой сарафан. Только когда пятно настойчиво потянуло вверх, я разгадала, что вижу

— Тедерик! — в чем он одет — не помню, но больше-то прийти на помощь некому.

— Вот я и узнал кто занимает твои мысли?!

Зефирный Мишки откровенно веселился, разглядывая меня. Чуть поодаль от него стоял щелкунчик и привычно скалился во все зубы. Жутковатое зрелище, если честно.

— Зачем сударыня туда забралась?

Тедерик точно не выглядел опечаленным, скорее уж слишком веселым. Но голос его наводил на мысли о неподдельном горе. Странно, как-то устроены фантомы. У меня звук и картинка обычно совпадают.

— Я не забиралась. Я провалилась. А где я была? — скороговоркой отозвалась я.

— Мне показалось, это похоже на вертикальный коридор, по которому ты медленно скользишь вниз. Ты пыталась выйти?

— Я пыталась пройти. Но огонь помешал. Чего я только не пробовала... картина меняется, огонь остается.

— Это я тоже уже заметил, — отозвался Мишка. Он ходил около моста, вглядываясь в язычки пламени, то приближая ладонь, то отдаляя. — Жжется. Настоящий. Надо же. С каких это пор в виртуальной реальности настоящий огонь?

— Это не виртуальная реальность, а самая что ни на есть настоящая. В том-то и дело.

И снова фразочка из нашего мира. Совсем запуталась, кто есть кто. Скоро себя заподозрю во вранье. Слишком уж много неизвестного

вокруг.

— А если так?

Щелкунчик неизвестно откуда вытянул деревянную расписную дудочку и приложил к губам. Звук у нее вышел странный. Резковатый и довольно пронзительный. Он играл, а из мелодии уходила резкость, сменяясь напевностью. Деревянные пальцы сновали по дудочке с удивительной легкостью. Тедерик не просто умел играть, он был виртуозом.

Словно замороженные, мы следили за ним. И вместе с нами следил и огонь. Он подчинялся мелодии, стихая при мелодичных звуках и вспыхивая — при резких. Щелкунчик, видимо, решив что достаточно выдрессировал огонь, заиграл тихую и печальную мелодию.

И пламя подчинилось. Оно не угасло полностью, но стихло достаточно, чтобы пройти. К воротам мы подошли под несмолкающие звуки дудочки.

— Как открывать будем? — Мишка подергал ворота, убедился в их закрытости, побарабанил в пустоту и обернулся к нам.

— Штурмом! — подавая пример, я нахально приподняла длинный неудобный сарафан, зацепилась за ручку и нащупала ногой уступ.

Меня не сразило страшное колдунство, да и вовсе ничего страшного не произошло. Словно нас тут ждали-ждали, да устали и прилегли отдохнуть, а тут мы и явились.

Следом к воротам подошли Тедерик и Мишка. Эти двое обменивались враждебными взглядами, словно подозревали друг друга в воровстве.

Стены, окружающие город, выглядели ровными и неприступными, а вот ворота — словно созданы для скалолазания.

На ту сторону мы перебрались отнюдь не быстро и не ловко, зато с энтузиазмом. Загадочное Беловодье выглядело если не вымершим, то спящим. Тишина, покой и ни одной живой души. Впрочем, с мертвыми тоже напряг. То ли город давно покинут, то ли открывает секреты не каждому.

Я открыла котомку и выпустила клубок. Тот попрыгал на месте и снова... покатился ко мне. Опять он не работает... Неужто акция была одноразовая?! Вот так сюрприз.

— Как искать будем?

Мои спутники разом пожали плечами. Я запихнула клубок назад и вдруг наткнулась на блюдечко с яблоком. За время мытарств совета я не спрашивал ни разу, а тут такой затык. Пора, в общем.

Яблочко катилось, как и положено: по кругу и без остановки. Центр блюдечка посветлел, а изображение так и не возникло. И даже кодовые слова: «Катись-катись яблочко покажи мне Фому Лукича или Бажену Тихомировну», — не помогли. Это местечко умеет преподносить сюрпризы.

— Белый туман мешает, — огорченно хмыкнул Мишка.

Я лишь кивнула и спрятала пожитки. А яблочко его не удивило, в отличие от Тедерика. Тот неотрывно и с приоткрытым ртом следим за тем, как оно катится.

— Еще идеи есть? Нет? Тогда в разведку.

Мы выбрали ближайшую тропку и пошли. Ну как выбрали, она тут всего одна. Мы шли переглядывались с Мишкой и не знали, что сказать. Только Тедерик оставался невозмутимым. Но этот деревянный кадр всегда такой.

Беловодье покидали в спешке. Дома, парки, лавчонки и кареты — здесь когда-то кипела жизнь, а теперь замерла. По мере продвижения вглубь города меня не покидало ощущение чужого взгляда. Многих чужих взглядом. Точно вокруг полным-полно призраков или невидимок.

— За нами следят, — шепнула я.

Собственные шаги казались кошмарным буханьем, которое хотелось приглушить. А звук голоса раздражал настолько, что будь кляп, пустила бы вход, не раздумывая.

— Не нападают и ладно, — флегматично отозвался Мишка. А у меня появился второй претендент на закрывание рта.

Вымерший городок оббежали быстро. Никого не нашли. Зато наметили план действий. Точнее намечала я. Ведь я одна знала, что ищу. Кстати о поиске:

— А как вы меня нашли? — я подозрительно разглядывала мужчин. Договариваясь с мальчиком, я упустила из виду, что ни одному, ни другому не рассказала о планах.

— По тем двоим, что тебя увели, — невозмутимо отчеканил Тедерик. — Они не хотели говорить где тебя оставили, но мы умеем быть убедительными.

Мишка кивал с таким сияющим видом, словно его поймали с поличным, а потом оказалось, что доказательства липовые. Ох мутят они. При чем оба. Но с этим придется разобраться позже, а пока...

— Я туда. А вы как хотите, — презрительно сообщила я, чтобы не думали, будто их вранье не разгадано.

Мне приглянулось здание с занятым фонтаном в виде книги у входа. Логика простая и в чем-то примитивная: раз ищу свиток, пусть и древний, то он должен быть там же, где и все свитки. В местном аналоге библиотеки. Туда я и направилась, вот только спящий город меня совсем не ждал.

Я подергала запертую дверь. Постучала и достала ключ из-за пазухи. Для зеркал он нужен не так уж и часто, но зачем-то его дали. Вставляла я осторожно, чтобы не сломать. Ключ вошел в скважину как нож в масло. Замок три раза щелкнул, и дверь неслышно отворилась. Получилось!

— А ты подготовленная, — хмыкнул Мишка, ключ он разглядывал, не скрывая жадного любопытства.

Внутри было прохладно и пахло пылью. Здание было давно заброшенным, даже по сравнению со всем городом. Там жизнь остановилась, здесь — вымерла.

— Толку-то, я понятия не имею где искать, и как искомое выглядит. Брожу наугад, пока остальные живут припеваючи.

Усталость вылилась в горечь, которую не сумела сдержать. Я тут же пожалела о вспышке злости, но сказанного не воротишь.

— А это что? — Мишка тыкнул пальцем в сторону ярко освещенного зала, в центре которого возвышался хрустальный гроб.

Стоило приблизиться, как стало ясно, ощущение яркого света в зале создает солнце, бьющее в выложенные мозаичной плиткой окна, а гроб — вовсе не гроб, а скорее постамент, закрытый прозрачно крышкой. В ладони от пастамента парит свиток, что сияет как тысяча свечей разом. Так просто, у всех на виду?!

Но больше всего не понравилось выражение лица Мишки. Он вперил в него такой хищный взгляд, точно это он, а не я, искал его.

— Он что совсем не защищен?

— Его не нужно защищать. Он сам себе защита, — отозвался Мишка. — Подойти к нему может не каждый. Коснуться — тем более.

В общем, Тедерик, тебе лучше снаружи покараулить. Он чужеродного волшебства не любит. Может и испепелить.

— Тогда волшебные вещи отдайте, — потребовал тот, буравя Мишку подозрительным взглядом.

Котомку я передала без вопросов, а вот о ключе призадумалась. Надо ли? Все-таки это мой ключ и хранить его велено, пуще себя. В конце концов, признав шелкунчика своим, отдала и его.

Мишке сдавать было нечего. Ну разве что себя?! Тедерик тут же постучал к выходу, не прекращая оглядываться и пугать взглядом. Мы с Мишкой приблизились к цели. Моей.

— Тебе-то он зачем нужен? — шепотом спросила я.

— Порядок установить, — странновато хмыкнул Мишка: — А тебе?

— Так и знала, что Бежка врет!

— После. Сперва он потом мы, — торопливо отмахнулся Мишка и приложил ладони к крышке.

Я тут же умолкла и последовала примеру. Это важнее, а разобраться кто кого надул можно и позже.

Крышка нагрелась так сильно, что я испугалась ожога, но стоило об этом подумать, как жар стих. Свиток вынырнул навстречу нам, не заметив преграды, и скакнул в руки. Мне. Еле-еле успела поймать.

— Развернись! — приказала я, припомнив инструкцию.

Начало свитка давно скрылось вдали, а тот продолжал раскручиваться. И не сказать чтобы стал тоньше. Длинный узкий лист рисовой бумаги слой за слоем выстилал комнату, оставляя не тронутым лишь тот пяточек, где стояли мы с Мишкой.

— А если мы в нем утонем? — мне и правда начало казаться, что развертывание никогда не закончится.

— Будем выгрызать дорогу, — серьезно сказал он. Я вздрогнула, подняла взгляд и наткнулась улыбку. — Не каркай, а?!

Я провела пальцами по губам, имитируя замок и послушно умолкла, лишь плотнее придвинулась к спутнику. Свиток немедленно воспользовался этим и мигом занял свободный пяточок места. Лист змейкой льнул к ногам и доверчиво прижимался, точно знал: я пришла с помощью.

— Ща развернется — спать ляжем. Для кровати этот хлам — самое то, — Мишка толкнул ногой бумажную горку, достающую до

колен, и та послушно отползла в сторону. — Видишь, он сам нас боится.

— А если спичку поднести? — феномен разумного свитка и правда меня заинтересовал.

— А если он запаникует?

Я представила гору паникующей бумаги и содрогнулась. Если не придавит весом, то приток воздуха точно перекроет. А свиток, словно услышав разговор, встопорщился, перекатываясь на кромку.

— Ты посмотри, — изумился Мишка, — он еще и угрожает.

— Закончишь ты когда-нибудь? — я потянулась к горе по соседству, но задела лишь воздух. Куча даже не отползла — отпрыгнула в сторону.

Истончившийся свиток резко дернулся, замахиваясь на меня, и... с едва слышным шуршанием осел на пол.

— Всего-то?! — Мишка хмыкнул, поворачиваясь по кругу.

Свиток заполнил весь колонный зал. Пласты бумаги доходили нам до пояса и походили на снег, забрызганный грязью. Больше, чем ожидала, меньше, чем боялась, но выбраться из канцелярского плена в любом случае сложновато. Свиток, даже разумный, не сможет скомпоноваться настолько, чтобы выпустить нас. А перелезть через него и не порвать — не реально.

Я склонилась к ближайшим листам и внимательно всмотрелась. Вблизи белое море смотрелось не столь радужно. Часть букв стерлась, часть размазалась. Кое-где пропали куски текста. Про обшарпанные края и дыры в листе, вообще молчу. Удивительно, что Фантомия до сих держится. По сравнению со своим источником, она в очень неплохом состоянии.

— Неужто и здесь есть мыши и тараканы?

— Мыши и тараканы вечны, — провозгласил Мишка. — Только эти еще хуже обычных.

— Пакостят больше?

— Колдуют из-за угла, — со смешком уточнил он.

— Теперь я еще больше хочу вернуться домой.

Я повернулась к нему спиной и закрыла глаза, сосредотачиваясь на восстановлении. Опыт с огненным мостом объяснил, в чем сила. Пожалуй, только после этого я поняла, почему именно блюстителем тут

нужен. Это даже не волшебство, а скорее перестраивание реальности под себя. А пострадавшему свитку нужно именно это.

Клубы свитка приподнялись в воздух, красочно качнулись и тяжелой грудой рухнули назад. В носу засвербело. Я чихнула так, что уши заложило. Рядом суетился Мишка, на которого не подействовала пыль.

— Апчихи... апчихи... получилось? — прогнусавила я, лишь чихи прекратились.

Он подозрительно долго молчал, потом хрюкнув, отозвался:

— Не уверен.

Теперь уже и я склонилась к свитку, учинившему знатный переполох. Смотрела и смотрела, и никак не могла разобраться в том, что вижу. Выходило странно. Дыры исчезли, потрепанные края тоже. Зато буквы перемешались больше. Текст походил на неумелые каракули малыша. Строчки кренились и насакивали друг на друга. Часть букв была написана так, что разобрать слова невозможно. Некоторые абзацы и вовсе отзеркалились.

— Это что же? Это как же?

Я, плюнув на целостность капризного свитка, полезла наверх. Судя по состоянию текста, пара пятен и дырок существенной роли уже не сыграет.

Следом за мной на бумажный курган взгромоздился Мишка. Его трясло и лихорадило. По лицу катились крупные капли пота. С чего бы это?

Поползли мы все же осторожно и в разные стороны.

— Мишка, что там?

— Хрень, — емко отозвался он и зло цыкнул.

— Такая же или хуже?

— Куда уж хуже, — мрачно буркнул он и попятился к свободному пяточку пола. Его неудача огорчила даже больше, чем меня. словно от этого свитка зависела вся его жизнь.

— У меня та же беда. Тут не то что абзацы, тут страницы перемешаны. Ну, то есть были бы страницы, кабы не свиток. А так куски примерно тетрадного размера.

Мишка дождался моего возвращения и помог спуститься. Я зычно гаркнула:

— Свиток свернись.

Листы пришли в движение, шурша как тысяча мышей разом. Точно юркая змейка, свиток скользил вокруг нас и наращивал толщину поворот за поворотом. Даже голова закружилась глядя на скорость вращения катушки.

— Что делать будем?

— Тедерика искать. Он умный. У него ключ.

Мы ввернули свиток на место, убедились в возвращении защиты и помчались к выходу. Меня переполняла энергия, словно свиток поделился своей силой. Усталость исчезла как небывало, сменившись желанием действовать. Мишка, наоборот, еле полз и тяжело дышал.

Вышли без труда. А вот дальше возникла заминка. Во-первых, двор библиотеки наполнился народом. И выглядели все живее некуда. Слияния Фантомии и Сказания определенно удалось, хотя сказки и перемешались. Котомка стояла внизу на крылечке. На этом успехи закончились. Во-вторых, Тедерик исчез. В-третьих, вместе с ключом. А ведь Бежка предупреждала.

Эх голова садовая, сама работу придумала.

Часть II. Глава 1

Самостоятельно возвращаться из Сказании домой через зеркало было откровенно страшно. К короткой вылазке в родной мир я готовилась, как никогда не готовилась к экзаменам. Раз двадцать повторила все предстоящие действия и их последовательность, заучила способы вызова Фомы и Бежки и все не ощущала себя готовой.

Да и ключик исчез? Как я без ключа-то буду?

— А вдруг потеряюсь? — в сотый раз повторила я

— Не потеряешься. Другие же ходят. Даже без ключа. Как ты думаешь, мы новичков отлавливаем? — Бежана меланхолично и раз за разом нудила то, что я и так слышала не один раз. — Наши зеркала на тебя и так настроены, — успокоила меня она.

Первая буря, вызванная пропажей ключа, миновала. Рвать и метать я прекратила, впад в сонное состояние. Вывести из себя меня просто, зато и успокаиваюсь быстро.

— Это в другие тебе пока ходу нет, — продолжала лекцию страж, — а войти и выйти ты можешь, как и раньше. Ну и бегать по Сказании придется ножками. Или ждать того, кто проведет. Такую возможность профукала. Эх! — махнула она рукой, но вяло. Без огонька. — Какой он хоть был?

И этот вопрос она задавала не впервые. Пропавшего Тедерика, унесшего злополучный ключ, я описала во всех подробностях. Дескать деревянный, неразговорчивый, но на флейте играет как настоящий. И вообще о Сказании и прилегающей к ней Фантомии знает подозрительно много для сказочного персонажа. Хотя одну от другой не отличает.

— Я же говорила. Похож на щелкунчика. То есть казалось, похож. Теперь уже ни в чем не уверена.

— Фантомов отличить от сказанцев просто. Неужто я не говорил? — Фома Лукич, дернул веточку, торчащую из бороды и сокрушенно посмотрел на меня глазами бусинками. Дождался мотания головой и всплеснул ручками-веточками: — Старый дурак! Самое главное и не сказал. Если встать наискосок от них, то они слегка

просвечивают. Достаточно обойти вокруг, чтобы понять. Особенно сильно это заметно, когда они мокрые.

Я устала в бок, припоминая мальчика с золотым ключом. С ним я общалась дольше остальных, как и с волком и охотником. Они смотрелись вполне реальными, но я ведь их не разглядывала под «особым» углом. Только лицом к лицу. Хотя с Тедериком я общалась дольше всех, а даже припомнить всех деталей деревянного лица не могу. Хоть мокрого, хоть сухого. До чего несовершенна человеческая память.

С другой стороны, забывчивости Фомы и Бежаны я не удивлялась. Выдернули меня неожиданно, в дорогу собрали минут за пять. Ну как тут все предусмотреть? В итоге, не то чтобы я совсем напортачила, но подставила. Немедленное разрушение Фантомии больше не грозило. Но к чему приведет ключ в не тех руках, предсказать невозможно. О его пропаже я невольно проболталась, но о знакомстве еще и с Мишкой умолчала. Случайно. Не до того как-то было.

А тут еще сказки перемешались...

— Возвращаюсь через три дня или по первому сигналу, — повторила я и подошла к зеркалу.

Больше оттягивать неминуемое нет смысла. Мишка давно сбежал, минуя домик стражей, это я тут нюню. Фома и Бежка разом кивнули. Я приложила руки к зеркалу, дождалась, пока оно станет вязким как патока, и шагнула.

Короткое ощущение падения, похожее на спуск на лифте. Головокружение, подступившая к горлу тошнота и... я дома.

Собственная квартира, словно незнакомка. Старенькая мебель, к которой я давно привыкла, вызвала острое чувство не уюта, а зеркало, из которого я вышла, — оторопь. На миг захотелось разбить его на тысячи мельчайших осколков, растоптать в мелкое крошево и унести подальше. Тот час перед мысленным взором возник Мишка, чей земной адрес взять позабыла, Тедерик и стражи, которые верили мне.

Нет, я не способна так легко отказаться от возможности попасть прямиком в сказку. Нужно лишь уладить мирские дела и можно возвращаться. Отпуск подошел к концу, но это и неважно. Можно увольняться, ведь у меня теперь новая работа. Не пропаду.

Размышляя, я осторожно обходила квартиру и пыталась привыкнуть к ее «обычности». Столько лет тут жила и не замечала ее серости и убогости. И я сейчас не об отсутствии шикарного ремонта. Но добавить ярких красок и уюта можно и без солидных вложений.

Когда приступ самобичевания закончился, я перешла из гостиной в спальню. Увиденное враз избавило от тоски. Опрометью я кинулась в кухню и ванную комнаты. Ничего не понимаю. Если меня обокрали, а все говорит об этом, то почему не тронули гостиную?

Я металась по квартире, спешно перебирала разбросанные вещи и пыталась вычислить пропажу. Ноут на месте, деньги на месте, даже телефон валяется в общей куче. А больше ничего приличного у меня и нет. Одно старье. Телек и тот доисторический. Что украли-то и как заявлять о пропаже в полицию, если я не знаю, когда это случилось?!

Я уселась на пол, пытаюсь унять хаос в голове. Получалось неважно, но хотя бы штормить перестало. Да и ладони, упертые в пол, прекратили противно дрожать. Уже приятно. Я перевела взгляд на входную дверь. С виду закрыто. Новая догадка заставила вскочить и спотыкаясь помчаться в новый обход.

Я дергала все что попадалось на пути. Окна закрыты. Дверь закрыта. Все. Сдаюсь. Воров, закрывающих за собой двери и окна я не встречала ни разу. Да и искали странно. Постельное белье, одежда, книги — все на местах, как будто тот, кто учинил беспорядок, точно знал, что там искомого быть не может. То ли оно слишком крупное, то ли не предназначено для таких мест...

— Русалка! Русалка! — вопль вывел из задумчивости. Голос я узнала сразу. Одно не ясно, откуда он кричит и как попал ко мне в дом?!

— Мишка, не пугай. Я и так пуганная! — поорала я в ответ и пошла на голос.

Орал он из зеркала. Слава фантомам, хоть голова из него не торчала, а то бы я точно скопытилась. Чужое отражение в своем зеркале я пережить могу, торчащие конечности — нет.

— У тебя тоже?

— Что тоже? — вязкие мысли ворочались до того медленно, что голова звенела от пустоты.

— Также все перевернули и ничего не украли?!

— Оп-па, — только и выдохнула я.

Картинка вырисовалась еще занятнее, чем ожидала. Кстати, о таком методе связи я почему-то не подумала. Даже странно. Впрочем, Мишка смелее и отчаяннее. Это я все перестраховываюсь и обучаюсь. А он прет на пролом.

— Ай да ко мне! — не попросил — приказал он.

— Не-а. Я только пришла. Мне уборки тут на сутки.

— Разбирайся, — недовольно отозвался он и исчез, а я подошла к зеркалу и крикнула стражей Сказании.

Я ожидала большого появления гостей, но в итоге появился только Фома Лукич. Лесовичок подозрительно цыкал, разглядывая погром, и горестно качал головой, но помалкивал так стойко, что партизанам учиться и учиться.

— Фома Лукич, что искали-то? Мне можно тут оставаться или лучше уйти? — не выдержала я.

Да и вообще я не гордая. Гордые долго не живут. Это давно известно.

— Раз назад вошла без проблем и до сих пор ни во что не вляпалась, то можно, — определился после молчания он. — А что искали точно не подскажу. Есть у меня догадки. Да их так много, что баять и смысла нет. Ты вот что. Отдыхай, как и договаривались. Три дня. А я пока разнюхаю все. Глядишь, чего и выясню. Заодно и защиту усилю.

— А как они узнали, где я живу? Это же не бабушкина квартира.

— Не бабушкина, — передразнил он, — А зеркало-то ейное. И ход старый.

— Может мне лучше уйти?

— Оставайся, но с зеркала глаз не спускай. Если что меня зови. Жду через три дня. — проговорил он и, потряхивая головой, исчез в зеркале. Только после этого я заметила жучков, что облепили кромку зеркала. Приглядывает, стало быть.

А я осталась прибираться в вещах и делах, да разбираться чего происходит. Трех отведенных дней мне как раз хватило, на то чтобы уволиться, предупредить брата об отъезде и поскандалить с любопытной соседкой. Та заловила меня как обычно на лестнице и сразу преступила к допросу, истекая ядом.

— Диночка, вернулась дитятко. Никак замуж собралась. Дома-то совсем не бываешь. У жониха, небось, ночуешь?

Раньше бы промолчала. Я всегда так делала и никогда не связывалась с Евдокией Александровной, чья вредность и склочность давно стали притчей во языцех. А тут. Плохо на меня влияют сказки. Очень плохо. Или, наоборот, хорошо: это как посмотреть.

— Во-первых, не у жениха, а у любовника, — нахально отрезала я, любуясь вытаращенными глазами и открывающимся как у рыбы ртом. — Во-вторых, его я уже бросила. В-третьих, я снова в поиске. В-четвертых, еще раз увижу, что вы шпионите вызову полицию или дурку. Или тех и других сразу. Чтобы не повадно было. Своей жизнью занимайтесь. И вашей внучки. А моя вас не касается. И нет, я не пьяна. Представляете?

Судя по вытаращенным глазам и волосам дыбиком — не представляла. Оно и к лучшему. Сколько можно про меня гадости, политые сиропом, говорить?!

Первый за много лет отпор вредной соседке дался нелегко. И все же не жалела. Надоели звонки в дверь среди ночи и наглые расспросы почему я до сих пор не сплю и как посмела так громко топать. А я всего-то хожу по квартире. Увы, летать не умею. Зато учусь потихоньку отстаивать собственную территорию. Долго же я к этому шла.

Весь день я ходила грудь колесом, ордена наружу и гордилась собой. Вечером ажиотаж схлынул, восторг уменьшился, сменившись очередным приступом паники. Так происходило каждый раз, стоило подумать о разгроме в квартире. И вроде последствий никаких, и порядок наведен давно, а ощущение слежки не отпускает.

В предыдущий раз такое же возникло, когда я привезла домой зеркало, доставшееся в наследство от бабушки. Зеркало оказалось с подвохом. В один не прекрасный миг из него выскочил Лука Фомич и утащил меня в параллельный мир, населенный сказочным персонажами — фантомами. Но сейчас-то что?!

Я подозревала себя в паранойе, мании преследования и сумасшествии одновременно, но продолжала приглядываться к зеркальному проходу и обследовать квартиру. И вроде Сказания показала, что невозможного нет, а нет-нет и тянет набрать номер неотложки.

Грядущий уход лишь усугублял тревогу. Уцелеет ли квартира? Что я найду по возвращению? Кому перешла дорогу и когда успела?

Вопросы теснились в голове, сменяя друг друга. Чем больше я размышляла, тем сильнее болела голова. Я прикладывала холодные компрессы ко лбу, массировала виски, но жужжащая боль не отступала.

Сраженная мигренью, надеюсь что ей, я улеглась на диван и твердо решила: никуда сегодня не пойду. Полдня роли не сыграет, а утро вечера мудренее. И Фома Лукич и Бежка: верные стражи Сказании и Фантомии — оба так говорили. Ну так я, примерная ученица, ага.

Мне почти удалось уснуть. Почти. Где-то на грани сна и яви звучал монотонный гул, что усиливал боль. Мерный звук, похожий на гудение трансформаторной будки, то и дело сменялся треском, стуком, боем часом. Завершив круг, какофония повторялась. Не иначе соседка мстит?!

Разминая виски, я уселась на диване и перевела взгляд на зеркало. Что оно сейчас отражает с этой позиции невидно, но свечения нет. Буду считать, неактивно. Вопрос кто стучит — открыт, как и прежде. Может батареи шумят?

Я добросовестно обошла все комнаты, замороженно вслушиваясь в тишину. Гул и треск звучал тише, словно бы издалека, и лишь бой часов нарастал. Я зажала уши, борясь с новым приступом дурноты. От пронзительного звука голова походила на колокол, который кто-то извне дергал за веревочку.

— Надо уходить. Фома разберется, — мелькнула спасительная мысль.

Пожалуй, самая здравая из всех последних. Давно стоило его позвать через жучков. Я попробовала встать с пола, на котором сидела, качнулась и завалилась назад. Голова кружилась, руки дрожали. Кое-как я перевернулась на карачки и поползла.

Шаг, другой, еще — я упрямо пробиралась к цели и твердо решила не отступать, раз уж не могу никак повлиять на происходящее. «Бом! Бом! Бом!» — раздавалось все громче и громче. Казалось, пол вибрирует, и он же исторгает тошнотворный звук.

Откликаясь на мои мысли, пол качнулся. Меня повело в сторону. Я судорожно дернулась, возвращая устойчивое положение и поползла быстрее.

Качало все сильнее и сильнее. С полок покатались мелкие безделушки, которых у меня всегда было много. Шкаф хлопнул дверцами. Вешалки в нем опасно накренились, но не упали. Я начала понимать, как возник беспорядок, и по-прежнему терялась в догадках о том, что происходит. Землетрясение — маловероятно. Дом падает — тоже сомневаюсь.

Меня не покидало ощущение, что все это творится лишь в моей квартире. И если изначально я попала в добрую сказку, то сейчас она стремительно сменялась ужасником.

Гостиная, наконец, закончилась и я выбралась в коридор. Я всегда считала, что квартира у меня мелковата, а вот поди ты. Путь через комнату отнял уйму времени. По ощущениям — бесконечность. Не меньше.

Квартиру вновь тряхнуло. Я покатила кубарем и очень удачно затормозила об зеркало. Конечно, ничего удачного в этом не было. Расплющенный нос отозвался острой болью, из глаз брызнули слезы, по губам потекла теплая струйка. Интересно, что сдалось первым губа или нос? Зато я добралась до цели. А так ползла бы невесть сколько.

Руки дрожали, когда я прикладывала их к стеклу. Пол качался, не переставая. Наведенный порядок стремительно превращался в беспорядок. А я пыталась удержаться у зеркала, и словно бы это могло помочь, вжималось в него склоненной головой. Риск обезглавливания возрастал с каждым новым качком, а зеркало все молчало. И жучки на нем походили на пластмассовые безделушки.

Отгоняя панику, тонкими змейками заползающую под кожу, я мысленно звала то Фому Лукича, то Бежану. Пару раз даже зачем-то Тедерика кликнула. Вслух.

А потом еще и еще. Я сорвала голос, но так и не услышала ответа.

Зеркало старательно прикидывалось обычным. Стекло как стекло, ни мерцания, ни вязкости. Его подменили в мое отсутствие, или я потеряла способности? У меня было еще пара-тройка предложений, но ни одно из не отвечало на основной вопрос: как выжить в этом безумии?!

Глава 2

Со стены полетели картины. С обиженным звяком грохнулся с тумбы будильник. Люстра, уцелевшая до этого, таки сдалась и спикировала вниз. Я сидела, скорее лежала у зеркала, и ждала, когда грохнется и оно.

Зеркало словно прикрепили к стене навечно. Как будто давным-давно эти двое срослись и дали друг другу клятвы верности. Но точно помню, бабушкину реликвию не закрепляли, а лишь прислонили к стене. Мастера я вызвать благополучно позабыла.

К зеркалу я прилипла так же прочно, как и оно ко мне. Медленно, но наступало осознание, что весь хаос творится лишь в двух комнатах: гостиной и спальне. В предыдущий раз пострадали гостиная и кухня.

Коридор штормило, но не так сильно. Я даже понадеялась, что благополучно переживу повторный погром. А там кто знает, может стражи откликнутся на зов. Может зеркало заработает снова...

Качка стихала. Треск сделался громче, но бой часов почти умолк, даря надежду на избавление. Надежда — самая непредсказуемое, что есть на свете. Сколько раз я надеялась на лучший исход. Сколько раз верила в везучесть. Сколько после обманывалась и зализывала нанесенные судьбой раны. Этот раз перещеголял все остальные.

Откуда появилось оно, я не разглядела. Как и не разобрала что это такое. Зато отчетливо уловила: надежда вновь посмеялась надо мной.

Тень, возникающая в центре комнаты, сгущалась, набирая плотность. Вместе с этим усиливался и треск. Казалось, фигура искрит от переизбытка электричества, которое не в силах сдерживать.

«Фантом. Только очень и очень искореженный», — это мне удалось понять за секунду до того, как он обернулся.

Я следила за наступающей фигурой, всматривалась в искаженные черты лица и... не чувствовала ничего кроме любопытства. Еще немного. Еще чуть-чуть и я узнаю его...

И тут засияло, зажужжало зеркало, отгораживая меня от фантомного и такого реального монстра. Сухонькая рука-веточка, неожиданно сильно дернула, втягивая внутрь.

— Не успела, — выдохнула я огорчено, когда проморгалась.

— Погибнуть не успела? — Фома Лукич озабоченно крутился у хода, рисуя мелком на зеркале непонятные знаки.

— Рассмотреть не успела. Я его почти узнала.

— Зато он тебя точно узнал. И теперь вернется, — лесовичок закончил, отошел в сторонку изучил знаки, с удовлетворением кивнул и накинул на зеркало большое полотенце.

— Ой, а бабушка тоже так делала. Она вечно зеркало прятала. Особенно ночью.

— Давно тянется стало быть, — помрачнел Фома Лукич. — И ведь не сказала ничего. Скрытная какая.

— А сами-то. Вы точно знакомы с моим гостем. А мне о том, кто он, не говорите! — уличила его я и поднялась с пола. Митинговать на полу не солидно. Масштаб не тот.

— Думали сами разберемся. Чего новичка беспокоить?! Ты же и не умеешь ничего. Ну раз так, то придется вместе совет держать. По одиночке не выдюжим. Ты это ешь давай. Чаек сладкий пей. Поможет. А как путь отчиститься, Бежанку позовем. Авось и скумекаем чего сообщать.

* * *

Кумекать пришлось очень быстро. Лишь зеркала очистились от застилающей мути, как все пришло в движение. Скакали столы и стулья, подрагивали полки на стенах, вода выплеснулась из кадки на пол. Я малодушно выскочила на улицу, надеясь переждать землетрясение, и в изумлении замерла на пороге. Дороги двоились, троились и путались. Дома то возникали, то исчезали. Неизменными остались лишь небо и земля. Казалось безумный демиург решил наспех переделать негодный мирок, не подумав о уже существующих жителях.

— Ты глянь! Здесь тоже самое, — из-за моего плеча выглянула Бежка. А я и не заметила, когда она пришла. — Я думала, лишь у нас все спятило.

— Мы сейчас исчезнем? — я спешно просчитывала успею ли добежать до зеркала и уйти. Конечно, дома тоже небезопасно, но там точно все настоящее, а тут еще не ясно.

— Не знаю, — хмуро отозвалась страж. — Сколько тут живу, а такое впервые вижу. И поверь, живу я уже давненько.

Я кивнула, лихорадочно прикидывая, как лучше задать вопрос. Боюсь, на ненастоящих они могут и обидеться. Но что поделать, коли я правда запуталась.

— Да настоящие мы, настоящие, — усмехнулась Бежка так понимающе, что я устыдилась. — Мы, конечно, тесно со сказками связаны, а все же сами реальней некуда. Фантомы они не могут у вас там жить. Ежели кто и вырвется, то на чуть-чуть. Короткий переход, отдых и назад. Иначе растворится. Они лишь у нас реальны. А мы временем не ограничены.

— А я? Я временем ограничена?

А то мало ли что?!

— Конечно, нет. И как только додумалась до такого?! Не стали бы тобой рисковать! — страж качала головой и сверлила сердитым взглядом, который то и дело переводила на уличные безумства.

— А Сказания вся реальна?

А что еще можно подумать?! Я такое только в Фантомии видела. Там это почти что норма жизни.

— В том-то и дело, — Фома Лукич бочком протиснулся мимо нас и выбрался за порог. — Да и деревня эта испокон веков существует. Раньше меня появилась.

Лишь с его появлением я заметила, что вокруг его домика царит тишина и даже забор не подрагивает. Точно кто-то нацелился внутрь дома, да силенок не хватило.

— Фантом что-то ищет, да?

Спросила я наугад, но стражи стали до того похожи, что ответ не потребовался. Эх, не доверяют они мне. Оно и понятно. С первым заданием у меня неважно получилось. Вроде и свиток восстановила, чтобы Фантомия не исчезла, и сказки все перемешала.

— В домах наших он зря ковыряется, — сердито выдохнул Фома Лукич. — Нет у нас того, что ему нужно.

— А если оно вообще? — Бежку вдруг потянуло на философствование. — Мне кажется, он своих же сказок перечитал. Вот и мечется яки бес перед попом.

— Так что ему нужно? — я не могла не встрять, потому как совсем потеряла надежду узнать правду и разобраться в

происходящем.

— Ты посмотри-ка, ушел ирод, — фыркнул лесовичок, вглядываясь вдаль.

«Хрен, а не ответ!», — перевела я и... ошиблась. Фома Лукич тоскливо вздохнул, глянул на помощницу, молчаливо испрашивая разрешения, и негромко сказал, стоя спиной ко мне:

— Штуковину чародейскую. Сказочную, стало быть. Только нет оной ни у нас, ни у них. Многое из Фантомии у нас прижилось, но того, что он ищет я никогда не видел.

И? Все что ль? Терпение — не самая сильная моя сторона!

— Человеком он хочет стать взаправдашним, — это Бежка, как и я, не дождалась продолжения. — Не хочет он быть фантомом. Слишком он из сказки своей выбился. Очеловечился, тьфу его. Идти против ее хода он уже научился. И говорить то, что циклом истории не предусмотрено. Не все фантомы это умеют, только самые сильные да древние. Остальные что марионетки в шарманке. Бубнят одно и то же. Так вот очеловечился он, а человеком так и не стал. Если долго у нас живет, растворяется. Ему чтобы туточки находиться, приходится то и дело к себе возвращаться. Иначе мерцать начинает, как елочное украшение под свечой.

Я молчала, не зная, что ответить. Ситуация казалась мне глупой до абсурдности. Если в Сказанию верилось с трудом, то в очеловечившегося фантома — еще меньше. Неужели он настолько похож на человека, что отличить? Только кое-что другое это не объясняет.

— А что он с улицей делает и как?

— Он Фантомию хочет реальной сделать. Думает, это ему поможет. Только разрывы оттого и начались, что вмешиваться в суть мироздания нельзя. Перемудрил он. Одно не пойму, как он проход к сердцу Фантомии, к свитку, получил. Нет туда сказочным хода. Защищено оно.

Я отвела взгляд. Горизонт прямо-таки притягивал взгляд. С чего бы это, спрашивается?!

Во рту пересохло. Я глянула на Фому Лукича: про Мишку я так никому и не сказала. Побоялась.

— А можно этот проход закрыть? — голос дрогнул, тренькнув сорванной струной. Сама напортачила, самой и исправлять.

— Можно. Отчего же нельзя, — кивнул лесовичок, буравя меня подозрительным взглядом. — Пока жив, все исправить можно. Лишь смерть постоянна. Впрочем, фантомы так не считают.

Фома Лукич еще не окончил, а уже знала, куда скоро отправлюсь. И пусть у меня нет уверенности в успехе, но все лучше, чем дрожать и прятаться.

* * *

Пойди туда не знаю куда... определено я привыкаю к невыполнимым задачам, даже нравиться начинает.

Теоретически я знала куда иду и зачем. Практически, ни Фома, ни Бежка там не были и могли помочь лишь пространными советами, да предположениями. К тому же мнения у них разделились.

— Свинопас! Точно тебе говорю, — кипятилась Бежка. Руками она размахивала так энергично, что приходилось наклоняться и отпрыгивать. — Там механических штук о сколько. И все волшебные, — она чиркнула пальцем по горлу. Я тут же живо представила как слетает с плеч моя дурная голова, что с легкостью заводит в неприятности. — Что-нибудь да подойдет.

— Маленькие человечки! — Фома Лукич забрался на табурет и подпрыгивал на нем, что бы казаться выше и внушительней. Смотрелось это презабавно, но смеяться не хотелось. Глаза у лесовичка сверкали до того грозно, что подходить боязно. — У этих если и нет, то создадут. А в свинопасе только готовое можно взять.

— А что ближе находится? — вопрос я вставила не без опаски, но решают-то мою судьбу.

— Знамо что! Свинопас, — с неудовольствием отозвался Фома. Кулаки он выразительно сжал, явно догадавшись о подоплеке вопроса, но ответил честно и обстоятельно. — Туточки они. За поворотом прячутся. Земли их стеной огорожены. Но соседи они мирные. Из сказки не выходят: не хотят с деревенскими общаться. Брезгуют.

Вот и выяснилась причина неприязни стража. Ну да мне до их брезгливости, как до потерянного ключа, главное добыть правильную финтифлюшку, способную вернуть правильный порядок сказок. Остальное вторично.

— Это раньше они рядышком были, — нехотя уточнила Бежка — А теперь где угодно могут быть. Перемешалось все. Провалы-то исчезли, мерцание прекратилось, зато в сказках такая чехарда, что не понять ничего.

В этот раз я изучала траву и снова очень внимательно. Стражи не обвиняли меня, и даже взглядов укоризненных не бросали, они словно с родители вздыхали над нерадивым дитятей, мол знали на что шли. Чего взять-то теперь?! И от этого становилось лишь хуже.

Я же знаю, что и ключ пропал по моей вине, и свиток из сердца Фантомии полноценно восстановить не смогла тоже я. Да дыры залатала и провалы в сказках после этого исчезли. Зато текст на древних страницах так перемешался, что не прочесть ничего. Перестаралась, короче. И теперь предстояло разбираться не только со взбесившимся фантомом, но и собственным головотяпством.

В этот раз я собралась в дорогу еще быстрее, чем в прошлый. Котомку не разбирала, к странной действительности немного приноровилась. Наряд мне помогла подобрать Бежка. Пока не поняла, чем она руководствовалась, но облик «принцесса в беде» тронул. Кудряшки, диадема, кринолин, атласные туфельки — я крутилась перед зеркалом и жалела об отсутствии фотоаппарата. Надо будет из дома притащить!

— Эх, расскажи кому не поверят, — вздохнула я, делая пальцами рамочку «а-ля селфи».

Жест от стражей не укрылся, но удивило меня другое.

— Здесь эти ваши штучки, все одно, не работают, — Фома Лукич придиричиво обходил вокруг меня, точно искал в наряде изъяны. — Но впечатляют да. Вроде и не магия, а поди ж ты картинка. Агриппина нам показывала.

— Так что о фотографии можно забыть?

— Чего это забыть? — Бежка вынырнула из моей дорожной котомки. В этот раз мы украсили ее рюшками и бантиками, превратив в подобие большого пирожного. — Наряд через зеркало протащи и красуйся сколько хошь. Все равно никто не поверит, что он настоящий.

Идея мне понравилась. Я даже наметила несколько знакомых фотографов, с которыми уже работала. Но это позже, а пока...

— Вы уверены, что волшебный инструмент, способный восстановить порядок сказок, вообще существует? Я много читала, но

про подобное слышу впервые. Может волшебная флейта?

— Может и она. Глянуть надобно, — Бежка пожала плечами. Ох, где теперь шастает хитрюга Тедерик. А страж продолжила: — Только помни, артефакт тот не явный. С первого прочтения его в сказке не найти. Спрятан он и надежно. Нужно успеть не только найти его, но забрать да перепрятать.

— Если все так просто, почему наш фантом до сих пор не нашел?

— Потому что фантом. Это для нас сказки, а для него жизнь. И мир. Его мир. Ты знаешь все о своем мире? Абсолютно все? — Бежка дождалась моего мотания головой и с удовлетворением продолжила. — Вот и он всего знать не может. Ты открываешь книги и читаешь и то не знаешь, что искать. А он ищет практически в слепую. И сказки воспринимает иначе, чем ты. Сложно ему различать сказку и реальность. Всегда помни об этом. Это и есть твое преимущество.

Что ж, все лучше, чем ничего...

Глава 3

Ушла я в тот же день. Пешком и по пыльной дороге. В предыдущую прогулку клубы пыли не так раздражали, но красивый наряд усилил чувство прекрасного и желание как можно дольше его сохранить. И пусть это противоречило здравому смыслу, я старалась изо всех сил.

А жалела только об одном. Один важный вопрос я опять забыла задать, потому мучилась сомнениями: куда пропал напарник, что помогал идти к свитку? Почему сейчас я одна и чем он так занят? Можно, конечно, достать блюдечко, но останавливаться не охота. А после забуду ведь.

Я быстро сообразила, что «быстро» стражей и мое сильно отличаются. Поворот дороги виднелся где-то в районе горизонта и категорически отказывался приближаться. Дорога походила на лесной тракт. А забор вокруг мифического королевства даже не был виден.

Шла я целый день. Короткие остановки на перекус и по естественной надобности быстро заканчивались. Я устала, вымоталась и как нельзя лучше походила на выбранный образ «принцессы в беде». Кудряшки частично раскрутились, диадема сбилась набок, а подол запылвился. Про атласные туфельки вообще молчу. А когда показался вожаденный поворот, не удержалась и пустила слезу. Наконец-то!

К повороту дороги, окаймленной лесом с двух сторон, мчалась так, будто и не было изматывающего дня. И откуда только силы взялись?! Добежала до поворота и... чуть не упала в грязь, едва успев остановиться.

Королевства не было. Совсем. Городская стена? Не слышали. Поле и поле. Ничего интересного. Я в растерянности оглянулась: может сторону перепутала. Нет, отлично понимаю, что пропустить подобное невозможно, что будь я чуть менее уставшей, давно бы сообразила, но так хотелось верить в ошибку.

Кое-как преодолев ступор, я открыла котомку и достала блюдечко. Руки подрагивали. Яблоко чиркнуло по краю и слетело на землю. Неужто разбилось? Уф, нет. Плод выглядел пыльным, но целым и

румяным, как и прежде. Столько времени его с собой ношу, а оно свежее, без малейших признаков гнили. Чудеса, да и только.

— Катись-катись яблочко. Покажи, — скороговоркой выпалила я и сорвалась на визг: — Бежка. Фома. Бежка! Фома!

Вызов больше походил на причитание, а с каждым новым кругом ощущение ошибки усиливалось. Может я еще слова какие позабыла?

— Диночка! Что случилось! — они ответили разом, а поверхность тарелки перечеркнула вертикальная полоса. Конференц-связь, однако.

— Королевства нет. Совсем нет. Точно нет. Тут лес, поле и кукуруза. Все! — протараторила я.

Фома и Бежка переглянулись так, словно видят друг друга. Лесовичок нахмурился, ведьма прикусила губу.

— Перемешались сказки-то, — грустно пролепетала она.

— А то она не догадалась?! — фыркнул Фома Лукич. — Делать чего будем? Карты у нас отродясь не было. Да и смысл в ней, коль королевство переезжает туда, куда захочет.

— Вещичку надобно.

— Вещичек у нее хоть отбавляй, — я и не знала, что лесовик умеет дерзить, — а нужную без самого королевства не сыскать. И королевство без вещицы тоже.

— Твое королевство она тоже теперь не сыщет. Небось, и оно перенеслось куда, — огрызнулась Бежка.

— А что нужно-то? — спросила я, перекрикивая разборки стражей. Не хватало мне еще драки в центре тарелки.

— Вещь что из сказки взята. Ну или персонаж. Тогда дорогу найти легче. Сказка их сама притягивает, — отозвалась ведьма, мгновенно успокоившись.

— Да, раньше мы на всякий случай много чего в запасе держали, — поддержал Фома Лукич. — Но бабушка твоя Агриппина нас здорово разбаловала. При ней порядок был. И королевства ни с того ни с сего не исчезали.

Я напрягла память. Эту сказку я читала давно, но кое-что помнила. Там точно была капризная принцесса — одна штука, принц, переодетый пастухом — одна штука, и механические безделушки в больших количествах. А раз так...

В котомке я ковырялась с таким усердием, точно от этого зависела жизнь. Впрочем, так оно и было если подумать. Не жизнь, но дорога

точно. Птичку я извлекла не без труда. Бежка ее спрятала на самый низ и прикрыла скатертью-самобраной. Кабы не упорство, лежать птице там до следующего утра. В дороге я питалась прихваченными из дома пирогами да морсом.

— Она?

Тарелку пришлось поставить на землю. Сама я низко склонилась и запыхалась от усилий. Певчую птичку не заводили уже давно. Ключик поворачивался туговато. Но что поделать, если поет она так долго и настойчиво, что успеваешь надоесть. Оказывается даже райское пение способно задолбать.

Пичуга выдала длинную трель и вспорхнула мне на плечо, царапая острыми коготками шелковое платье.

— Где ты ее взяла? А впрочем, неважно! — засуетилась Бежка, наклоняясь к своей тарелке, чтобы лучше видеть. Смотрелось это странно. Лично я видела всего один ее глаз, но очень большой. И не сразу разобралась в том, что происходит. — Она, родимая! Она!

— Прикажи ей вернуться домой, — встрял лесочивок.

— Ага, и она улетит раньше, чем Диночка ее догонит. Скажи ей, води меня к своему дому.

— Тут вот какое дело. Я ее в лесу подобрала. Обычном не королевском.

— Да неважно куда она из сказки выпорхнула. Дом у нее всегда один. Туда она и вернется, — успокоил Фома Лукич.

Я поблагодарила стражей, упаковала тарелку в котомку, повесила ту на плечо, взяла птицу и громко прикрикнула:

— Веди меня к себе домой!

Птица вздрогнула, подозреваю от страха, выбралась из зажатой ладони и послушно полетела через поле, свернув с тропы. Ох, представляю, как я буду выглядеть после кукурузы. В недобрый час я подумала о принцессе в беде.

* * *

Механическая птица летела так целеустремленно, точно внутри у нее встроен компас или магнит. Дорогу она выбирала по принципу: кратчайший путь не может быть плохим. Ей то хорошо, она мелкая и

верткая. А я на подол платья нацепляла репьев, ободрала рюши, обзавелась листьями в волосах и разводами на лифе. Полагаю, такие же красовались у меня на лице, поскольку ладони были черней черного.

За предыдущее путешествие я столько дорог истоптала, но не знала, что тут бывают такие дебри. Ветки, грязь и пыль точно нарочно цеплялись к нарядному платью, которое все больше походило на обветшалую половую тряпку. Ох, не поверят в королевстве в мое благородное происхождение. Да я сама в него не верю!

Когда вдали наконец показалась стена, я не поверила глазам. Даже протерла их кулаками, а ну как мираж от переутомления. Стена оказалась самой настоящей и, несмотря на сказочное происхождение, высокой и прочной. О том, чтобы сломать или перелезть не могло быть и речи. Подлая птица махнула через ограду и скрылась из виду, я погрозила ей вслед кулаком, рывкнула: «Жди меня!», — и направилась на поиск ворот.

Вход я нашла по звуку. Караульные у ворот гоготали так громко, что пропустить невозможно. Я терпеливо шла на звук, не обращая внимания на ручьи и слякоть. Моему платью уже все нипочем, а я слишком устала, чтобы привередничать.

Источник хохота нашелся без труда, а вот привлечь внимание игроков в карты оказалось трудновато. Веселящиеся мужики закрыли ворота на большой засов, сбоку пристроили колченогий стол и отрешились от происходящего. Ну ладно я, но из королевства выход не предусмотрен вовсе, ведь того, кто находится на той стороне они не видят. Мрачненькая перспектива.

Я постояла, ожидая внимания, потом кхекнула и таки вовсе не благородно рывкнула:

— Занять пост!

Мужики вскочили и забегали. Стол они отправили куда-то внутрь стены, карты сунули в карман и вытянулись с двух сторон от ворот.

— Очень плохо. Вы опоздали на сорок две секунды. Надо больше тренироваться, — посетовала я и приказала: — Открыть ворота!

Стража дружно ухватило засов, вытянула и замерла. «Не успела!», — отметил я и приготовилась к допросу.

— А ты кто такая? — засов вернулся на место с рекордной скоростью, и сразу два недоброжелательных взгляда вперились в меня.

Я шмыгнула носом и попыталась выдавить слезу. Слезы застряли на подступах и судя по ощущениям, решили держаться за ресницы. Какая же я теперь принцесса без слез-то?! Правильная принцесса рыдает в три ручья — это все знают. Эх, была не была.

— Я принцесса из соседнего королевства, — залепетала я, прикидывая пора падать в обморок или немного погодить. — На мой обоз напали разбойники и всех перебили. А я сбежала и заблудилась. Пустите переночевать.

Жалобный речитатив я выдавала на одной заунывной ноте и старательно хлопала глазами. Слезы так и не выдавила, зато глаза покраснели от усилий. Представляют этот жуткий видок...

— Принцесса грит? — караульные переглянулись, с сомнением разглядывая мой непрезентабельный вид. — А руки черней наших будут.

— Упала. В поле. И в грязь. И на пыльной дороге, — я добросовестно перечислила весь путь, ни капли не приврав, и так мне себя жаль стало, что слезы полились уже без усилий. — Еле-еле дошла.

— А может ты нашенская? — второй страж низенький и плюгавенький рискнул приблизиться. Руку он держал на алебарде, но выглядел вполне уверенно. — Король батюшка уж обыскался дочку-то.

— Точно ваша! Говорю же потерялась! — мгновенно перестроилась я. Такой шанс упускать нельзя.

— Ты чего? Она темная. А наша белая, — первый страж, длинный и тощий с несуразными усами, что свисали как мокрые мочалки, вперился в меня еще более подозрительный взгляд. Можно подумать, это я предположила, а не его напарник.

— Так это ж от грязи. От грязи. Отмоюсь и побелею, — пообещала я, прикидывая смогу ли раздобыть парик из тех волшебных орешков, что сунула мне в котомку Бежка.

Орешки выдавали наряды на свое усмотрение, но если сильно чего-то пожелать, могли и поспособствовать. А я ух как желаю!

— Ты как хочешь а я к императору! — решил второй.

Первый заступил ему дорогу, а я тихонько пропела:

— Награда, — за всех принцесс-потеряшек непременно назначают награду, иначе кто же станет их искать?!

Караульные мчались наперегонки, толкаясь локтями и хватая друг друга за ремни. Каждому хотелось доложить о чудесном возвращении первым. Я же прошла на территорию фантомного королевства и остановилась, дабы снова не потеряться. Дельце с подменой могло и выгореть: сказки-то перемешались. А искать будучи в статусе принцессы куда проще.

Птичка нашлась за забором на ветке ближайшего дерева. Она чирикала так радостно и звонко, словно и правда радовалась возвращению.

— Лети ко мне! — не знаю зачем она, но вдруг пригодится. Я вытянула руку, и пичуга послушно перелетела на нее как на ветку. Острые коготки царапнули тонкую кожу. Я осторожно подхватила чудо механики, проверила завод и пересадила на плечо. Там рукав фонариком, плотный и удобный.

— Доченька! Доченька! — от манипуляций отвлек громогласный вопль.

Я перевела взгляд. Казалось ко мне мчались все дворовые разом. Белые напудренные парики подскакивали, юбки стукались и колыхались, толстые щиколотки подрагивали от напряжения.

Впереди всех мчался немолодой мужчина, чей парик был выше и вычурнее остальных. Корона на нем скакала мячиком, но странным образом не падала. Длинная мантия развевалась словно плащ, а сам император олицетворял дикую смесь радости, отчаянья, надежды и тревоги. Зато глядя на это напудренное воинство я сообразила, откуда взялась блондинистость моей предшественницы. Так и я умею!

Я готовилась. Я честно готовилась к набегу, и все же император подлетел неожиданно. Крепко стиснул в объятьях и отстранился, вглядываясь в лицо. Я нацепила самую праздничную из своих улыбок и с трагизмом произнесла:

— Папочка. Как хорошо что ты нашелся. Я больше никогда не буду пропадать.

— Это я больше не буду тебя выгонять, — отозвался он.

И вроде слова правильные, а взгляд до того пронзительный, что хочется отвернуться и бежать быстро-быстро. Тут он глянул на певчую птицу, которая выбралась из его захвата, и расслабленно улыбнулся.

— Уцелела-таки. Надо же, думал уж не вернется. Как и ты.

— Она меня домой привела. Я-то дорогу найти не смогла, — отозвалась я, придерживаясь правды, чтобы потом не вспоминать, кому чего врал.

— Пойдем же скорее, — император стиснул меня еще раз, схватил за руку и потянул в сторону дворца: — Принцесса вернулась! — громко провозгласил он, а я не смогла сдержаться от облегченного вздоха.

Кто бы мог подумать, что случайно подобранная в лесу птичка найдет нужную тропу, и станет пропуском в королевство. В сказке «Свинопас» все болели механическими чудесами — это я помню. Не знала лишь, что принцессу узнают здесь только по птице и белому парикю.

Повезло, так повезло. Что же, во дворец я прорвалась, осталось найти волшебный инструмент, меняющий сказки, раньше фантома.

* * *

Дворец был очень помпезным, очень запутанным и ужасно неудобным. Вначале я еще пыталась запомнить что куда ведет, но потом махнула рукой и решила действовать наугад.

Принцессу тут почитали как маленького божка и на все странности закрывали глаза, считая причудой «бедной настрадавшейся девочки». А бедная девочка этим беззастенчиво пользовалась, если верить пересудам за спиной. Челядь не очень-то стеснялась в выражениях. И пусть переругивались они шепотом, но достаточно громким, чтобы услышать.

Если подумать, мне очень подфартило. Дочку разгневанный император выгнал, когда застукал за поцелуями со свинопасом. Позже он одумался и отправил погоню, да без толку. От потеряшки остались пара ленточек и бантиков. Учитывая переполох в сказках, подозреваю, та принцесса теперь подрабатывает в другой истории и домой не спешит. А может не знает что ее тут ждут или вовсе не помнит прошлого. Все же жизнь фантомов идет по иным законам.

Довольный император отвел меня в покои своей дочки и оставил, нервно топчась под дверью. Я представила как вся прислуга будут проделывать этот трюк день за днем и настроение испортилось. Как

искать-то буду? Впрочем, это позже, а пока бадья с горячей водой и орешки с чистой одеждой. Наряд они мне выдали своеобразный: кричащей расцветки и похожий на большое взбитое пирожное. Но парик был, новая пара туфель тоже и даже белила с углем прилагались, остальное переживу. Даже кружевные панталоны и те стерплю. Вот!

Учувствовать в общем ужине я отказалась, сославшись на усталость, поела и улеглась спать. Засыпая, слышала непрерывный перестук каблучков по коридору. Казалось возле моих покоев открылась выставка, где раздают титулы и все придворные решили пополнить коллекцию. Ничем другим столь бодрое цоканье не объяснить.

Утром я ускользнула прежде, чем перехватили фрейлины, и отправилась на осмотр. Местные правила меня интересовали мало. Я тут ненадолго, найду, стащу и назад. Важнее опередить вездесущего фантома.

Глава 4

Заводная птица спустилась на голову, едва я ступила на порог. Механический питомец явно признал во мне хозяйку и не желал расставаться. Мне он тоже нравился. Особенно, когда молчал. Жаль, молчал он редко и недолго, а в незаведенном виде терял очарование, превращаясь в банальную игрушку.

Начать я решила с обхода придворовой территории. Сад здесь состоял из нескольких уровней, которые соединяли многочисленные дорожки и лесенки. Страсть к многоярусности и помпезности сквозила во всем. Ступенчатые фонтаны сменялись высоченными клумбами и фигурно подстриженными кустами. Идеальное место для прятков. Если сильно достанут придворные, сбегу сюда.

Я неторопливо обошла верхний сад и как раз искала выход вниз, когда меня окликнули. Навстречу спешил франтовато одетый мужчина. Мундир с воротником-стойкой надежно скрывал хлипкую шею, зато лосины подчеркивали слишком тонкие лодыжки. На редкость неудачный наряд. Кабы не видела его раньше в другой одежде, так и думала бы, что он страшноват и неказист.

— Мишка! Ты где пропадал?

В компании приятеля и солнце засияло ярче. Вдвоем-то мы точно сыщем все и даже больше. Свиток мы с ним нашли без проблем, а даже практически починили. Правда, тогда нас сопровождал и один фантом, щелкунчик по имения Тедерик, но вдвоем тоже неплохо.

— Тебя догонял, — улыбка Мишки показалась натянутой, словно он радовался мне куда меньше, чем я ему. — До чего же ты шустра на подъем. Пока я собирался, ты уже сбежала?

— Где собирался? — у стражей в гостях его точно не было. И они про него ничего не говорили, точно скрывали что нас таких одаренных двое. Обидно, но и я в суматохе забыла спросить про случайного попутчика, владеющего схожими способностями.

Мишка насторожился и пытливо взгляделся в меня, но тут же беспечно улыбнулся.

— Прибирался. Пока все разложил, ты успела уйти.

— Толку-то, фантом снова все разнесет, — отмахнулась я, ступая на лестницу. Кроме путаницы, скамеек и беседок в саду ничего обнаружить не удалось, а бесцельно гулять нет времени.

— Фантом?! — Мишка цокнул, точно пробуя слово на вкус.

Лицо его исказила неприязненная гримаса, быстро сменившаяся добродушной улыбкой. Не следи я за ним так пристально, не заметила бы. Станный он сегодня.

Он выглядел уставшим и говорил со мной так, точно не был рад встрече. В предыдущее наше дело, я знала, что могу на него рассчитывать. В этот раз — жалела об отсутствии щелкунчика.

— Ты щелкунчика не встречал?

На самом деле, я не верила в нашу повторную встречу, но молчание раздражало. Оно висело грозным облаком, готовым разразиться громом и молниями.

— Фантомы тебя интересуют больше людей, как я погляжу, — с ожесточением процедил Мишка, яростно выплевывая пренебрежительное «фантомы».

Словечко ему не понравилось, только не ясно чем. Не мной оно придумано. Здесь все их так называют.

Мы не заметно дошли до нижнего уровня сада, обошли его и свернули на укромную тропинку, ведущую вглубь двора. Тенистая аллея лучше других располагала к прогулкам и даже странно, что на ней так безлюдно. Только прислуга, а придворные дамы, точно брезговали.

— Пойду я, — Мишка вдруг остановился и резко развернулся в обратную сторону. Я с трудом удержалась, чтобы не налететь на него. Он напряженно всматривался в невысокое деревянное строение, от которого исходил не самый приятный, но очень знакомый запах.

— Только не говори, что ты как местные барышни боишься резких запахов, — не удержалась от шпильки я.

Приятель вел себя непонятно, чем изрядно раздражал.

— Что? — он бросил на меня недоумевающий взгляд, и тряхнул головой, точно отгоняя неприятное видение. Я тоже всмотрелась вдаль: ничего, что могло бы вызвать подобную реакцию. — Мне еще официально приехать надо, — медленно проговорил он, — Это ты тут наследная принцесса, а меня пока как бы и нет.

— Не буду задерживать, — хмыкнула я, наблюдая как стремительно он возвращается к замку.

Его ответ многое прояснил, но не успокоил. Стремление легализоваться понятно, но если бы наше знакомство состоялось сегодня, вряд ли мы бы подружились.

К подозрительному зданию, отпугнувшему Мишку, я пошла одна. По мере приближения запах усиливался. Когда к нему добавилось характерное ржание, я сообразила куда иду, но не определилась зачем. С лошадьми я никогда не ладила. Особо не боялась, но и восторга не испытывала. Есть — замечательно, далеко от меня — еще лучше. И все же не остановилась.

Во-первых, надо разобраться, что оттолкнуло Мишку. Во-вторых, инструмент может находиться где угодно. Раз уж меня с персонажем перепутали, то дело плохо.

У ворот я замерла, не решаясь войти, и статус принцессы тут не при чем. Я даже примерно не представляю как выглядит конюшня изнутри и насколько безопасно отворять неожиданно ворота. Пока я так размышляла, ворота открылись самостоятельно. Из конюшни вынырнул молодой мужчина и едва успел остановиться, что бы не налететь на меня.

— Доброе утро, Ваше Высочество. Желаете прокатиться?

Конюх хитро улыбался, нахально разглядывая меня, я же никак не могла подобрать потерянную челюсть. И было отчего. Он походил на Мишку как родной брат. Те же зеленые глаза, те же темные волосы и худощавое телосложение. Черты лица схожие, но перепутать при всем желании не получится. Этот походил на плута, тот — на скомороха. Почему сбежал Мишка я, конечно, догадалась, но появление в сказке фантома как две капли воды похожего на него это не объясняло.

— А вы... а он... э-э... не желаю, — вытащить из хаоса мыслей правильный ответ удалось не сразу.

Все время пока я блеяла, бекала и мекала, конюх насмешливо разглядывал меня и даже не пытался изобразить почтение. А фантомы нынче наглые пошли.

— Судар... Ваше высочество заблудились? — хмыкнул фантом, плечом оттесняя меня от ворот. Протискиваясь, он нарочно или случайно, ощутимо толкнул меня. Равновесие я восстановила быстрее попранной гордости.

— Мое высочество желает осмотреть конюшню! — я тоже «случайно» отпихнула его, хотя места предостаточно, и гордо прошествовала к воротам.

Толчка он похоже не заметил, а на эскападу смотрел не без любопытства. Ворота открыла на ощупь, и пусть на конюха не смотрела, ощущала его ядовитую усмешку. Внутрь шагнула с ну очень гордым видом и даже немного прошла, с любопытством осматриваясь.

Длинный узкий коридор исчезал в полумраке. Стойла тянулись с двух сторон и закрывались деревянными переборками. Довольно хрупкими на мой взгляд. Лошади, упрятанные за них, выглядели ничуть не дружелюбными. Они тянули ко мне морды, вынуждая сутулиться и шараться из стороны в сторону. Не знаю способны ли они достать и не собираюсь проверять.

Пройдя шагов десять, я замешкалась, не зная, что предпринять. Зайти-то зашла, а дальше что?! Из-за спины пробивался свет, намекая на подглядывающего конюха. Удивить бы его, да как?

— И-о-о, — раздалось слева и я шарахнулась вправо.

— И-о-о, — поддержал смутьяна сосед справа.

Я вновь метнулась в сторону, заработала новую порцию лошадиного веселья и окончательно растерялась.

Конюх нашел меня на полу. Я присела на корточки и твердо решила зимовать тут. На карачках перемещаться гордость не позволяет, а ходить я тут не способна.

— Вставай высочество

Крепкая ладонь неожиданно возникла у меня перед глазами. Я бросила на весельчака сердитый взгляд, но, к сожалению, пригвоздить к стене не смогла. Даже до совести не достучалась. Но удивила, да! Таких принцесс он точно раньше не видел, о чем честно и сообщил.

— А как же уроки верховой езды, сударыня... хм... высочество? — конюх уверенно вел меня к выходу и что особенно странно, его лошади не пытались напугать. Они вели себя удивительно смирно, точно признавали равным. — А говорят тебе в скачках равных нет. Вон даже дамское седло с камнями и позолотой папаша отжал. А принцесса?

— По телевизору тоже много чего говорят, — проворчала я, пряча взгляд.

В ответ он картинно приподнял брови, и я очнулась, вспомнив что говорю и главное кому. И все же отпускать теплую руку не хотелось. Рядом с насмешником было безопасно и спокойно, несмотря на его непочтительный и ершистый нрав.

Даже Мишка вел себя странно и подозрительно. Здесь же я пусть и не получила поддержку, зато уяснила нечто важное: сыграть принцессу не так просто, как мне казалось. Королевство-то сказочное, зато казнь, в случае разоблачения, будет для меня настоящей. Соберись, Динка!

Руку я выдернула с видом оскорбленной невинности, и очень надеюсь, что не выглядела при этом жалкой. Обратно к замку шагала громко стуча каблуками, стараясь не слушать насмешки, летящие вслед.

— Так что за телевизор, высочество? Я не дослушал.

— И не досмотрел, — проворчала я, подхватывая пышные юбки и переходя на бег.

Утренний обход обнажил недостатки моего плана. Я выяснила, что искать наобум можно до бесконечности, а разоблачить меня проще, чем казалось. Разговаривая с местными, я то и дело забывала о разнице в наших мирах на что и указал цепкий конюх. Мне б такую сметливость, мигом бы все нашла.

Во дворец я возвращалась в раздерганных чувствах и мало обращала на происходящее вокруг. И только когда меня окликнули сразу трое, очнулась. Фрейлины тяжело дышали и вытирали лица кружевными платочками. Парики съехали на бок, а белила стекали с лиц тонкими струйками. Я даже не предполагала, что простая прогулка вызовет настолько сильный переполох.

— Не стоило так волноваться, — проворчала я, борясь с неловкостью. — Я всего лишь гуляла.

— Ваше Высочество не должно уходить в одиночестве. Вы могли... вы могли... — закудаhtала фрейлина, стоящая в отдалении. Рыхлая и обильно наштукатуренная дама до сих пор не отдышалась и держалась за бок. Поиск ей явно дался нелегко, но судя по почтительному молчанию вокруг, она тут за старшую.

— Не дождетесь! Не сбегу, — отрезала я и осеклась.

Как это не сбегу? Очень даже сбегу, как только закончу миссию и тогда массовый падеж дам на ниве поиска обеспечен. Ох, неужто мне

придется настоящую принцессу искать?!

Отогнав мрачные мысли, я спросила, убедившись, что сыщики в юбках следуют за мной:

— А папаша... то есть его величество уже в курсе, что я пропала снова? — дождалась слаженного повинного вздоха и продолжила: — Вот и славно. Молчите и дальше. Не за чем его беспокоить и отрывать от важных государственных дел.

— Ваше Высочество мудры не по годам. А уж как милосердны, — пропела юная фрейлина с шаловливым взглядом.

Судя по хитрой понимающей улыбке, он приписала мое исчезновение свиданию. Сплетни мне обеспечены — это точно. Особенно, если кто видел меня в обществе конюха или Мишки. Кстати, о них...

— Что-то гостей у нас давненько не было... — протянула я, мечтательно глядя вдаль.

— Ах, вы еще не знаете. Ну конечно, не знаете, — фрейлины щебетали наперебой и жеманно хихикали. — К нам едет принц из соседнего королевства. Сегодня будет у нас.

— Да ну, прям-таки и принц, — лягнула я и тут же прижала ладонь к губам. Мишка перестарался, конечно, но и я хороша, только и делаю, что болтаю невесть что. — Я рада... очень рада... хи-хи-хи, — смех дался нелегко, но он того стоил. Фрейлины расслабились и достали веера, прячась за ними, как за опахалами. Кстати, а где мой такой?! — А незаконнорожденного брата у этого принца случайно нет?

Ой-ей, что я несу. Один из них — фантом, другой — землянин. Они в принципе не способны пересечься. И у сходства наверняка есть объяснение. Надеюсь, только тут нигде не обитает мой двойник. Я же такую радостную встречу могу и не пережить. На радостях.

— На счет брата ничего не скажу, — зашептала та хитроглазая дамочка, склонившись ко мне, — но сам очень симпатичный. И наследник престола.

— Император рад, неверное? — выдохнуть получилось с трудом. Смех грозил придушить. Если выживу, отыграюсь на Мишке. Это же надо такое придумать.

Так обсуждая принца, мы и вернулись во дворец за завтраком и свежими сплетнями. Сопровождаемая «конвоем» к покоям, я услышала отдаленные звуки музыки, но выбраться из засилья пышных

юбок не смогла. Лишь сделала зарубку на будущее: проверить тот инструмент.

Не скрою, я рассчитывала на помощь в поиске. Да и отвлечь вездесущую свиту вдвоем проще. Уж «свидания» фрейлины точно одобряют и помогут скрыть.

Мишка прибыл вскоре после завтрака. Я стояла на балкончике на втором этаже и следила за приближающейся кавалькадой. В этот раз я не забыла прихватить веер, чем и воспользовалась. Глаза пришлось оставить открытыми, зато открытый рот я надежно спрятала.

Кавалькада все длилась и длилась, длилась и длилась, и грозила никогда не закончиться. Где-то в середине ее скрылся Мишка, чей берет с пером виднелся издали. смотрелось это масштабно и впечатляюще, но откуда он набрал столько фантомов осталось для меня загадкой. Моя котомка кишела волшебными вещами, но ни одна из них не могла выдать столько фантомов за раз. Где-то существовала сумка с братцами близнецами. Но и их всего двое. А тут... как?

Мишка расточал вагоны лести, улыбаясь всем фрейлинам сразу и императору заодно. Все охали, ахали и вздыхали, и только я искала удобный повод для побега. Церемония приветствия вышла скучной, нудной и бесконечной. Приятель плавился в ней как воск, точно ничего особенного не происходило, я же с трудом подавляла зевоту. И где он всего этого набрался?

Лишь церемония окончилась, я помчалась в свои покои. Еще никогда не бегала с такой скоростью. Пожалуй, «гениальные» мысли и скука — лучшие помощники в спорте. Эмоции переполняли, мысли роились, а руки так и чесались сделать хоть что-нибудь. Например, для начала найти зеркало. А все потому, что я наконец придумала отчего оттолкнуться в поиске. Идея, вообще-то, так себе, но за неимением других, сойдет. Осталось найти зеркало и вперед.

В покои я вернулась без препятствий и метнулась к большому зеркалу во весь рост. Ключ я так и не нашла, а без него придется просить помощи стражей для перехода. Но пенять-то не на кого. Зато вернуться в сказку по проложенному пути будет проще простого. И стражи не понадобятся.

Этот прыжок длился дольше обычного. Я уже приготовилась долго и нудно возвращаться ножками по пыльной дороге, когда с

вязким причавкиванием выпала в прихожую собственной квартиры.
М-да, однако...

Глава 5

То ли я тогда со страху преуменьшила бардак, то ли фантом сильно расстроился моему внезапному исчезновению.

Хм, точно расстроился. Шкафы просто так не падают. Они к стенам намертво прикручены. Были...

Я осторожно обходила осколки и подсчитывала в уме убытки. Выходило, что выкинуть это битое старье проще, чем восстановить. Без шкафов конечно неудобно, но... накоплю как-нибудь. Надеюсь, хоть что-то из одежды уцелело, не ходить же дома в кринолине?!

Убиралась я долго. Даже за временем не следила, хотя и помню, собиралась вернуться через пару-тройку часов. Но, к счастью, сбежала не из сказки про доверчивую красавицу и ранимое чудовище, могу задержаться без риска для чужой жизни.

За окном окончательно стемнело, когда я, переваливаясь, выбралась из душа. Спина ныла, руки дрожали, зато квартира радовала приятной пустотой. Ух и набегалась. Это вам не сказки спасать!

Я неторопливо переоделась, маскируясь под жительницу Сказании, и подошла к зеркалу, когда услышала знакомый бой часов. Быстро приложила ладони к стеклу, подавая сигнал Фоме Лукичу и нахально направилась к креслу. Жаль оно к полу не прикручено, усидеть будет сложно, но сегодня я узнаю кто тут хозяйничает.

Гул, треск, качка... он выдал тот же набор спецэффектов. Честно словно, скука да и только. Он, правда, думает, что может меня этим напугать? То есть может, конечно, но не второй же раз подряд! Я хмыкнула, крепче вцепилась в подлокотники и твердо решила: если нужно, буду держаться зубами, но усажу. Вид котика, распластавшегося по полу, не способствует правильным переговорам.

В этот раз он появился на окне. Вернее даже в окне. Предположение Луки о том, что фантом привязан к стеклу, подтвердилось. Стекло потрескивало, грозя вылететь, когда на нем возникли очертания смазанной мужской фигуры. Казалось, из стекла выбирается детский рисунок, жирно прорисованный углем и заштрихованный мелками. Фигура придирчиво оглядела себя, разгладила руками вмятины, возвращая объем, и выпрыгнула из окна.

Я не стала ждать пока он подойдет. Игра на опережение всегда мне нравилась больше, просто до сих пор была в отстающих. Баллон водного пистолета был полон и я не раздумывая пустила его в ход.

Тонкая струя ударила в центр карикатурного фантома. Это насколько же он изменил свою сказку, раз потерял подаренный создателем облик?! Цветные капли стекали с него на пол, но фантом не останавливался, продолжая шагать и посмеиваться. Его не просто забавляли попытки остановить, он откровенно наслаждался ситуацией.

— Древний страж. Очень древний страж, — отчетливо проговорил он. Голос его звучал глуховато, но интонации показались знакомыми. — Такой древний, что забыл что на меня действует, а что нет.

Теперь фантом стоял так близко, что мог протянуть руку и потрогать меня. Не самое приятное соседство. Я заставила себя сидеть ровно, не дрожать и не кусать губы. Хотя руки пистолетом заняты. А то, что пальцы побелели, так незаметно вовсе.

— Ты фантом! — я капитан очевидность. Вы знали? — Ты неживой. Ты никогда не будешь живым. И ты это знаешь.

— Твой страж хорошо поработал, — фантом по-птичьи склонил голову и в упор смотрел на меня. — Он многое сказал, но еще о большем умолчал. Он говорил, что не всегда так выглядел? Все что я хочу — вернуть облик. Отдай ключ!

— У меня его нет, — я пожала плечами, воображая себя крутой и бессмертной. Больше-то ничего не остается... — Если ты следишь за мной, то должен знать это. Да и зачем он тебе? Ключ настроен на меня. Ты все равно воспользоваться не сможешь. И уж точно он не поможет вернуть тебе облик.

— Лукич в своем репертуаре. Говорит лишь то, что выгодно, — фантом мотнул головой, будто прогоняя навязчивое видение. — Но ты слушай его. Слушай. Они и тебя запрут. Вместе куковать будем, — выплюнул он и картинно растворился в воздухе, словно втянувшись в ковер.

Этот ковер меня еще в предыдущий раз меня заинтересовал. Да и зеркал в нем нет. Не раздумывая я дернула край ковра и приподняла. Чихнула, проморгалась и... ничего не увидела. Не удивительно, в комнате-то темно.

Свет пояснил ситуацию лишь чуть-чуть. Под ковром явственно темнел квадрат, которого раньше там не было. Я, конечно, не фанат уборки, но где и что у меня находится, знаю точно.

Скатать ковер легче легкого. Все пару минут и я разглядела поблескивающий прямоугольник. Еще не веря увиденному, нагнулась и пощупала. Так и есть, фольга. Не зеркало, но покатит. Готовился, стало быть, надеялся произвести впечатление. В общем-то, у него это получилось. В предыдущий раз, я прощалась с жизнью.

Фольгу оторвала. Ковер вернула на место... и уселась в кресло. Возвращаться не хотелось. Фантом, конечно, позер редкостный, но зародить сомнения у него получилось. Я больше не доверяла стражам, хотя и не знала, как проверить слова охотника за ключом.

— Диночка? — оклик застал врасплох.

Бежка и Фома улыбались с таким явным облегчением, что я усовестилась. На чуть-чуть. В каждой ложке дегтя, есть доля истины — это всем известно. А значит...

— Я бы хотела навестить квартиру бабушки. Вы не против? — я улыбнулась так мило, как только умею и с трудом удержалась от желания шаркнуть ножкой, изображая пай девочку.

— Нет. Конечно нет, — они с недоумением переглянулись и явно растерялись. — Только осторожно. Взбесившийся фантом может и там тебя достать. И защита тамошняя давно силу истратила. Обновить надо бы.

— Ничего за пару часов со мной не случится! — отрезала я, умалчивая, что в этот раз фантом-невидимка ограничился запугиванием. Ну и заинтересовал, заодно. Надо сказать, это у него хорошо получается. Ему бы самому сказки писать.

Стражи снова переглянулись и слажено потопали к зеркалу. Благо, они от него и отошли-то всего на пять шагов. В коридоре они остановились, кивнули друг другу, и Бежка осторожно сказала, явно на что-то намекая:

— Ты главное в одиночку не влезай никуда. Не все сказки безопасны. Не всем фантомам можно верить. Многие из них существуют так давно, что научились обходить навязанные роли. Помни об этом.

М-да, и с этой стороны запугивания и слежка. Жучки на зеркале, будь они неладны. Ну что ты будешь делать?!

— Я постараюсь, — сдержанно отозвалась я.

Рисковать собой не намерена, но и добровольно связывать себя по рукам и ногам не хочется. Стражи ушли, тяжело вздыхая, а я отыскивала мобилу и вызвала брата.

— Костик, ты выпотрошил всю бабушкину квартиру или что-нибудь уцелело? — без «здрости» и «будь здоров» накинулась я на него.

— Что-нибудь уцелело, — растерянно отозвался он. — И тебе не болеть.

— Ага. Ага, — отмахнулась я и продолжила допрос. — Меня интересуют книги, тетради, записки и... короче все что найдешь.

— Коробки с доисторическим хламом в твоём распоряжении, — меланхолично отозвался он. — Только поторопись. Я уже все упаковал. Осталось выкинуть. Я ремонт делать собираюсь.

— Бегу, — коротко кинула я и сбросила вызов.

На работу к брату я прилетела в рекордные сроки, забрала ключи и горной козой поскакала в квартиру бабушки забирать вожаделенный хлам. Ее книги меня не интересовали, а вот записи — очень даже. Шанс конечно не большой, но вдруг у нее есть хоть какие-то пометки о Сказании. В конце концов, она была блюстителем не один год и уцелела, и в сказку не угодила. Так может и мне повезет?!

* * *

Бабушкина квартира пахла ветхостью и разрухой. Вот ведь интересно, тут уже с полгода никто не живет, а запах бабули сохранился и словно бы усилился. Я прошла по квартире, восстанавливая в памяти, как тут все было обустроено в моем детстве.

В гостиной стояла модная в те времена стенка, заполненная хрустальной посудой. К выставке богатства подходить следовало осторожно, и едва дыша, чтобы бабушка не услышала. Зевая она недолюбливала, а детей — еще и опасалась. Не без оснований, в общем-то.

Ныне мое зеркало располагалось в самом центре гостиной, и самый большой ужас вызывало ночью. В редкие гостевые ночевки я

старалась проходить мимо него зажмурившись, а лучше всего пробегать.

На кухне так и стояла колченогая плита старого образца. Такие в продаже давно не встречаются, а жаль, потому как она плотно ассоциировалась у меня с чудом. Понятно, что чудеса устраивала бабушка, которая к моему приезду пекла вкусности и прятала их в духовке. Но вера в чудо-печку, угадывающую желания, жила до сих пор и переплюнула даже скатерть-самобранку. Сейчас старенькая плита безмолвствовала и выглядела какой-то потерянной.

Вся квартира оставляла стойкое ощущение запустения, какое бывает в отсутствие хозяев. И вроде большую часть мебели брат вывез, да и обои частично снял, готовясь к ремонту, а наложить свой отпечаток на квартиру не успел. Она все еще оставалась бабушкиной, наполненной ее запахом, присутствием и магией...

Должно быть такое ощущение возникло не только у меня, поскольку и тут я нашла на полу небольшие квадратики из фольги. Фантом не просто посетил квартиру, он подстраховался, намереваясь вернуться. Ну этого я точно не допущу!

Фольгу скрупулезно собрала, единственное уцелевшее зеркало сдернула вместе со штукатуркой и отнесла в прихожую, чтобы не забыть отнести на помойку. Стены простучала и ощупала, неизвестно зачем. Я порывалась проверить и пол, да уstraшилась. Пол в квартире старый дощатый: одной не осилить. Ладно, дам задание брату. Он все равно будет снимать пол, заодно и глянет есть под ним что или нет.

Наконец, в последней дальней комнате, бывшей бабушкиной спальне, я нашла то, зачем явилась сюда. Стопки книг стояли прямо на полу, рядом с коробками, в которых их предстояло выкидывать. Чего тут только нет. Подбор литературы бабой Груней всегда остался для меня загадкой. Тут не было привычной классики, да и художественных книг не так уж много. Зато можно найти самоучитель по японскому языку и игре в шахматы. Ни тем, ни другим баба Груня не владела, но мечтать, как известно, полезно.

Книга за книгой я перебирала это богатство, выискивая неизвестно что. Дневник — очень сомнительно. Даже рецепты она никогда не записывала. Записная книжка — чуть вероятнее, но таки неясно что туда можно внести. Адреса фантомов? Позывные для зеркала?

Чем больше я листала книг, тем меньше верила в успех. И все же, все же, что-то не давало просто сдаться. Да и бабушка бы этого не одобрила, она была, мягко говоря, упорной и упертой дамой, и меня учила быть такой.

Мои старания вознаградились на третьей стопке книг. Жесткий каркасный переплет идеально маскировал записную книгу под обычную. Среди прочего она не шибко выделялась и не притягивала взгляд. На всякий случай, я проверила последние две стопки, убедилась в их ненужности и очень гордая собой отправилась домой.

* * *

К запискам бабушки я приступала не без трепета. В конце концов почти история. На деле все оказалось не столь радужно. Часть записей усеяли пятна, кое-где расплылись чернила, да и почерк у бабы Груни так себе. Вроде и аккуратный, но до того мелкий, что читается с трудом. Увлекательное чтение быстро превратилось в дешифровку.

К тому же никаких подробностей тут не было. Это скорее походило на короткие пометки, понятные лишь тому, кто в курсе ситуации. Возможно, стражам они бы рассказали больше, но мне приходилось играть в угадайку. И если фраза «Спросить у лешего и ведьмы» более-менее понятна, то остальное головоломка. Времени бы побольше. Кстати о нем...

С дивана я катапультировалась за секунду. За пару минут напялила громоздкие шмотки, нахлобучила надоевший парик, и спрятала находку в карман в безразмерной юбке. К зеркалу в прихожей мчалась, сшибая на пути уцелевший вазочки, статуэтки и стулья. А путь задавала, не глядя и рискуя перенестись по частям. Тем приятнее стало возвращение.

Во дворце царила непривычная тишина, прерываемая едва слышными звуками трагичной мелодии. Утром я отсутствовала не больше двух часов, а искали все придворные. Сейчас же мое отсутствие никто не заметил. Поразительно!

Я осторожно выглянула в коридор: никого. Подозрение о не том дворце окрепло и пустило корни. По коридору я кралась с видом

шпиона на задании и, готовая упасть при малейшем шорохе. Ну и пусть видно, зато лежать не так страшно, как стоять.

Дворец, однако, оказался тем самым. Узнала я его через пару коридоров и три огромных зала. Узнала бы и раньше, если бы меньше боялась. Разгадка пряталась в четвертом зале, который граничил с садом. Шум, царящий там, слышался издали. Дальше я пошла не скрываясь.

Мишка блистал. Во всех смыслах. Утренний наряд он сменил на нечто блестящее и торжественное. А количество перьев на шляпе разросло до полноценного петуха. Фрейлины сгрудились вокруг него плотной кучкой и радостно повизгивали при малейшем намеке на взгляд, чем приятель нагло пользовался.

Сюда бы еще принцессу и поцелуй и картинка из свинопаса станет полной. Мысль показалась мне такой заманчивой, что я впервые с прибытия по-настоящему рассмеялась. Веселилась до тех пор, пока не вспомнила: принцесса это я. Ой!

Назад возвращалась гораздо быстрее и спокойнее. Балу быть — это ясно, но пока есть время стоит заняться расшифровкой бабушкиных записей. Не вечно же тут торчать.

Книжку открыла без прежнего предвкушения и восторга. Абракадабра ничуть не улучшилась. Вот, как например можно понять запись «меч в живот от огня». Чей живот? Какой огонь? И где взять меч?

Или другое: «полька для танца». Кто должен играть польку? На чем? Кто должен танцевать: я или враги? Но больше всего мне понравился «волшебный веер для возраста». Вот он точно мне нужен! Или он действует только на фантомов? Бабушка не шибко-то молодела... а может просто сыскать не смогла?!

Записи меня так увлекли, что за временем я не следила. Возбужденные фрейлины болтливым вихрем ворвались в мои покои и тут же заохали:

— Ваше Высочество, вы еще не одеты? А как же бал в честь прибытия его высочества принца Глесского?

Я с недоумением посмотрела на наряд. Очень странное заявление, учитывая что я не раздевалась. Оказалось это платье никак не подходит. Совсем не подходит. Ужас как не подходит. Это же бал, бал, бал.

Пытку с переодеванием и сменой парика я вытерпела с честью, и страшно гордая собой выпорхнула из укрытия. Бал, так бал. Хотя посмотрю что это такое и нужно ли оно мне.

Глава 6

На балу было многофантомно жарко и визгливо. Свечей зажгли столько, что чад их с успехом перекрывал благовония дам и заменял каминные и печки. Веера походили на гигантских бабочек, сидящих на лицах. Перья на шапочках кавалеров наводили на мысли о павлинах. А количество блесков и драгоценных камней тут зашкаливало.

Я честно выдержала несколько несложных танцев и сбежала, отчаявшись заполучить Мишку. Фрейлины открыли на него до того яростную охоту, что я не выдержала конкуренции и позорно ретировалась. Фу на этого предателя. Пойду на конюха поглазею. Вдруг в темноте он превращается в страшного монстра, а днем лишь копирует чужой облик.

Дорожки в темноте, словно исчезли: ни фонарей, ни факелов. Темень залихватски подставляла подножки, цеплялась за пышное платье, украшала ветки деревьев монструозными тенями. Извилистость и запутанность сада не способствовали ориентированию. Я быстро заплутала и пожалела о порыве. Вернуться — лучший выход, вот только как понять куда идти?!

Веселые трели сменились уханьем и повизгиванием. Даже шорох травы и тот казался подозрительным. Дабы не подстегивать воображение, прижала ладони к ушам и ринулась в темноту. Я улепетывала от себя самой и никак не могла скрыться.

Жизнерадостный смех ворвался совершенно неожиданно, минуя крепко прижатые ладони. Я завертелась волчком, уткнулась в препятствие, и шарахнулась в сторону, пытаясь обойти. Препятствие с готовностью заступило мне дорогу, крепко обхватило за талию и шепнуло:

— Далеко собрались, сударыня?

— Щелкунчик! — я мгновенно успокоилась и лишь вытаращилась сильнее, точно это могло помочь. Темнота не отступила и черты собеседника по-прежнему остались загадкой, но так меня называл всего один человек. Вернее, фантом. — А я тебя обыскала. Ты где пропадал?

— Обожаю, когда меня ищут девушки, — хмыкнуло препятствие. — Только я всегда здесь и никуда не пропадал. Тихо работаю. Не щелкаю!

Я осторожно выкрутилась из объятий. Не знаю, кто меня поймал, но не щелкунчик точно. Всех местных я на всякий случай записывала во враги и удерживала на расстоянии. Вот и от скрытого темнотой незнакомца отодвинулась.

— Раз не щелкаешь, может хоть светишь?

— Легко!

Увы, шар света не появился из неоткуда, и фонарик не разрезал тьму, но зажженная свеча тоже смотрелась неплохо, а внезапность добавила эффектности. Неужели этот фантом маг? Кресало высекает искру долго и до того громко, что ошибиться невозможно. Факелов рядом нет... точно маг!

Тусклый лучик света выхватил из темноты знакомое лицо и шальную улыбку.

— Мишка? — удивление скрыть не удалось. Я же видела его в зале. И когда только успел сбежать? Впрочем, ноги у него длиннее моих. Но чем дольше я вглядывалась, тем отчетливее понимала: ошиблась. И дело не в наряде, который приятель не успел бы сменить, просто... они разные. — Конюх! — выпалила я и прикусила язык. Буквально.

— Высочество! — подмигнул он в ответ и потянул за руку, уводя вглубь сада. — Кстати, меня Тед зовут.

— Дина, — ляпнула я необдуманно. У принцессы же есть имя, и точно отличное от моего. — То есть... э-э-э...

Тед окинул меня насмешливым взглядом, и я приготовилась к разоблачению и изгнанию. Срочно ищу пуговицу на лоб для болтливости языка.

— Высочество признает меня равным, — хмыкнул он, — я запомню.

То ли и правда повезло, то ли он предпочел «не заметить» промах. Казнь временно отменяется — можно выдохнуть. Уф-ф.

Наш путь, тем временем, лежал на самый верхний уровень сада к спрятанной в кустах беседке. Заметила я ее еще в первый обход, только зайти не успела.

Тонкие прутья деревянной беседки плотно обвил плющ, превратив в клумбу. Внутри обнаружились вполне привычные скамейки, почти нетронутые стеблями.

Свечку Тед поставил в подсвечник, стоящий на круглом столике. Романтично-таинственная обстановка вовсе не обрадовала. Отношения с фантомом мне ни к чему.

— Дина, — проникновенно начал он, и я подивилась наглости. Пусть и липовая, но таки принцесса: не чета ему. Я отвела взгляд и уставилась в темному прохода. Без свечки снова потеряюсь. Вопрос: куда деть предлагающегося к свечке конюха? — Не стоит слепо доверять... хм... принцу, — продолжил он. — Не все принцы одинаково полезны для принцесс.

Каюсь, я таки посмотрела него. Уж больно неожиданными оказались слова. Не этого я ждала. Не этого. И гордость колет да, мешая здраво мыслить. Не то, чтобы мне необходимо обожание, но ведь обидно же.

— Конюхи однозначно полезней, да? — не удержалась я от ответной гадости.

— Ты совсем не знаешь... Михаэля, — Тед противно выщелкивал костяшки пальцев и вовсе не смотрел на меня.

— Тебя знаю меньше! — щелканье откровенно раздражало, а разговор вызывал недоумение. — И вообще, я не разрешала себе тыкать.

— Ты же признала меня равным, — он поднял ироничный взгляд.

Совсем не такой, как у Мишки. С чего я взяла, что они похожи? Совсем не похожи. Теперь, точно знаю, не перепутаю их.

— Случайно, — буркнула я, но уходить расхотелось. Ушлому фантому удалось заинтриговать.

— Он не тот, за кого себя выдает. Он... ненастоящий.

— А настоящий у нас ты, — отозвалась я и поднялась.

Темнота больше не пугала. Компания всезнающего конюха настораживала гораздо больше. Он, как герой сказки, не должен задумываться о подобном.

— Он занял мое место, — вдогонку крикнул Тед, и я резко развернулась.

Правда камнем стукнула по темечку. С чего я взяла, что он говорит о фантомах? Я слишком мало провела времени в королевстве,

чтобы вникнуть в происходящее.

Сказки перемешались в тот миг, когда я работала со свитком. Изначально в этой сказке подмены принцев не было, а в новой сказке, очень может быть, что и есть. Этим и воспользовался Мишка. Об этом же говорит Тед. Наверное... Как итог, я думаю о своих проблемах, он — о с своих, и мы оба слышим лишь то, что хотим.

— То есть, настоящий принц это ты? — это идеально объясняет сходство, хотя пока и неясно как Мишка этого добился. Он явно разбирается в происходящем лучше и быстрее меня. Мне до такого уровня мастерства еще, ой как, далеко.

— Вроде того, — нехотя отозвался Тед.

Сравнение ему не польстило. Смотрел он на меня как на твякающую из сумочки болонку. И чем я заслужила подобное?

— Я запомню, — вернула я ответ и шагнула в темноту.

Ориентироваться лучше не стало. Уже через десяток шагов я пожалела о поспешности. Бортиков у обрыва нет. Чтобы упасть даже стараться не надо. О чем только думала?!

— Убьешься, сударыня!

Тед появился из темноты и цепко схватил за руку. Он еще сердился и сверлил прожигающим взглядом. Болонка сменилась на обугленную головешку. А казалось, ниже падать некуда.

— Я может с детства об этом мечтаю. Вон сбежать и то не дали. Поймали и вернули.

Еще чуть-чуть и вживусь в роль настолько, что поверю в тяжкую судьбинushку зарвавшейся принцессы. Тед хмыкнул, но ладонь не выпустил, продолжая служить поводырем для обуглившейся болонки.

— Все с детства в сказку попасть мечтают, — осторожно ввернул он, ненавязчиво поглядывая на меня.

— Я не попала, я влопалась. По самые помидорки, — фыркнула я.

И ведь не соврала, хотя словесные упражнения меня утомили. Каждый живущий здесь пытается меня подловить, подставить, раскрутить на подарки. Конюх и тот темнит.

— Какая неприятная компания!

Мужской голос разорвал хрупкое уединение, возвращая шум бала и визг фрейлин. Неужто папаша застукал?! Меня нельзя выгонять, я еще не стырила очень важную штучку.

Реальность оказалась прозаичнее. Чуть поодаль, привалившись плечом к дереву, стоял Мишка и буравил меня, — а может нас, — злобным взглядом. Ревнует? Не может быть!

— А ты все не уймешься! — злобно выплюнул он, глядя на Теда. — Мало я тебя проучил. Добавить?

— Очередную волшебную цапку раздобыл? Без них ты ко мне подходить боишься.

— А ты облик спер и думаешь мной стал?

Где-то я это уже слышала?! Я окончательно запуталась кто кого кем считает, кто как выглядит, и почему так вышло. Но кое-что я уяснила точно. Доверять тут нельзя никому, включая привычного Мишку, и продуманных стражей, которые говорят лишь то, что им выгодно.

— Брейк! — я встала между ними и прижала ладонь к каждому из них. На ощупь фантома вычислить не удалось. А я уж размечталась... — Дальнейшие разборки без меня. И без света!

Я выхватила у Теда спертый со стола подсвечник и гордо — то есть максимально быстро — пошагала прочь. Слушать их спор можно бесконечно. Так я правду не узнаю. А как это сделать еще не решила. Но раз уж я в сказке — утро вечера мудренее. Так ведь?!

* * *

В моем случае утро не мудренее — беспокойнее. Тревога никуда не делась. Время утекало сквозь ладони, и я не могла его задержать. Быть может, фантом уже нашел то, что искал, и я зря трачу время?!

Приказав себе не паниковать, наскоро умылась, щедро расплескав воду из лохани, и вернулась к вожделенному блокноту. В такую рань здесь принцесс не поднимают. Есть немного времени для чтения бабушкиной абракадабры.

«С. б. сп-на пр-и на в. б-ля и тр. бол. кон. вн-я. Бл-ь м-т пер-ть ск-у и доб. эл., гл. чтоб о-о не прот-о др.», — эту строчку, исписанную каллиграфическим бисерным почерком, я прочитала раз двадцать, но так и не приблизилась к разгадке. Бабуле надо было тайным агентом работать. Ее запискам никакая дешифровка не страшна. Даже если найдут, разгадать не смогут.

Наградой за усилия стала головная боль. С раздражением я отшвырнула блокнот. Надо было не в «Свинопас» идти, а туда, где есть опытный шифровальщик. Тогда и это бы дело быстрее пошло.

Я закрыла глаза, пытаюсь представить, как мог бы выглядеть тот, кто может прочесть это. Образ менялся, расплывался и напрочь отказывался формироваться. Правильного персонажа оказалось не так уж и просто отыскать. Вроде и сказок прочла много, а знание разрозненные и бессистемные. Эх, не скоро мне стать достойной блюстительницей.

Меж тем спокойные утренние часы закончились. Вихрь из фрейлин ворвался даже без стука и сразу загалдел так, что бабки на базаре — детский лепет. Меня все сразу и разом упаковывали в одежду, сверкающие камни и парик, что осточертел до мушек перед глазами. Голова от него потела, прела и воняла. От белил жутко чесалось лицо, уголь размазывался, придавая болезненный вид. Учитывая отсутствие водопровода, смывать это кошмарно сложно. Короче, ужас-ужас-ужас.

В щебетанье я не вслушивалась, позволяя делать со мной все, что угодно. Ну почти все. После ночных событий мой автопилот реагировал только на кодовые фразы «принц Михаэль» и «конюх», а пока они не звучали, я прибывала в полудреме. Потому визг и вопль: «Мышь!», — услышала не с первого раза.

Фрейлин вынесло гораздо быстрее, чем внесло, и я осталась в одиночестве. Мое высочество, почему-то никто не пожелал спасти или хотя бы попытаться. Барышни кинулись к караульным, а я осталась и с недоумением огляделась.

На окне стоял крохотный мальчик и прижимал палец к губам. Из-под его зеленой шапочки выбивались светлые кудряшки. Он едва слышно постукивал деревянными башмачками и выглядел умильнее некуда, кабы не грозно-нахмуренные брови.

— Ты кто? — прошептала я, не рискуя приближаться.

Мальчик сжал кулаки, замахал руками и подпрыгнул. Что его так разозлило? Я обернулась на дверь. В коридоре бегали, орали, свистели и топали. Ко мне помощники не забежали, так что мальчик волновался очень даже зря.

— Тут больше никого нет. Может говорить, — кивнула ему я и уселась в ближайшее кресло.

Зря я ему это сказала. Ой как зря. Мальчишка перестал жестикулировать и пискляво заголосил.

— Ты кто такая? Кто я спрашиваю? Кто дал тебе право меня вызывать?

Я вытаращилась, не зная, что ответить. Если его кто и вызвал, то точно не я.

— Чего молчишь? Испугалась?

Грудь колесом смотрелась очень потешно. Я не удержалась и щелкнула по крохе. Он отлетел в дальний угол подоконника, поднялся и снова уставился волком. Я же посмотрела на него, на свои руки и выдала:

— Мальчик-с-пальчик, ты ли это?

— Вызвала зачем, говорю?

Я перебрала в памяти все немногочисленные утренние дела и воззрилась на него уже с изумлением. Мечта стала реальностью, хотя и не ясно как.

— Читай!

Уверенности, что он на это способен, у меня не было. Не помню я, чтобы у него были подобные таланты. Но это единственное, чего хотелось в это утро.

Мальчик-с-пальчик проворно забрался на блокнот и помчался вдоль строк, бормоча на ходу:

— Сила блюстителя... Подожди, ты неграмотная, да? — неграмотный блюститель его позабавил. Он остановился и уставился на меня с таким восторгом, что захотелось треснуть.

— Прихлопну! — многообещающе пригрозила я, и мальчуган вернулся к беготне по страницам блокнота.

— Сила блюстителя способна практически на все, хотя и требует большой концентрации внимания. Блюститель может перестраивать сказку и добавлять элементы, главное, чтобы одно не противоречило другому. Тогда как стражи являются скорее наблюдателями. Они обладают необходимыми знаниями, но на Фантомию и ее жителей повлиять не способны. Ерунда какая-то, — мальчик-с-пальчик остановился. Он часто-часто дышал, но взгляд его горел энтузиазмом. — Ты поняла о чем это?

— Еще как поняла. Продолжай! — я подтолкнула его, но тут дверь отворилась. — Исчезни, — только и успела я шепнуть, и

мальчик картинно растворился в воздухе. Блокнот я сунула в скрытые в платье карманы и обернулась к вошедшему.

Император — единственный, кто подумал об оставленной в опасности дочери. Дышал он надсаднее мальчика-с-пальчика и рукавами утирал пот, который крупными каплями скатывался с его лба.

— А фрейлины бросили меня, — растягивая слова призналась я.

— В монастырь! — тут же определился не мой папочка. Не знаю, чего ожидала, но не этого.

— Нет. Нет. Нет! — я топнула и замахала руками, копируя недавнего гостя. — К этим я уже привыкла. Нельзя их в монастырь. Тем более, новые такие же неумехи и трусихи.

— Чего же ты хочешь, доченька? — папаша настолько растерялся, что даже не попытался это скрыть.

Эм, вот это самое сложное. Что с ними делать я еще не придумала. Но мешают знатно. Весь поиск испортили.

— Пусть их караульные обучат своему искусству. Будут у меня боевые фрейлины. И защитницы, и компаньонки.

— Ты такая умница, дочка! — папаша стиснул меня в медвежьих объятьях. Надо же, а я приготовилась к долгим уговорам. — Вся в меня!

Гордый «родитель» сбежал отдавать распоряжения, а я обессилено опустилась в кресло. Ох, нелегкая это задача быть принцессой.

Глава 7

Успешным устранением фрейлин воспользовалась немедленно. Неизвестно как долго они будут заняты, а я ни на шаг не приблизилась к разгадке. Во дворце было непривычно пусто, зато с улицы доносилось бодрое «Ать-два». В этой тиши особенно громко раздавался перестук моих туфелек. Боюсь, каждый во дворце знал о внезапном променаде принцессы. Хорошо, хоть с расспросами не лезли.

Зал за залом я не встречала ничего необычного и слабо представляла что ищу. Как опознать волшебные свойства предмета, если не наделен даром?! Подозрительным казалось абсолютно все. Свечи подозрительно кренились рядом со мной. Стулья подозрительно блестели. А ярко-белые скатерти однозначно выпендривались.

И снова, как и в первый обход, каждый шаг отдавал музыкой. Устав искать источник звука, я остановилась и постучала каблуком. Музыка ответила трагичным «Та-да-дам». Кто бы не играл, он явно меня видел. Чтобы проверить догадку, я подхватила пышные юбки и побежала. Музыка мрачно захохотала в ответ. Теперь найти шутника — дело принципа.

Эти звуки я слышала не впервые. Иные чем в предыдущий раз, торжественные и острые, они прочно врезались в память и ассоциировались с церковью. Уж не знаю почему, ведь там я не слышала их ни разу. В первый обход замка я не стала искать источник звука, теперь же твердо решила на него взглянуть.

Длинная вереница комнат не предполагала богатый выбор: или вперед, или назад. Позади я уже была, осталось только вперед. Звук нарастал постепенно, и с каждым шагом казался все печальнее, точно во дворце оплакивали кого-то давно ушедшего.

Последняя комната представляла полукруг с арочными окнами. Тяжелые бархатные шторы выглядели громоздко и витиевато. Они добавляли чуждой мрачности солнечной комнате, в центре которой стоял монументальный инструмент, чьи многочисленные трубки заканчивались под потолком.

Орга?н я признала не сразу. Сосредоточившись на звуках и трубках, я не замечала ничего вокруг. И к лучшему. Иначе умчалась бы и не рискнула подойти. А испугаться было чего. Кресло исполнителя с высокой кожаной спинкой пустовало.

Подходя поближе, я еще надеялась ошибку: высокая спинка, низкий рост...

Кресло пустовало. Точно и безоговорочно пустовало.

Не будь в сказке, сбежала бы. Да и в сказке сбежала бы, но ноги приросли в полу. Мне даже начало казаться, что я пустила корни и теперь обречена на вечное прозябание в комнате с ожившим кошмаром.

Я дергалась, качалась, вздрагивала, а орга?н звучал и звучал. Он пел трагичную песню, чья громкость нарастала и нарастала. Я прекратила метаться и прижала ладони к ушам.

От пронзительного звука они разболелись. Я порадовалась что не могу их видеть. Почему-то казалось, что сейчас они похожи на пылающие воронки. По крайней мере, ощущение раскаленного прута, что вбивают в голову, усиливалось с каждой минутой.

Я скрючилась и завизжала. Визг перекрыл траурный звук и стало чуть легче. Я усилила напор, но орга?н не сдавался. Он мог так играть еще долго, а вот я начала хрипнуть.

— Заткнись! Заткнись! — провизжала я.

Не знаю к кому обращалась. Пронзительный звук выгонял остатки здравого смысла, наполняя ватное тело паникой.

— Стихни! — взвизгнула я, и захлебнулась тишиной.

Проклятый инструмент молчал. Невидимый музыкант подчинился так внезапно, что я упала, лишенная вязких пут. Я не видела их, но хорошо ощущала высвобождение. Дышать вдруг стало легко и привольно, боль свернула когти, а тишина оглушала.

К орга?ну я приближалась на трясущихся ногах. Во рту пересохло, руки дрожали. Инструмент усиленно притворялся обычным и молчал. То ли музыкант ждал нового указания, то ли сбежал, обиженный обращением.

К недвижимым клавишам я тянулась мучительно долго. Пальцы скрючивало от предчувствий, а живот противно ныл. Я призвала всю силу волю и коснулась нижних клавиш. Ничего не произошло.

Лучики солнца окрашивали инструмент в игривые блики и весь он, кажется, сосредоточился на ожидании. Уже смелее я уселась в кресло и мельком коснулась всех клавиш сразу. Играть я не умела, но это и не требовалось.

Механическое чудо сказочного королевства прекрасно справлялось с этой задачей само. Кнопочки и рычажки плотно испещрили все его свободное пространство. Не знаю какая сила заставляла его играть. Не знаю какая сила заставила его умолкнуть. Но если я хочу остановить фантома, то мне придется разобраться. Думаю, я нашла то, что он ищет.

Чем больше я изучала инструмент, тем сильнее убеждалась в догадке. Мелодий он содержал множество. Осталось научиться их извлекать. Кнопочки я изучала с благоговением и трепетом: если ошибусь, могу и вовсе стереть сказки. Ну и себя заодно.

Как писала баба Граня, именно в руках блюстителей волшебные предметы из сказок приобретают немыслимую силу. Так она способностями пользоваться умела, и то боялась. А я... я не умею, но тоже боюсь. Приступим, в общем.

Круглые, овальные, квадратные — кнопки различались формой и размером. Ни пометок, ни обозначений — ничего, что могло бы подсказать порядок действий и смысл. Овал, круг, квадрат, квадрат, овал, завиток — я нажимала их то так, то эдак, но не извлекла ни звука. И все же, нет никакой уверенности, что я только что не изменила фантомную реальность. Может это королевство и целое, но за другие не поручусь.

Не придумав ничего умного, я отложила тыканье по кнопкам на потом и занялась рычажками. Они щелками, потрескивали и поскрипывали и с виду не давали никакого эффекта. Неужели я ошиблась на счет волшебных свойств инструмента?!

Обессилев, я улеглась на орга?н. Эйфория спала, оставив опустошенность. Я прикрыла глаза и воскресила в памяти те мрачные звуки, что так напугали. Торжественный минор, что звучал у меня в голове, вдруг выплеснулся в реальность. Я подскочила, уронив стул, и завертелась волчком. Орга?н играл неторопливо и солидно, и похоже недоумевал, почему я всполошилась.

Меж тем, комната тоже немного изменилась. Вместо яркого солнца в окно просачивался сиреневатый туман. Он тянул ядовитые

щупальца к орга?ну, поглаживая клавиши. Невидимый маэстро вдруг перестал быть таким уж невидимым и обзавелся жутковатыми конечностями. Что ж, принцип действия уловила.

Я вызвала в памяти «Польку», сильно покореженную и перевернутую, поскольку слышала ее лишь единожды. В спешке ничего умнее не придумалось. Спасибо бабушкиному блокноту! За что тут же и поплатилась.

Полька получилась громкая, пронзительная и, как ни странно, заводная. Ноги сами пустились в пляс, а меня вынесло в центр зала. Я лихо топотала, дивилась тому, что знаю танец и лихорадочно вспоминала другую песню. Кроме «Катюши» на ум ничего не пришло. Увы.

«Катюша» у органа получилась гораздо солиднее «Польки». Я душераздирающе голосила, страшно фальшивила и перебирала в памяти мелодии. «Щелкунчик» всплыл не случайно. Очень неслучайно.

Лишь мелодия сменилась, я обессилено рухнула на ковер и... отключилась. Нет, переключилась. В общем, пребывала где угодно, только не в императорском дворце. Мысли сделались вялыми, сонными и текучими. Соображала неважно, факт, но кое-что сделать сумела.

— Хватит. Заткнись. Стихи, — пролепетала я, перебирая сработавшие словечки.

Музыка исчезла. Не стихла, не умолкла, а именно исчезла, точно невидимого маэстро пристрелили. С пола я катапультировалась со скоростью молнии. Туман испарился, уступив место привычному солнцу. Клавиши не двигались, кресло пустовало. И все же ощущение чужого присутствия не отпускало. Я повернулась разок, другой, никого не нашла и уселась в кресло.

Увы, я так увлеклась исследованиями, что выпала из реальности. Громкие хлопки застали врасплох. За спиной стоял Мишка, чье любопытство невозможно не заметить. Глаза его горели фанатичным огнем. Сам он подрагивал, точно пол вибрировал.

— Волшебный орга?н?! — он хватанул пальцами воздух, точно пытался дотянуться и отдернуть самого себя одновременно.

Его вид мне категорически не понравился. Впрочем, сейчас мне вообще никто не способен понравиться. Это моя находка. Мой орга?н.

Мое исследование. И никому... совсем никому не собираюсь его отдавать.

— Самый обычный, — как можно равнодушнее произнесла я. — Даже не очень новый. Просто тут такая скука, что заняться решительно нечем.

— Да? — он цокнул, проверяя ответ на вкус. Губы его подрагивали, а подбородок двигался, точно он жевал жвачку. Не хватало только ниточки слюны и безумного взгляда. — А что-нибудь странное ты тут уже встречала?

Мне так и хотелось съязвить. Как-никак, а мы в «одной лодке» и ищем одно и то же. Хорошо бы он не забывал о том. А то фрейлины лишили его рассудка. Но сегодня я твердо решила вести себя разумно и... подозрительно. Наверное, орга?н так повлиял, чье действие мелодий определяла наугад.

— Самое странное — это конюх с твоим лицом. Не хочешь объяснить?

— Задваивание, — буркнул он, теряя интерес к инструменту. Взгляд его бегал. Мишка явно мечтал смыться и торопливо придумывал предлог. — Тут и не такое возможно. Побудешь тут с мое, тоже двойников встретишь.

Известие откровенно напугало. Встречу с самой собой я могу и не пережить. А если переживу я, то моя хрупкая психика — точно нет. Без шуток. Я неторопливым шагом направилась вон из комнаты и из дворца заодно. Мой интерес к инструменту не остался не замеченным, надо это срочно исправить.

Мишка смотрел на меня настороженно. Мне уже не впервые казалось, что он чего-то от меня ждет. Чего? Может его напрягает мое платье сбежавшей принцессы? Он словно ждет от меня подвоха...

— Фантом тоже тебя посетил?

— А? Какой? Ах да. Конечно, — он рассеянно кивнул, не сводя напряженного взгляда с конюшни. — Он очень активный, да?! Только я так и не понял кто это.

— И ты тоже, — я невольно вздохнула. — Он не только активный, он еще и предусмотрительный. Всем голову заморочил.

Мишка странновато улыбнулся. Он вообще сегодня вел себя непонятно. Суетился, недоговаривал и пристально следил за мной, точно ожидал пакости. А я думала, мы почти друзья.

— А стражи что говорят? — вопрос он выпалил с такой скоростью, точно боялся передумать раньше, чем произнесет.

— А ты разве их не видел? — ляпнула я и откровенно «подвисла».

У Бежки и Фомы я бывала по чуть-чуть и между заданиями, но ни разу не встретила там того, кого невольно записала в напарники.

— Не удастся нам там встретиться, да? — хмыкнул он и дурашливо улыбнулся. Улыбка вышла натянутой, лицо осталось напряженным. — Может надо чаще заходить к ним в гости?

— Да я и была-то у них всего два раза, — подсчет внес ясность в мысли. При таком раскладе встретить там Мишку и правда сложновато. — Возвращаться будем вместе!

— А я и того меньше бывал. Все дела, дела.

Я рассеяно кивнула. По блюдечку мы встречались со стражами чаще всего. Но по нему не шибко-то пообщаешься. То коварное яблочко слетит, то птица сядет и связь прервется. Сказочный артефакт притягивал пичуг покруче магнита. Отбиться от них удавалось не всегда. А говорить следовало в закрытом помещении. Да и то, это ничего не гарантировало. Здоровых пруссаков яблоко тоже так и манило. Неплохая ловушка, если подумать. Дуст не идет ни в какое сравнение.

Пока я размышляла о домашнем применении удобного артефакта, Мишка сбежал. Вообще-то, шел он медленно и нарочито неторопливо, но мысль о побеге не отпускала. Пока я размышляла о том, что его спугнуло, в поле моего зрения оказались сапоги. Высокие. Черные. Мужские. Типичные кирзачи. Их обладателем оказался молодой мужчина, чей возраст сходу подсчитать не удалось. Ясно, старше меня, но вот намного ли?

То ли смуглый от рождения, то ли загорелый, он ярко выделялся среди белокожей знати. Да и его хитрый взгляд с нагловатой улыбкой импонировали куда больше, приторной лести, что источали принцы в невероятных количествах. Узнала я его, как ни странно, не по лицу. В руках он держал свернутый колечком кнут, которым постукивал себя по бедру. И я еще думала, они с Мишкой похожи? Они совершенно разные!

— Добрый день, сударыня, — белозубо улыбнулся он. На щеках появились задорные ямочки. Я мысленно скинула парочку из

накинутых лет. Не настолько уж он и старше. — Лошадь готова к прогулке. Прошу следовать за мной.

— Какой прогулке? Я ничего не просила!

Слушать он стал. Схватил за руку и потащил за собой. Мне только и осталось, что следовать за ним, быстро-быстро перебирая ногами.

— Эй, я и сидеть-то на лошадях не умею! — голосила я, дивясь наглости местного конюха. Остальные тут вежливо-примороженные, а этот, ну прям, король.

— Тем более нужно прогулка. Что же это за принцесса, раз верхом не ездит?! Дворянок этому с детства обучают, — хмыкнул он, но темп чуть-чуть сбавил.

Я сменила бодрый бег на быстрый шаг и вырваться больше не пыталась. Действительно, об этом я как-то не подумала. А конюх-то прав.

— Научишь?

— Десять поцелуев, — цену он назначил так быстро, что я опешила.

— Ты свинопас что ль?

— Я похититель принцесс, — хохотнул он, подводя меня к белой и смирной с виду лошадке. Ее золотистая сбруя смотрелась дешевой декорацией и портила весь вид.

— Для перса ты слишком болтлив, — вскользь заметила я, разглядывая странное перекошенное набок седло с подозрительной рогулькой сверху. — А нормальные седла тут есть?

— А это и есть нормальное седло, — еще больше развеселился не в меру активный конюх. — Нормальное дамское седло. Все принцессы таким пользуются.

«Да ты че!» — удалось сдержать, но язык таки прикусила. Вот так подстава.

— А может сперва на обычном? С этого я упаду, — призналась я, и сразу так жаль стало собственную дурную голову.

— Ты и с того упадешь, — отмахнулся он, обхватил меня ноги и ловко посадил. Успокоил называется! — Итак, правую ногу на верхнее крыло, левую — на нижнее крыло. Держать тут, — скомандовал он и поманил лошадь.

Мамочки, зачем он это сделал?! До этого мне казалось, что мы с лошадью неплохо понимаем друг друга: она стоит, я сажу. Но стоило

ей тронуться, как впечатление обратилось в прах.

Никогда не думала раньше, что у этого величавого животного такая подвижная спина. Даже сквозь седло я ощущала, как перекачиваются мышцы, как меня раскачивает и до чего зыбко мое положение. Держаться практически не за что, качает ого-го как, и высота такая, что падать не рекомендуется. До сих пор мне казалось, я не боюсь высоты, надо же так ошибиться!

— Улыбайтесь, сударя, — с явной издевкой посоветовал конюх. — Иначе все догадаются, как вам трудно ехать.

— Они и так догадаются, — простонала я, мечтая об окончании захватывающей поездки. И аллея ровная, и кочек нет, а чего же тогда так шатает? — Может хватит? Мы с лошастью уже устали. Я от нее, она от меня.

— До конца аллеи и обратно, — смиловился этот изверг. Вот не зря мне показалось, что я ему сразу не понравилась.

— А принцессы точно получают от этого удовольствие? — радостная барышня с кучей юбок на этом ужасе мне представлялась с трудом.

— Еще какое. Особенно если рядом есть правильный принц.

— Так вот в чем! — обрадовалась я. Еще не все потерянно?! — То есть принц выступает амортизатором...

Конюх бросил на меня странный взгляд и я прикусила язык. Совсем забыла с кем говорю!

— Подушкой безопасности, — произнес он, наконец, и быстро добавил: — Приехали, сударыня. Позвольте спустить.

Он ловко выдернул меня с седла и исчез прежде, чем я осмыслила ответ. Вот так конюх... вот так персонаж!

Глава 8

В опостылевшие покои возвращаться не хотелось. Я заскочила на минутку, разыскала котомку и помчалась в беседку на верхнем этаже сада. Несчастные фрейлины бросили вдогонку злобные взгляды, меня же их страдания рассмешили.

Все что от них требовалось — идти бодрым шагом. Даже бежать не заставили. Я в этом «сбруе» целыми днями носилась по дворцу и отлично себя чувствовала. Они же выглядели так, словно разгрузили вагон угля.

Беседка, к счастью, пустовала. Я подобрала палку и обстучала ею все окружающие кусты. Вроде пусто. После внезапного появления мальчика-с-пальчика ни одно место не казалось полностью безопасным. Везде мерещились ушлые фантомы с длинными ушами и любопытными носами.

Тарелку с яблочком я установила на скамейку, уселась рядом и запустила яблочко по кругу. Фома Лукич откликнулся на вызов первым. Он вытирал ладони об запачканный землей передник и шмыгал носом. Не знала, что лесовички так умеют. Мой краткий рассказ об орга?не его впечатлил, остальные выводы я приберегла до личной встречи.

— Как его забирать, я в растерянности... Или это вообще не то?

— То, не то — разберемся потом, — мудро рассудил лесовик. — Волшебных артефактов из сказок, что действуют и в Сказании не так уж много. В любом случае пригодится. А вот что б забирать, колечко-то пригодится. Надень на палец, поверни и назови место, куда направляешься. Оно и перенесет.

— Так оно меня перенесет. Орга?н на месте останется, — с ходу отреагировала я и очнулась: — Зачем я столько пешком прошла? Весело было наблюдать, да?

— Ты за инструмент возмись он с тобой и перенесется. Колечко только в реальные места переносит. В любую часть Сказания хоть сейчас. Фантомия же ему не подвластная.

— Ладно, живи, — хмыкнула я и сняла яблоко с тарелки.

Котомку запряжала в складки юбки и с прогуливающимся видом отправилась назад. По всему выходило, что возвращаться в домик стража могу немедленно.

Вид фрейлин с палками в руках немного отрезвил. Второе исчезновение принцессы подряд вряд ли их обрадует. Придется найти пропажу, а уже после забирать ценный инструмент.

Откладывать поиск долгий ящик я не стала. Котомка со мной. Кольцо тоже. Вернулась в покои, чтобы не привлекать внимание, надела его палец и повернула приказав:

— Неси меня к принцессе этого королевства.

Я едва успела закрыть глаза, как все завертелось волчком. А когда открыла, вокруг были деревья.

Лес густ, темен, полон чудищ — первая мысль после переноса. Куда ж ты колечко меня завело — вторая. Солнечный свет практически не пробивался сквозь густую чащу. Тут было промозгло, затхло и жутко. В таких местах всегда ожидаешь подвоха и нападения. А потому шла я, едва дыша и задрав многослойный низ платья чуть ли не до ушей. Предосторожность помогла мало. Все ветки, травинки, репья были моими.

Слух необычайно обострился. Мне казалось, слышу стрекот сверчков, писк птенцов в гнездах и чье-то тяжелое дыхание. Дыхание?

Я замерла, не решаясь двинуться. Дыхание участилось, словно зверь готовился отобедать мной. Я живо представила огромную пасть с гигантскими клыками и взвизгнула от страха. Зверь, притаившийся по соседству, повторил визг. Звучало это до того жалобно и пугливо, что я засомневалась. Свечку бы сюда.

Котомкой в итоге я себя не стукнула, но очень хотелось. Конечно, я не знала, куда меня закинет кольцо, но после-то могла включить думалку и выключить панику. Перо жар-птицы давно ожидало своего часа в котомке. Его и достала. Сюда опись всего, что в ней спрятано...

Яркий свет отогнал мглу и заставил прищуриться. Из пера вышел неплохой фонарь, а главное легкий и не зависящий от батареек. Чаща оказалась густо сросшимися кустарниками, что образовали над головой купол. Выглядела «живая» пещерка странно, но еще страннее смотрелась замарашка, сжавшаяся на земле. Я смотрела на нее, она на меня и обе мы боязливо помалкивали.

Я, пользуясь случаем, охотно ее разглядывала. Сходства в нас оказалось не так уж и много. Пухлые губы имели совершенно разную форму, а глаза отличались еще и цветом. Впрочем, после дней, проведенных в королевстве, я уже ничему не удивлялась. Искусственный парик, густой слой белил и угольная подводка способна изменить кого угодно. Не удивлюсь, если император помнит облик принцессы исключительно со времен ее детства.

— Ваше Высочество? — осторожно позвала я.

Замарашка просияла и молнией взвилась вверх. Платье ее выглядело еще печальнее чем мое после пребывания на кукурузном поле. Атласный туфельки явно промокли. Парика не было вовсе. Тут я не смогла сдержать улыбку. Ее настоящее фантомное высочество тоже оказалась шатенкой.

— Бригита, Бургета, Жанета? — затараторила она, не чуть не смущаясь того, что фрейлин не различает. Впрочем, так даже лучше.

— Идемте, — вздохнула я и направилась к дырке в кустах.

Полноценной дырой это назвать сложно, но веток тут чуть меньше, чем в остальных местах, а выбираться все равно надо. Принцесса трындела, не переставая. Я даже заподозрила, что сбавил ее сюда родитель на перевоспитание. Болтовню я почти не слушала, но все же выяснила новую версию побега. Сбежала она сама «от строгости и запретов», потому что «папа? жуть какой злой». И нет, выгнать он ее не успел. Если я правильно разобралась, с принцем-свинопасом она еще не познакомилась.

За время отсутствия принцессы цикл сказки успел смениться, и фантомы благополучно позабыли случившееся. Запомнили одно: принцесса точно пропала. А как она пропала, итак, все знают... сказка-то давняя.

Стоило выбраться из кустов, куда ее высочество залезло добровольно, поскольку спасалось от всего и сразу, выяснилось, что полноценным лесом тут и не пахнет. Вроде деревья, вроде много, а запах не тот. Лесной запах ни с чем не перепутаешь.

Из котомки я вытащила механическую птичку, что однажды мне уже помогла. Хорошенько ее завела и приказала: «Веди домой!». Пичуга испустила приветственную трель и развернулась в обратную сторону.

С принцессой я не церемонилась. Просто шла впереди, давая ей возможность мчаться следом. Сперва она стонала и голосила, потом жаловалась и стенала, и наконец, умолкла. К королевству мы вернулись глубокой ночью и к тому времени, когда и правда походили на сестер близнецов.

Мы шли. Мы молчали. Мы протягивали друг другу руки, перебираясь через очередной овраг.

Я ожидала, что пройти мимо караульных будет проблематично, но недооценила коварство принцессы. Когда стена вокруг королевства уже виднелась, она поймала мою руку и молча потянула в сторону. Проход для наших юбок оказался узковат, но вполне проходим. Ее настоящее высочество устремилось к дворцу, выставив мне на прощанье грязную руку. Я лишь посмотрела в ответ и промчалась мимо нее. Заберу орга?н и к Бежке в избушку.

Подбегая к заветному залу я подбирала подходящее место для столь громоздкого инструмента. В избушки стражей не стоит и пытаться вместить. Остается дворик рядом с домом. Вот только как охранять ценную находку?! Не оставлять же часовых...

Оставалось шагов десять, когда заподозрила неладное. Проклятый инструмент частенько громыхал по ночам, а тут тишина: удивительно, да и только. Я ускорила. В зал не вбежала — влетела, наткнулась на темную фигуру и с трудом устояла на ногах. Не без помощи того, в кого врезалась.

— Полегче, сударыня, — охладили меня.

В этот раз я не торопилась с выводами. Щелкунчик давненько не давал о себе знать. А конюх тоже частенько путался. Я махнула пером, вытаскивая его из-за пышных юбок. Тед зажмурился и прикрылся рукой.

— Что ты делаешь тут ночью?

— Ищу твое высочество, — нахально заявил он, продолжая удерживать меня за талию. К свету он уже приноровился, а его наглости вполне хватало на пятерых.

— В этом зале? Ночью?

— Во всех залах. По очереди. С планировкой дворца я не знаком, а ты мне по зарез нужна, — выглядел он таким честным-пречестным, что оснований не верить не было.

— Нашел. Дальше что?

— Дальше, — он растерялся всего на миг. — Твой принц сбежал. То есть уехал в срочном порядке. Дела, дела и все такое.

Внезапный отъезд Мишки меня, конечно, огорошил. Мы достаточно знакомы, чтобы не играть в прядки. Выходит, не достаточно.

— Как уехал? Зачем? — я отстранилась и заметалась по залу. — Что говорят?

— Ничего не говорят. Фрейлины рыдают. Император в трауре. Как-никак возможный жених сбежал.

Я пробежалась разок другой и наконец увидела то, что должна была заметить раньше. Конюх знатно отвлек. Профессионально просто.

— Где орга?н? — я подлетела к Теду, готовая убивать. Глаза его округлились. — Орга?н где спрашиваю?

— Откуда я знаю, где твой о?рган, — невозмутимо отозвался он, запихивая ладони в карманы. — Он у тебя портативный что ли?!

— Сам ты портативный. Обыкновенный орга?н. То есть не обыкновенный и большой. Как ты это проделал? Он же такой огромный?

— Да не брал я ни о?рган, ни орга?н! — разозлившимся Теда я видела впервые. — Я вообще не знал, что он есть во дворце.

— В комнате, — механически поправила я. — В этой самой комнате.

— Оп-па. А ты давно его видела?

— Днем. Когда, ты говоришь, Мишка, тьфу, принц Михаэль уехал?

— Вечером. Я лично экипаж к отъезду готовил. Ничего крупного у него с собой не было точно.

Я промолчала и лишь рукой махнула. У этого тоже ничего лишнего в руках нет. Да и я не собиралась на спине волочь эту громадную штуковину.

Я развернулась и побрела к выходу из зала, на ходу натягивая кольцо. Увидит, не увидит — какая разница, если очередное задание провалено.

И Мишка, и Тед теперь казались одинаково подозрительными. Оба юлят и оказываются там, где не должны быть. И щелкунчика я так

и не нашла. Вместе с ключом. Вот как теперь смотреть в глаза стражам?

Что конюх там кричал в след, уже не слушала: уши заложило, перенос начался...

Часть III. Глава 1

Несколько дней я отказывалась возвращаться в Сказанию. Закрыла все зеркала тряпками, как когда-то баба Груня, и страдала. Сейчас я очень хорошо понимала ее отгороженность.

Мишка, которого я считала другом, предательски сбежал. Конюх Тед — темная лошадка, чья роль пока не ясна. Все говорит о том, что он фантом... слишком вольный фантом... слишком подозрительный.

К тому же, и Мишка, и Тед оба крутились у внезапно исчезнувшего орга?на, который предстоит заново искать. Как ни крути, дома рядом с надежно закрытым шторой зеркалом лучше. Ни активных фантомов, ни бывших друзей.

Несколько раз до меня пытались достучаться ведьмочка Бежана и лесовичок Фома Лукич — верные стражи Сказании — сказочного мира, куда можно пройти через зеркало. Я старательно изображала глухоту, немоту и общую недоразвитость. И если последние два пункта сложностей не вызывали, то за глухоту пришлось сражаться.

Проклятый стук я слышала и днем, и ночью. От него не спасали ни беруши, ни толстая меховая шапка. Он стал моей нудной и упорной частью. Порой я мечтала расковырять уши, чтобы избавиться от назойливого «тюк-тюк-тюк» наверняка. Хотя подозреваю, это тоже не помогло бы.

Неделю, а может больше, я успешно скрывалась от самой себя. Кино, театры, ночные прогулки — я почти убедилась в собственной обычности и нормальности. Почти. Нет, нет, да и кидала тоскливые взгляды на проклятущее зеркало, доставшееся по наследству, но с каждым днем все реже и реже. Чудеса забывались, горечь поражения — тоже. Осталась лишь неотвязная тоска и скука. Мне почти удалось сбежать от себя. Почти.

Когда же все изменилось? Вечером, скорее даже ночью. Я привычно прогуливалась перед сном. Вредная соседка «незаметно» шпионила из-за шторы, но высовываться и отпускать ядовитые замечания боялась. Ее ядовитый оскал я видела издали, но странное дело, он больше не пугал.

Так мы и сосуществовали: я гуляла, она шпионила, когда раздавался вопль. Не крик. Не визг. Именно вопль. Так орут, когда долго молчат от ужаса, а потом резко прорезается голос.

Раньше я кинулась бы домой: спасти себя. Сказочный мир повлиял странно. Чувство страха притупилось. Откуда-то возникла безрассудная вера в удачу. Я кинулась на звук, хотя с ориентироваться в темноте удалось не сразу. В соседской квартире оказалась открыта форточка и вот оттуда и доносилось монотонное завывание, сменившее вопли.

Ступени я миновала за два гигантских прыжка и силой забарабанила в дверь соседской квартиры.

— Евдокия Александровна, откройте! Откройте! Это я Динара. Откройте!

За пару минут мне удалось разбудить всех соседей. Они поочередно настороженно выглядывали, крутили у виска пальцем и трусливо прятались. Самый храбрый дребезжащим голосом предложил вызывать полицию. Известие меня обрадовало. Выходит, страшные монотонные звуки слышу не только я.

Я удвоила напор, тарабаня с такой силой, что ладони жгло. Пару раз даже пнула дверь для острастки, ни на что не надеясь. Дверь у Евдокии Александровны железная: не выломать с наскоку. Я почти согласилась на вызов МЧС, когда заскрежетал замок. Доблестный сосед тут же нырнул в спасительную квартиру, а я подула на покрасневшие ладони.

— Евдокия Александровна... — начала я и осеклась.

На меня смотрел Мишка. Тот самый, который помогал искать свиток. Тот самый, который переоделся в сказочного принца, а потом внезапно исчез. Тот самый, на которого безумно похож фантомный конюх Тед. Хотя сейчас я точно не перепутала бы их, даже сходство вряд ли бы заметила.

Мишка изменился, словно постарев-повзрослев за эти несколько дней. Я думала, ему лет двадцать пять. Сейчас не дала бы и сорока. Шестьдесят? Сто? Не знаю, но наш возраст, как выяснилось, не соизмерим. Он выглядел не лучшей копией самого себя, и держался лишь усилием воли. Движения у него выходили рваные, дерганные, словно безумный кукловод дергал за невидимые нитки.

— Что ты тут делаешь? Зачем напугал мою соседку?

— Да не собирался я ее пугать, — раздраженно фыркнул он и отступил в глубь квартиры.

Пронырливая соседка, которая в иное время попортила мне немало крови, сидела на полу, безумным взглядом смотрела в стену и выла. Я повернулась к такому чужому Мишке, прикидывая что лучше, сразу убить или для начала треснуть.

— Откуда я знал, что она повернется? — похоже лицо у меня сейчас красноречивое. — Я подглядывал-подглядывал. Она все время в окно смотрела. Стоило шагнуть, как повернулась и заорала.

— А про свет ты забыл? — очень ласково уточнила я. При активации перехода из Сказании зеркало испускало такое сияние, что подняло бы и павшего.

— Забыл, — очень натурально огорчился Мишка.

Раньше я бы безоговорочно поверила. До того, как он нарядился принцем. До того, как тискался с придворными дамами. До того, как исчез без объяснений. И ладно бы орга?н нашелся у стражей Сказании, так в том-то и дело, нет его там.

Но спорить пока не время. Я вытолкала Мишку на лестничную клетку и метнулась в соседскую ванную комнату. На то, чтобы докричаться до Бежки ушло минуты полторы. Еще полминуты ушло на поиск большого зеркала в чужой квартире. Оставив ведьмочку разбираться с памятью и шоком соседки, я поскакала домой, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Мишка сопел, но покорно мчался следом.

Стоило захлопнуться двери в мою квартиру, как он вернулся к прерванному разговору. За три минуты он многое успел обдумать.

— А что прикажешь делать? — перешел бывший друг в наступление. Старый прием. Избитый. Я и сама так умею. — Ты отгородилась от всех. Закрала зеркала. В Сказании не появляешься. Как прикажешь до тебя добираться?

— Никак. Я больше не занимаюсь проблемами чужого мира. У меня и в своем дел предостаточно. Работу найти. Дом в порядок привести, — перечислила я, демонстративно загибая пальцы. — Некогда мне.

Известие Мишку не обрадовало. Он пронзал меня неприязненным взглядом, точно слышал нечто очень неприятное. С чего бы это? Если

он останется единственным блюстителем Сказания ему же лучше. Вся слава и почет, так сказать...

— А как же я? Как орга?н? — по-детски выпятив губу спросил он. Постаревший облик мало вязался с выражением лица.

— Какой орга?н? — я старательно изобразила изумление, даже рот приоткрыла для правдоподобности. — Ты что решил, что он волшебный?

Вообще-то, так оно и было. Найти предмет, способный изменить реальность мне удалось без особого труда. Благо, подсказчики хорошие были. Но вот от Мишки и от Теда я это старательно скрывала, прикидываясь недалекой дурочкой. Оба они тогда вели себя странно, а я, на всякий случай, держалась отдельно и никому выводы не говорила. Как Мишка узнал-то?

— А разве нет? — Мишка даже вздрогнул от изумления. Что его так потрясло-то? — Я что зря его спрятал? Столько сил приложил?

— Спрятал? — никогда бы не подумала, что убить кого-то легче легкого. Сейчас я как никогда близка к этому. — Ты? Серьезно? Куда? Зачем? — выдала я, стискивая ладони в кулаки. Треснуть этого паразита хотелось неимоверно, но желание увидеть пропажу пока побеждало.

— Так он способен изменить реальность или нет? — Мишка подозрительно уставился на меня.

— Откуда я знаю?! — я лениво повела плечами. Бывший друг вел себя непривычно. Он нравился мне все меньше и меньше, и вызывал подозрения все больше и больше. И все же потерянный инструмент нужно вернуть. — Покажешь?

— Пошли, — он уверенно направился к зеркалу в моей прихожей. Все бы ничего, но зеркало в ней всего одно, и сейчас оно закрыто шторой. А в гостях он у меня ни разу не был. Ну то есть я так считала...

Я опустила взгляд и сцепила ладони, чтобы скрыть эмоции. Ярость и дрожь — не лучшие спутники, когда кому-то резко перестаешь верить. Другой возможности найти пропавший орга?н может и не представиться, а значит... я широко улыбнулась и с готовностью стянула штору.

— Показывай дорогу, мой проводник, — насмешливо хмыкнула я, дабы скрыть панику.

Он кивнул и зачем-то взял меня за руку. С зеркалом он работал иначе. Я прикладывала ладони и как бы открывала проход. Он же словно сходу в него нырял, утягивая меня за собой, и уже в движении прокладывал дорогу. Жуть, одним словом. Но главное, мы пришли. Вопрос куда?!

* * *

Больше всего это походило на небольшое крестьянское подворье. Я даже глаза протерла, пытаюсь избавиться от «обмана зрения». Иллюзия исчезать отказалась и выглядела реалистичней некуда. Выбивался из общей картины лишь бревенчатый домик, который парил в воздухе, слегка касаясь низом кустов. Я моргнула и подошла ближе: за кустами прятались высокие подпорки, на которых он и крепился. Ничего волшебного, одним словом.

Около избушки притулилась будка с беспородным бобиком, которому мой приход очень не понравился. На крыльце сидел пронзительно-черный кот и презрительно на нас поглядывал. Лапой у виска, правда, не крутил. Уже хорошо!

Грядками и огородами тут и не пахло, зато в изобилии водились деревья, точно сделанные из резины. Они так сильно гнулись от несуществующего ветра, что проходить мимо них не хотелось. Я мышкой прошмыгнула мимо будки с ворчащим псом и осторожно коснулась ветки, хлестнувшей мне вслед. «Резина» оказалась острой как заточенная бритва. Такую хорошо брать в поход вместо ножа.

Дойдя до дома, оглянулась. До сих пор не оставляла надежда, что орга?н спрятан за домом. Теперь я точно знала, там есть: пучки трав, подвешенные к натянутой между деревьями веревке, сморщенные ягоды в глиняных плошках, кучки павших насекомых, которые никто не потрудился убрать, — и нет волшебного инструмента.

— Зачем я тут? — я обернулась к Мишке, который настороженно наблюдал за мной. — Инструмент внутри?

— Хотел показать тебе это, — уклончиво отозвался он и первым подошел к крыльцу. — В роли цесаревича я тебе не очень-то пришелся по вкусу.

— Я цесаревичами в принципе не питаюсь, — мрачно отозвалась я. Меня раздирали двойственные ощущения: ужасно не хотелось заходить внутрь, но любопытство грызло медленно и нудно.

Кот снисходительно глянул на Мишку и зло зашипел при его приближении. Любопытство свернулось в калачик и уснуло, но отступить было поздно. Я осторожно приблизилась к коту и поднесла ладонь. Животное сверкнуло зелеными глазами и отвернулось, даже не попытавшись понюхать. Очень странный кот! Решив, что отсутствие шипения хороший признак, я потрепала животинку по загривку. Кот явственно икнул и перевел на меня ошалелый взгляд.

— Я к тебе вернусь, — зачем-то пообещала я и вошла внутрь. Кот снова икнул и запрыгнул на перила. Из будки показался бобик, проводивший меня ревнивым взглядом. Примерно также собаки реагируют на кость, которую пытаются вытащить у них из-под носа. — К тебе вернусь тоже, — тут же определилась я и повинулась: — Жаль гостинцев нету. Видишь с пустыми руками.

Пес и кот слаженно вздохнули, да до того тоскливо, что я крикнула, не переступая через порог:

— Мишка у тебя колбаса есть?

К двум предыдущим добавился третий ошарашенный взгляд.

— Какая колбаса? Откуда она здесь? Каравай есть. Вчерашний. Будешь?

— Сойдет.

Подношение я разделила по-братски: две части собаки, одну — коту. Похоже, их тут не баловали. Хорошо, если вообще кормили. К еде они приступили немедленно, спрятавшись каждый в свой угол. Что же, с этими двумя я подружилась: агрессивные животные меня всегда пугают. Лучше сразу наладить контакт, чем потом прятаться по углам.

Избушка оказалась такой же примечательной, как и двор. Одну большую комнату печь делила на две части. У стен стояли лавки, в одной части комнаты — стол, от печи тянутся полаты и вездесущие веревки с травой. Раньше я подобное только музеях видела. Захотелось все это потрогать, понюхать и потеревить, но я не рискнула.

— Круто. Это чье? — даже у Фомы Лукича в доме не так интересно. Его домик похож на обычный сельский дом, а тут словно сказка живет.

— Это убежище... мое, — странновато произнес Мишка, не глядя на меня. Он подошел к столу и принялся расставлять чашки: — Чай будешь?

Чай пах смородиной, липой и медом одновременно. Но вот ни кислинки, ни сладости в нем не было, одна мятная горечь, до того обжигающая, что хотелось открыть рот и по-собачьи высунуть язык. Гадкий вышел чаек и такой же подозрительный, как бывший друг.

— Ты совсем не пьешь чай, — посетовал Мишка с аппетитом жуя баранку.

Глядя на него, и я решила взять одну. Свежее пушистое тесто быстро заглушило горечь. Чай я картинно подносила к губам, но не пила, баранки — поглощала одну за другой. Стоило Мишке отвлечься, и я перелила треть своего чая к его кружку и приготовилась ждать.

Бывший друг отпил новый чай, подозрительно поморщился, принялся, но спрашивать не рискнул. Оно и верно, все равно не признаюсь. Я же старательно улыбалась и изображала наслаждение чаем.

Меж тем, взгляд Мишки соловел. Очередную баранку он схватил лишь с третьего раза, остаток чая вовсе расплескал. Я с самым заботливым видом, вытерла лужицу на столе, отодвинула баранки, и дождалась, когда он крепко уснет. Тэк-с, с чаем разобрались! Осталось понять зачем он меня сюда притащил, и зачем хотел усыпить. Ах да, и найти похищенный орга?н. В том что тот спрятан здесь уже не сомневалась.

Лишь бывший друг уснул, я схватила безопасные баранки и вышла на крылечко. Пес кинулся мне на встречу и даже кот снизошел до мурчания. Старались они, конечно, неспроста, но прикупленные помощники все равно радовали. Уже не одна.

После этого внимательно оглядела местность. Деревья вновь пытались дотянуться до меня. Гнулись они так, что сомнений в их фантомной природе не осталось. Сказку, в которую меня притащил Мишка, я пока не разгадала, но о роли избушки начала догадываться. А раз так...

Внутри дома ничего подходящего не нашлось. Мне бы сюда котомку со всякой всячиной до кучи, но чего нет, того нет. Остается мой собственный наряд. Джинсы, водолазка, кардиган, кроссовки.

Ничего подходящего. Хотя?! Цветной кожаный ремень мало походит на платок или ленточку, но уж что есть.

Если я верно помню сказки, то правильная Аленушка обязана перевязать деревце и помочь всем, кого встретит. Злобные деревья фантомного происхождения не похожи на нуждающихся, но канон есть канон. Еще никогда я не вытягивала ремень с таким энтузиазмом...

Деревья словно забились в конвульсиях при моем приближении, но дотянуться не смогли, как ни старались. Слишком высокие. Слишком крупные. А я не то чтобы мелкая, рост у меня выше среднего, но нахожусь так близко, что этим исполинам не извернуться.

Мудрить не стала. Прицепила ремень на ствол на высоте своего роста, похлопала затаившегося великана и покровительственно посоветовала:

— Обращайся, если что.

Судя по тишине во дворе, над тем, что значит это «если что», размышляли все местные питомцы сообщества. Кот даже бублик грызть перестал от усердия.

Первый же успех, так приободрил меня, что я не сомневалась: быстренько найду потеряшку и сбегу. Ага, как же.

Подворье было мелкое и не настолько интересное как показалось. От травы мало толку, баня пуста, амбар тоже. За воротами начинался лес, и выглядел так же мило, как и пес и кот при моем появлении. Отсюда ничего не видно, а соваться без подготовки страшно. В фантомных лесах и дорожки исчезают сами по себе, и волки разговаривают, и деревья слопать могут. Я потопталась у ворот, обкусала все губы и вернулась в избу. Или найду, или Мишка выиграет...

Вторичный обход двора убедил меня только в одном: Мишка тут живет не один. Больше всего избушка походила на жилище Бабы-яги, вот только не помню, чтобы у той были дети. Похищенных детей во всех сказках рано или поздно выручали родственники. Фантомия неотступно повторяет сказки. Так откуда взялся Мишка?

Глава 2

Я металась по двору, заглядывала даже в мелкие щели и все больше нервничала. Меньше всего хотелось повстречаться с хозяйкой этого дома. Пусть она всего лишь фантом, зато, в отличие от меня, умеет свободно пользоваться силой. А я... я только учусь.

Не знаю сколько прошло времени: по ощущениям много. Невидимые песочные часики то и дело переворачивались, а я не нашла ничего существенного. Меч-кладенец и подозрительная сумка необъятных размеров — не в счет. И то, и другое я прихватила с собой. Котомки у меня с собой нет, а спастись надо. Может пригодиться.

Мишка спал и казался вовсе безобидным. Я даже на миг усомнилась в правильности выводов, но взгляд на горький чай вернул к реальности. Сгрудив добычу в углу, я занялась прощупыванием избы.

Так и выяснилось, что печь еще теплая, хотя огня в ней давно нет. Паутина на занавесках — всего лишь вышивка, зато пауки по углам настоящие и кошмарно большие. Кровати жесткие и о матрасах тут явно не слышали. Лавки тяжелее сундука и практически не подъемные. Лаз в подпол отсутствует, а свечей столько, что если выставить все, то ступить будет некуда.

Прихватив свечку, я приступила к осмотру окон. Не то чтобы надеялась в них увидеть потерянный инструмент, но идеи давно кончились, а баба Груня учила проверять все, даже самые дурацкие и неподходящие места. Этот метод выручал не раз, может и сейчас сгодится.

Я шла от окна за окну, а их всего-то пять. Кстати, почему пять? Четыре стены и пять окон. Стена напротив двери не настолько и широка, чтобы впихивать сразу два окна. Одно точно по центру, второе — с краю, словно кто-то пытался прорубить выход прямо у кровати. Лишнее окно частично перегораживала печь, которую так и хотелось передвинуть.

Сдвинуть печь я даже не пыталась, ограничилась занавесками. Света больше не стало, но двор я рассмотрела во всей красе. Ну вот, а

я надеялась на обманку и деревяшку вместо ребристого стекла. Изучив двор и так и этак, выскочила из избы и оббежала ее.

Второго окна не было. Заднюю стенку украшало всего одно окно, то что в центре. Я подскочила к тому месту, где должно находится боковое окно и уперлась в преграду. До этого, занятая поиском, не замечала ничего подозрительного и все списывала на собственную невнимательность и неуклюжесть. Да и не мерила двор шагами, ограничилась осмотром и ощупыванием того, до чего дотягиваюсь. Стена дома тогда не заинтересовала, а зря.

Назад я бежала еще бодрее. Влетела в избу и подскочила к окну. Я приготовилась к долгим поискам замка, но открывалось оно как раз обычно и демонстрировало все тот же двор. Неожиданно, да?!

Окно я закрыла и отошла в сторону, двигаясь так, чтобы всегда видеть отражение предметов в стекле. Я почти влипла в стенку, когда стекло потемнело и проступили очертания скрытой двери. Подбираться к обманке предстояло сбоку. Как и ко всем фантомам.

В этот раз возилась дольше. Найти ручку не удалось, зато я нащупала стык скрытой двери и стены. На этом успехи окончились. Я уселась на стоящую рядом кровать. Мишка уже храпел чуть тише, а я до сих пор ничего не придумала. Даже не разобралась в Фантомии нахожусь или нет. А если таки да?

Я уставилась на дверь так, что заболели глаза и тихо приказала, пытаюсь нащупать ту силу, которую владела. Беда в том, что знала о ней только по рассказам, сама же до конца так и не поверила.

— Откройся! — шепнула я, ощущая себя очень глупо.

Ничего не произошло. Совсем. А говорят, блюститель, сила... тоже мне повелительница Фантомии... с дверью сладить и с той не могу.

Я прикусила губу, прикидывая что еще можно предпринять. Была бы тут ручка или хотя бы признаки замка... а так... Ну, конечно, ручка! Дверь без ручки никак не открыть.

В этот раз закрыла глаза и красочно представила старинную резную ручку, которая очень странно смотрелась на двери из ребристого стекла. Как я не пыталась заменить ее на что-то более простое, ничего не вышло. Зато мне удалось ощутить холодок, идущий от ручки. Открыть глаза рискнула не сразу. Сперва досчитала до пяти, потом отвесила мысленный подзатыльник и наконец рискнула.

Ручка выглядела еще старше и витиеватее, чем представила, но в остальном не подкачала. Метал приятно охлаждал руку, и поворачивался до того туго, что пришлось навалиться всем весом.

Дверь отворилась тихо, без пугающего скрипа. Проем пугал темнотой и отсутствием света. Я достала зажженную свечу и осторожно заглянула в открытое помещение. Ничего. В смысле с порога ничего не видно. Света свечи недостаточно. Эх, была не была.

Я подхватила сумку, прицепила добытый меч и поволокла честно добытое добро в темноту. Стоило переступить порог и сделать два шага, как дверь захлопнулась, хорошо хоть замок не щелкнул. Пнув суму и меч к стене, приступила к обходу.

Эта комната была гораздо больше предыдущей. А может все дело в отсутствии мебели. Тут нет ничего кроме голых стен. Дверь и та пропала. Я попыталась ее нащупать, ни зазубрины, ни уступчика, ничего, что выдавало бы ее.

Панику удалось отогнать не с первого раза. В конце концов, я решила, что раз сумела создать дверь один раз, сумею и в другой. Полностью это не успокоило, но руки дрожать перестали. Отойдя от стены, двинулась в обход по комнате. В этот раз я решила не доверять тому, что вижу. Не заметила же пристройку на улице.

Свеча давала прискорбно мало света. Я шла, выставив руку перед собой и помахивая ей. Толку немного, зато не сколько страшно, сколько глупо. Я так увлеклась процессом, что единственный реальный предмет в этой комнате благополучно упустила.

Звучное «ба-бам» отдало болью в ногу. Падая, я махнула рукой, уцепилась за выступ и таки устояла. В ответ раздалась мощная трель, способная поднять и павшего. Орга?н меня не только узнал, но и поприветствовал.

— Да, я тоже рада тебя видеть, — кивнула я и поставила на него свечу. — А теперь давай вместе думать, как отсюда сбежать.

Ответа не ждала, но волшебный инструмент разразился печальной мелодией.

— Не нравится тебе, да?! — я погладила гладкую поверхность.

Грустная музыка в темноте отнюдь не радовала. К тому же пустое помещение усиливало звук. Избушка явно не блистает звукоизоляцией. А вдруг Мишка проснется?

— Не знаешь, зеркало тут есть? — выходить наружу не хотелось. Сейчас есть шанс, что бывший друг не сообразит где меня искать, а я тихо исчезну отсюда до его появления.

В ответ орга?н бдзынькнул и вернулся к трагичной мелодии. Необходимо уходить отсюда и срочно, иначе вместо поиска сяду рядышком с тоскующим инструментом и завою. Очень уж атмосфера располагает.

— Помолчи, пожалуйста, а? — бросила я пустоту. — Я тут, вообще-то, тайно.

Даже не знаю, чего боялась больше: того, что орга?н обидится и больше не откликнется или того, что закатит шумную истерику.

Инструмент покладисто тренькнул и затих. Тишина пугала гораздо больше загробной музыки, зато не мешала спать Мишке.

Я вернулась к осмотру. Свечу брать не стала. Толку от нее все равно немного, а рука занята. Тут же явно важнее осязать, а не осматривать. Орга?н больше не шумел и почтительно молчал, я играла в «слепо» и щупала стены, отрешившись от действительности.

— Я как раз хотел тебе его показать, — Мишкин голос впечатал меня в стену. Я потерла ноющее плечу и оглянулась на звук: разбудили таки. — Но уснул. День был очень тяжелый.

Приятель выглядел смущенным и настороженным. Он теребил рубашку, приглаживал волосы, и совершал слишком много лишних движений.

— А я от скуки осматривала избушку, увидела дверь и случайно сюда зашла. Поможешь выйти?

Мы оба врал. Оба это знали. И оба прикидывали как заставить второго делать то, что он не хочет. Хотя в этом мы похожи...

— Поможешь разобраться с этим? — в тон ответил Мишка и махнул рукой в сторону притихшего инструмента.

Приход бывшего друга тот встретил молчанием. Он так усилено притворялся обычным, что даже я почти поверила. В огромном пустом помещении без окон волшебный орга?н выглядел жалким и до того обычным, что смущение Мишки тут же получило объяснение. Он явно сомневался в находке, а я не собиралась ему помогать. Патовая ситуация.

— Не представляю чем?! — я пожала плечами, но подходить к инструменту не рискнула.

Пока нечеткие подозрения резко окрепли. Блюстителю обладают особой силой — так говорили стражи. Только блюстителю могут изменять фантомную реальность сказок. Орга?н, как ни крути, фантомный предмет и реагирует не на всех, а Мишка у меня давно под подозрением.

— Заставать его играть! — со злобной капризностью потребовал он.

— Как? У меня вместо рук грабли. Так бабушка говорила! — я скрестила руки на груди и посмотрела на него исподлобья, чтобы точно не осталось сомнений: я против.

Бывший приятель противно ухмыльнулся и отступил вглубь комнаты, в самую темноту. Орга?н находится за пределами освещенного свечей круга, а вот я, как под прицелом.

— А зачем тебе руки? Используй силу, — вкрадчиво ответил бывший друг. — У тебя же есть сила...

Я не видела его лица, зато отчетливо слышала злость в голосе. Упор на «есть» не понравился, а подозрения подкрепились фактами. Ох зря, я не спросила о нем стражей. Фома и Бежка никогда не отказывали в ответах, хотя и предпочитали метод разумного ограничения информации от неопытной блюстительницы.

— Нету. И никогда не было! — огрызнулась я. — Это все досужие выдумки. Я без подаренных артефактов вообще ничего не стою. А сюда пришла с пустыми руками. Давай ко мне домой вернемся, может чего и подберу.

— Нет! — взвизгнул он. — Пробовать ты будешь здесь и сейчас. И пока не заставишь звучать упрямый инструмент, домой не вернешься!

Закончив гневную тираду, он точно растворился в воздухе. Даже темнота не скрыла его искажившейся фигуры и странного мерцания, когда он исчезал.

Я смотрела в пустоту и не могла поверить в то, что вижу. Фантом, как есть фантом. И как я раньше не заметила этого?! Тот самый фантом, который приходил ко мне в квартиру. И способ перемещения тот же.

Вздохнув, приказала себе не паниковать и наконец сошла с паркетины, к которой казалось приклеилась. Орга?н меня пока не

интересовал. В том, что Мишка подглядывает, нет сомнений. Не собираюсь облегчать ему задачу.

Как я выяснила по предыдущим нашим стычкам, чтобы следить и перемещаться фантому, как и мне, нужны зеркала. В их отсутствие сойдет любая отражающая поверхность. Дома я нашла фольгу с обратной стороны ковра. С виду здесь пусто, но раз Мишка скачет козликом, не все так просто. Времени у меня хоть поварешкой черпай, ищи — не хочу.

Я переходила от стены к стене и размышляла о том, что всегда иметь при себе миниатюрное зеркало — не такая уж и плохая привычка. После случая с соседкой, Бежка должна заметить мое отсутствие. Ну я надеюсь на это, хотя шанс и не очень большой. Должна же она заинтересоваться открытым зеркалом? Или не должна?

Но на будущее без зеркала никуда. Блюстителю Фантомии — это должность, с которой добровольно не уйти. А раз так, придется учиться защищаться и соответствовать странноватому званию. А пока, зеркальце, ау!

Для начала попыталась выйти тем же путем, что и вошла, только дверь выстраивала с другой стороны. План прост и логичен, выйти во двор, сбежать и вернуться с подкреплением. Но то ли я истратила много сил на первое построение, то ли Мишка успел подстраховаться, а ничего не вышло.

Горевала недолго. Нет, так нет. Буду искать зеркало.

Я забрала свечу с органа, шепнув тому, чтобы помалкивал. Тот даже не тренькнул в ответ, продолжая притворяться пустой болванкой. Свеча стремительно догорала, грозя оставить в темноте. Еще чуть-чуть и вовсе погаснет. Как тогда искать?

Стены я простукивала, ощупывала и обшаривала с такой скоростью, что сама не успевала оценить результат. Толку от таких поисков немного, но страх темноты гнал вперед. Увлечшись, даже не сразу уловила, что слышу голос.

Я белкой заскакала по комнате, ища источник. Впопыхах налетела на орган, едва не уронила свечу, и наконец врезалась ногой в сумку, о которой успела позабыть. Рядом покоился начищенный до зеркального блеска меч-кладенец. Вот он то и вопил, а на его гладкой поверхности проступил кошмарно знакомый облик.

— Мишка? — рыкнула я. Попытка переломить меч ни к чему не привела, зато отражение пошло рябью и заголосило еще истошнее.

— Опять Мишка? Так и знал? Где ты, Дина?

Я всмотрелась в лицо говорившего внимательнее. Ну да, облик один, но этот моложе, даже в таком кривом виде это хорошо заметно.

— Тед? — кто бы мог подумать, что так обрадуюсь ему. Фантом или нет — разберусь позже. Сейчас главное на помощь позвать. — Я в избушке Бабы-яги. Мишка совсем спятил и запер меня тут. Понятия не имею, где это находится. Где-то в лесу.

— Разберусь, — лаконично отозвался он и исчез.

Появление далекого помощника придало сил. Паника отступила под напором энтузиазма, а я, наконец, вспомнила о прихваченной сумке. К ее взлому я приступила с такой энергией, что шансов у той не осталось. Да и как сопротивляться, если одни петельки да крючочки. Вскрыла бы и раньше, но второпях не сразу разобралась с порядком открывания.

Открытая сумка выдала «Вжу-ух» и тишину нарушил радостный гогот. Ржали два придурковатого вида мо?лодца, похожие друг на друга как братья близнецы.

— Чего изволите? — ухохатываясь прохрюкали они.

Толку от таких работничков?! Ну раз других нет, будем работать с тем, что добыли.

— Найдите выход из этой комнаты!

Мо?лодцы развеселились еще сильнее, хотя куда уж больше, и покорно потопали вдоль стен. Умничать тут же расхотелось. Я ведь тоже поиск с обхода начала. Стыдно-то как.

А двое из сумы тем временем обошли всю комнату, улеглись и покатались колбаской. Метод поиска люка определенно странный, но, если им так удобнее...

Пока они катались, исследуя весь пол, я заглянула в сумку. Пусто... а так хотелось верить... но где-то же подлый фантом спрятал зеркало... Хотя, ему большое-то и не к чему — меча достаточно. Это мне сквозь меч лишь поговорить можно, а пройти не получится. А он фантом, ему в самый раз.

Двое из сумы закончили кататься наперегонки, поднялись и разом развели руками в стороны. На подпол я и не рассчитывала, а вот выход на крышу тут может быть.

— Ты, — я ткнула в ближайшего. — Держишь его на плечах. Ты, — тычок во второго, — лезешь к нему на плечи и ищешь выход на крышу. Ясно?

Дружное «Ага!» меня не очень убедило, но забираться на плечи к этим остолопам страшно, а по-другому люк в темноте не сыскать.

Занимаясь поиском обманной дощечки, под которую спрятано зеркало, я не очень следила за буйной парочкой, а зря. Кто на кого лезет они разобрались неплохо, а дальше начались трудности. Верхний не встал на плечи к нижнему, а сел и до потолка естественно не достал. Нижний чтобы помочь стал подпрыгивать, изображая из себя гигантскую белочку. Грохот стоял такой, что я всерьез испугалась обрушения пола. С другой стороны, чем не подкоп? Проломил дыру и вперед.

Радикальный выход я оставила напоследок, а пока рывкнула, сложив руки рупором:

— Стоять! — оба замерли и совершенно одинаково вытаращились на меня. — Встань к нему на плечи! Ишь расселся, — для пущей убедительности я погрозила кулаком и вернулась к поиску.

Вроде чего сложного? Ан нет. Резвые богатыри, не получив подробный порядок действий, решили поменяться местами. Нижний лез на плечи, верхний честно стоял, держал и подобострастно таранился на меня.

— Готово! — гаркнули они хором.

Я подпрыгнула и укоризненно на них посмотрела, отчего верхний чуть снова не свалился. Еще одного акробатического трюка мне не пережить. Я старательно заулыбалась и похвалила:

— Молодцы! А теперь ты идешь, ты ищешь люк на крыше. Все ясно? — указания пришлось сопроводить тычками и то не уверена, что эти порчуны правильно услышали.

Потолок они ощупали раза на три, прежде чем сообразила отдать новую команду.

— Спускайтесь!

И вроде чего сложного, но эффект вышел убийственный. Спуститься решили оба и разом. С уже привычным грохотом парочка покатила кубарем. Бабах сменился гоготом. Братья явно резиновые. Ничем другим любовь к болезненным трюкам не объяснить.

— Убирайтесь в сумку! А нет стойте..., — они замерли, наполовину втянувшись в убежище. Смотрелось это странно. Широченные плечи, крупные головы и тонкие, словно детские ноги. — Поднимите это!

На орга?н я привычно указала пальцем: не думаю, что им знакомо его название. Братья выпрыгнули из сумки и в два широких прыжка подскочили к инструменту, столкнулись головами, грохнулись и заржали.

— Встать! — гаркнула я и закашлялась. Еще чуть-чуть и охрипну. — Ты стоишь тут! А ты тут! — я подтолкнула одного и второго к нужной позиции. — Наклоняйтесь! Берете! Поднимаете!

В этот раз у бедовой парочки получилось как надо. Здоровенный и тяжеленный инструмент они подняли без видимых усилий и лишь радостное гиканье бесило больше обычного. Ох уронят. Как есть уронят. А одной мне орга?н не уволочь. И колечко для переноса дома осталось, в котомке. Я повздыхала над тяжестью руководства и велела:

— Ставьте и возвращайтесь в ларец.

Что ж, грузчики есть, осталось найти выход. Тед, ты про меня не забыл?

Глава 3

Дрожащее перестукивание появилось внезапно. Доносилось оно издалека и походило на выстукивание палкой по мраморному полу. Очень тяжелой палкой. Скорее даже бревном. И кто способен поднять такое? Мишка на гиганта походит мало...

Я метнулась к стене, что граничит с улицей, и прижалась что есть силы. Звук нарастал, точно невидимый великан приближался. Мне так ясно представилась огромная палица в его руках, что от стены отлетела быстрее ветра. Хотя толку-то, прятаться тут негде. Даже захудалого столика нет, чтобы скрыться от рушащегося потолка.

Свеча давно прогорела. Мрак превратился в полумрак спустя пару минут. Это утешило и дало надежду. Окон тут нет, но раз свет просачивается, то и у меня получится. Не так уж эта комната и непроницаема, как кажется.

Паника плохой советчик — истина, заученная с детства. Я вдохнула и выдохнула несколько раз и, отчаянно храбрясь, напомнила себе, что я крутой блюстититель сказочного порядка. Я умею изменять сказки и вообще ого-го. Вокруг сплошь фантомы. Так стоит ли волноваться?

Предательскую мыслишку, что настоящая я может легко погибнуть и в фантомном мире, пнула в самый дальний угол сознания. Нечего мне операцию по спасению себя самой срывать.

Я успокоилась, уселась по центру и напряженно всмотрелась в темноту. Щель, через которую проникает свет, успешно скрылась от взгляда. Все углы выглядели одинаково темными и мрачными, а стук и тяжелые удары о землю меж тем нарастали и приближались. По ощущениям, великан уже у калитки и около того.

Я подскочила и схватила увесистый меч. И как только сказочные богатыри его с собой таскают? До сих пор рейтинг по тяжестим выигрывала дамская сумочка, в которой я хранила все самое нужное. Она у меня мелкая и такая тяжелая, что плечо уже через полчаса пульсирует от боли. И вроде все нужное и легкое, но вместе, словно чемодан без ручки. Так вот меч-кладенец сумку переиграл с одной попытки.

Прекратив бесплодные попытки поднять повыше и удержать, я уперла острие меча в пол, схватилась за рукоять и присела на корточки. Выйти через такое зеркало невозможно, зато найти Теда шанс есть.

Мечу моя самодеятельность не понравилась. Ладонь, которую я приложила к зеркальной поверхности обожгло словно тронула не холодный меч, а раскаленное клеймо. Я отдернула руку. На ладошке красовался затейливый рисунок, хотя на поверхности меча ничего подобного нет. Очень оригинально... он не просто волшебный и почти всесильный, он еще и ужас какой самостоятельный.

— Будь человеком, — с самым серьезным лицом обратилась я к мечу, — то есть порядочным мечом. Дай приятеля отыскать. Я даже в походы брать тебя не стану. Куда уж мне. Отдам порядочному богатырю, которому по силам тебя поднять. Честное волшебное.

По лезвию промчалась змейка света и ощущение нарастающего жара исчезло. Еще бы грохот, царящий во дворе стих, а то отвлекает жутко. Великан таки добрался до избышки и теперь расхаживал во дворе, громко шмыгая и цыкая. Хорошо, что постройку раздавить не пытался. Пока не пытался.

Не знаю, чем слушал меч-кладенец, но больше не пакостил. Позволил прижать ладонь и даже засиял чуть ярче, подражая зеркалу готовому к открытию перехода. Я приободрилась и перелистнула изображение. На избышку Фомы или Бежки это не похоже, а где живет Тед, не знаю, но вряд ли в царских палатах.

Картинки сменяли друг друга, а ничего знакомого не попадалось. Фантомия и Сказания оказались не столь мелкими, как представлялось, а уж зеркал в них и вовсе пропасть сколько. Что делать-то, а?

— Тед! Те-е-е-д! — помнится он разыскал меня именно так. Если имя настоящее, то шанс есть. — Фома! Бежка!

Хоть до кого-нибудь да докричусь! Главное, орать тихо, чтобы предатель Мишка не услышал.

Крик возымел странное действие. Великан во дворе прекратил топтать и задышал до того шумно, что присвист от дыхания стал слышен и через стену. Неужто так громко кричу? А я думала в моей квартире стены картонные...

— Чую русским духом пахнет, а ты «кажется-кажется», — передразнил Мишку великан неожиданно визгливым голосом. Он так

не подходил к представленному мной облику, что даже страх отступил. — Ивашка! — по-бабьи взвизгнул великан. — Делись добычей!

Так тут еще и Ивашка есть? Сколько же их здесь и откуда взялись? Я явственно представила как превращаюсь в одно большое ухо и даже вдыхать стала через раз, чтобы лучше слышать.

— Нечем делиться! Показалось тебе, — отозвался Ивашка Мишкиным голосом. — Вернулся только. Никого поймать не успел.

— А чай заговоренный один хлебал с двух кружек?

Великан вновь затопал, обходя избу. Скрипнула дверь и цокот послышался уже изнутри. Мысленная картинка сменилась. В догадку поверила не сразу. Приход Бабы-яги столь же внезапен, сколь и нелеп.

До этого мига я надеялась, что Мишка просто воссоздал избушку, чтобы сильнее напугать. Или отыскал подходящую в Фантомии, но пустую. Известие повергло в шок. Как и смена имени. Не знаю, кем на самом деле является Тед, но Ивашка, который Мишка, может быть только фантомом. И как я раньше не разглядела? Хотя ясно как, до него со столь самостоятельными фантомами не встречалась.

Я тряхнула головой, избавляясь от оцепенения, прижалась к мечу губами и надсадно захрипела:

— Те-е-д... Фо-о-ма... Бе-е-ежка...

В горле мгновенно пересохло и запершило. Водички бы сюда. Самой обычной колодезной. А еще свечку и ночной горшок. Но это так, мысли в слух. Я старательно сглотнула и захрипела заново.

Сперва ничего не происходило, а потом послышалось отдаленное:

— Диночка! Где ты? — Бежкин голос доносился словно издалека, а изображение рябило и подрагивало, но в том, что это она, сомнений не возникло.

— В избушке Бабы-яги и Ивашки. Сказку не знаю. Они меня заперли. Орга?н здесь.

На всякий случай, я выдала все что знала. Не известно, удастся ли еще раз связаться, а так какая-никакая, а страховка. Ведьмочка упорная, и Фому без меня найдет. А уж вдвоем они уж сколько всего могут. Ну я надеюсь, что могут.

До сих пор, они исключительно советами выручали. Крутиться самой приходилось. Но вдруг в этот раз по-другому выйдет.

— Приняла, — коротко отрапортовала страж, — Держись, думать с Фомой будем. И место под инструмент заодно расчистим.

Меч погас, а я приуныла. Думают они обычно долго. Сварить из меня похлебку точно успеют. Опять придется самой выкручиваться...

Дальше, как ни старалась, а достучаться до Теда не сумела. Подозрение, что не Тед он вовсе, выросло до невероятных размеров и так окрепло, что не перешибить. В самом деле, коль имя настоящее, то расслышал бы. А на чужое имя трудно среагировать. Невозможно в мыслях все время его держать. Забывается.

— Ивашка! Спать буду, — визг Бабы-яги выдернул из раздумий. — Не вздумай добычу спрятать. Самого сварю!

Мгновенно раздался храп, словно у дистанционной игрушки закончился заряд. Я же приободрилась. Раз я до сих пор здесь, то Ивашка-Мишка действует самостоятельно. Пристройку он явно не от меня прятал. Орга?н, тем более. Без длинного носа хозяйки избушки шанс продержаться и сбежать больше. С бывшим приятелем я как-нибудь справлюсь. Только бы Баба-яга спала и спала...

* * *

Из задумчивости вывел глухой шепот, что доносился из меча. Тот больше не обжигал и кажется проникся важностью миссии. Даже серебрился в темноте как правильное зеркало.

— Тед? Ты где пропал? — про Бежку и Фому намеренно упоминать не стала. Обманулась же с Мишкой-Ивашкой.

Этот мутный тоже доверия пока не заслужил. Пусть спасет сперва.

— Зеркало пробить пытался, — мрачно отозвался меч. — Оно защищено. Даже картинку толком не видно. Темно, как в толчке.

Земное выражение царапнуло слух, но радоваться рановато. Мишка тоже мастерски под земляка маскировался, хотя и честно говорил, что всего лишь «бывал в гостях». Это я додумала, то, чего не было.

Известие о Бабе-яге и Ивашке Тед перенес стойко. Думать не обещал, лишь хмыкнул:

— Ивашка, значит. А когда он волшебством обзавелся и учеником стал, его же сварить должны были?

Об этом я тоже уже думала. Кроме перемешанных по моей вине сказок, ничего на ум не пришло. Фантомия, после моей помощи и работы со свитком изначальных сказок, исчезать перестала, зато истории изменились до неузнаваемости.

— Свиток, да? — спросил вдруг Тед и я насторожилась. О том задании знал только Мишка, я и... щелкунчик, который исчез вместе с моим ключом от зеркал.

— Как тебя зовут на самом деле? — с нажимом спросила я: Щелкунчик представлялся Тедериком...

Тед молчал долго. Так долго, что я решила уже не ответит и помогать не станет.

— Тимур, — выдохнул он наконец. — Можно просто Тим, — и быстро добавил: — Ищи зеркало. Оно точно есть в комнате. Я его видел. А я попробую отыскать сказку. Баба-яга, Ивашка и лес — это уже зацепки.

Серебрение меча потухло вовремя: совсем рядом раздались шаги. Я вздрогнула и резко обернулась, садясь на меч. Ивашка-Мишка осторожно прикрыл дверь и воровато оглянулся. В руках он держал кувшин и горшок.

— Пока Баба-яга спит у тебя есть время заставить работать этот хлам, — он кивнул на старательно молчащий инструмент. — Я к тебе по-доброму отношусь. Не обижаю. А она... увидишь, в общем, — зло закончил он.

Я молча выслушала. Молча забрала подношение. Угрозы не впечатлили. Коль позаботился о сокрытии добытого сокровища, то и дальше прятать будет. А там мы с Тимом что-нибудь придумаем.

Ивашка попугал грозным взглядом и вышел, а я оставила кувшин и вернулась к поиску зеркала. Воду решила не пить так долго, как смогу. Я еще чаек не позабыла, от которого уснул фантом. Ну так как он подействовал бы на меня по-прежнему не известно. Мишка-Ивашка, судя по удивлению, рассчитывал на нечто другое.

Повторно простукивать и ощупывать стены — бессмысленно. Раз сразу не нашла, то и сейчас не найду. Вместо этого обратилась к силе. Практики немного, но потренироваться можно и здесь.

Изменить сказку, даже будучи блюстителем сказочного порядка, не так просто как кажется. Фантомная реальность сопротивляется любому вмешательству, а персонажи охотнее двигаются в привычном направлении. Даже самостоятельный Мишка здесь всего лишь Ивашка и с Бабой-ягой воюет втихомолку: пакостит да прячется. Вот и мне стоит перенять метод.

Я больше не искала дверь или брешь в защите спрятанной комнаты, зато сосредоточилась на лучиках солнца, что проникают сюда. Всего-то и нужно направить луч на скрытое зеркало. Стоило мысленно потянуться к лучам, как они словно стали осязаемыми. Казалось их можно связать в пучок как нитки и выткать солнечный коврик.

Россыпь светящихся нитей я рассредоточила по стенам и заставила медленно перемещаться из одного угла в другого. Сама же попыталась следить за всеми поверхностями сразу. Получилось неважно. Я так усиленно крутилась и напрягала глаза, вглядываясь в полумрак, что голова закружилась.

Тогда я прекратила издеваться над собой и медленно пошла вдоль стен. Только тогда и заметила, что бревенчатые стены покрыты темной тканью. Рисунок ее довольно точно передавал кольца бревен и в полумраке разницу заметить трудно. На ощупь, конечно, заметно, но для этого нужно вначале прекратить паниковать и сосредоточиться.

С тканью искать зеркало можно непросто долго, а практически бесконечно. Я отпустила лучики и переключила силу на ткань. Пусть выйти отсюда пока не получается, но внутри способности срабатывают как надо. Обдирать стены долго и грязно, проще вернуть им изначальное состояние.

Ткань исчезала кусками, отчего в комнате становилось светлее. Мишка наклеивал ее в столь странном порядке, что я окончательно запуталась. Казалось, он собирал на стене рисунок, понятный ему одному. К тому же, ушлая материя, поглощала тот неяркий свет, что тут есть.

Щелей с уменьшением драпировки стало намного больше, а темный полумрак развеялся до серого. Очертания органа и сумки проступили так явственно, что больше не требовалось напрягать зрение, чтобы рассмотреть их.

Не дожидаясь исчезновения последнего кусочка, сдернула несколько штук и обвязала их вокруг рукояти меча. То, что Мишка-Ивашка до сих пор не отобрал захваченное, конечно, удивляло. Это первое что сделала бы я, но бывший приятель смотрел на них так, словно ничего необычного не происходит. И если сумку еще можно объяснить, то меч вовсе не понятен. Не может же он знать, что я эту штуковину поднять не могу. Холодное оружие всегда отбирают у пленников.

Задвинув мысли о странностях поведения на задворки сознания, сосредоточилась на зеркале. Оно, увы, не проявилось чудесным образом на стене, зато бликов вокруг стало так много, что я окончательно растерялась. Постояла немного, обдумывая безумство плана, и воткнула меч-кладенец в стену, которая граничит с улицей.

Проворачивался он с трудом. Я пыхла, сопела и шипела. Шипение выходило лучше всего. Не знала, что так умею. Наградой стал отчистившийся пяточек, размером с грецкий орех. Опилки хлынули на пол, выявляя зеркальное нутро. Бревна оказались великолепной бутафорией. Без меча ни за что загадку не разгадать. Да вот беда, поднять его не могу, хорошенько рубануть — тоже, а так по дырке пилить придется ну очень долго.

Я бросила взгляд на сумку. Двое из сумы определенно сильнее, но их шумная бестолковость способна погубить даже идеальный план, не то, что его зачатки. Нет, подожду еще немного.

Поднатужившись, подняла меч и проковыряла еще пару дыр, рядом с первой. Выдернула образовавшиеся перегородки и получила небольшое, чуть больше карманного, зеркало. Слишком маленькое, чтобы сбежать, но вполне подходящее для связи.

— Тед! — шептать басовитым хрипом я уже научилась и даже не кашляла после. — Тед! — повторила я чуть громче и очнулась. Какой Тед? Совсем забыла. — Тим! Ты тут?

В этот раз он ответил гораздо быстрее. В зеркале отразились быстро исчезающие деревья и белые полотняные штаны с такой же рубахой. Вполне сказочный вид, только не ясно, где он зеркало-то держит?!

— Ты нашла зеркало? — чуть ли не огорчился он. Непонятная реакция. — А я тут спешу, рискуя жизнью.

— Не совсем. То есть найти-то нашла, но воспользоваться не могу. Оно так надежно укрыто, что незаметно достать не получится.

— Отлично! — повеселел Тим, а я заподозрила, что эти двое заодно. — Я тут Маленького Мука разыскал и выменял его башмаки. Летают они быстро, да все без меня. Представляешь, я уже три раза падал. Скейтборд нервно курит в стороне. Самое сложное — не свалиться на старте и при спуске.

— Так у меня ты когда будешь? — прервала я поток излияний. Это хорошо, что ему там весело, но как башмаки помогут в борьбе с Бабой-ягой — не представляю.

— Ищу, — изображение в зеркале развернулось вверх тормашками. Кажется, Тим опять упал. — Уже три сказки проверил. Этих Ивашек тут как грязи. Баб-ежек и того больше. Народное творчество, чтоб его...

Повздыхав, я накрыла зеркало тканью. Звать стражей не стала. То, что у них не так много сил, я поняла давно. А записи мое бабы Груни, бывшей блюстительницы, это подтвердили.

Как жители Сказания они связаны условностями и правилами. Об их роли мало кто знал, и они предпочитали не выделяться. Место для орга?на заготовят и ладно.

От Тима, если он на моей стороне, всяко больше пользы. Его оговорки и словечки все больше убеждали в его земном происхождении. Способности у нас схожие, а стражи могли и пропустить новичка. Говорил же Фома о том, что второй новый блюститель точно есть.

Размышляя, я не забывала о зеркале. Меч с такой легкостью крошил бутафорию, что я возомнила, будто это не так уж и трудно. Пальцы, однако, занозила практически мгновенно, еще и ногти обломала до крови. Без меча никак и с мечом никак... кругом засада.

Посасывая пострадавшие пальцы, подошла к орга?ну. Ничего другого в комнате нет, а проверить охота. Есть одна мыслишка, почему Ивашка не замечает пропажу волшебных артефактов. Если права, нужно использовать новое умение.

Я приложила ладони к инструменту. Тот отозвался глухим отзвуком. Клавиши задвигались, и я торопливо шепнула:

— Тише ты, тише. Мы скрываемся, помнишь? — клавиши замерли, но гулкий звук уже побежал по трубочкам. Храп оборвался на

тоненькой ноте. Я даже как дышать забыла. Неужели разбудили?!

«Я хочу спрятать этот орга?н. Я хочу спрятать орга?н», — я повторяла и повторяла фразу, пока не открылась дверь.

Услышали-таки.

Глава 4

Ивашка-Мишка вошел не скрываясь. Баба-яга постучала во двор и теперь грохотала там, ища «русский дух, которым пахнет». Шум от нее с успехом перекрывал и хлопок двери, и вопрос:

— Где орга?н?

Ни исчезновение ткани, ни уменьшение темноты Мишка не заметил. Зато в два скачка метнулся в конец комнаты, и я торопливо заступила путь. Страшно, а что делать? Если наткнется, поймет, что инструмент до сих пор здесь.

— Не виновата. Слово даю, не виновата! — заголосила я, бухаясь на колени и хватаясь за ноги. Ивашка попытался меня стряхнуть, но от меня еще никто не уходил. С грохотом я поползла в сторону, снова заступая дорогу.

— Не ори, — с раздражением зашипел он, глядя на стену. Я чуть не задохнулась от ужаса: неужели пропажу ткани заметил?! Но его волновало другое.

На улице вдруг стало подозрительно тихо. Стук прекратился и сменился на шумное дыхание. Ивашка зажал мне рот, но говорить не рискнул. Только все яростнее прищипливал взглядом к стене.

— Доигралась? — выплюнул он, когда Баба-яга бодро застучала в нашу сторону: — Я ж с тобой по-хорошему, но хорошее ты не ценишь. Раз так, сама виновата. Стать основой похлебки Бабы-яги — очень почетно! — яростно закончил он и тут же залебезил, глядя на дверь: — А я готовность проверяю. Худенькая слишком. Откармливать надо...

Баба-яга вкатилась в комнатушку, странно переваливаясь. Одна нога у нее оказалась тоньше другой и не сгибалась. Высохшая до кости, она дробно стучала по полу. Вторая — здоровая нога, — была одета в башмак и приземлялась со страшным грохотом, точно тот подкован железом.

Седые патлы бабки торчали в разные стороны и состояли из сотни мелких косичек, скрепленных железными колечками. Она шумно втягивала воздух длинным крючковатым носом, усыпанным бородавками. Но самые примечательные глаза — черные, гипнотические, словно она видит всякого насквозь.

— Тоща не в меру, — бабка подошла ближе. Орга?н или не заметила, и не посчитала важным. Она крутанулась на месте и презрительно цыкнула: — Водой откармливаешь? Ох и дурень ты Ивашка. Учишь, учишь тебя премудростям, а ты дурень-дурнем как был, так и остался. Котел тащи. Всю варить не будем. Начнем с ног, а там отъестся, — бабка хрюкнула от восторга и собственной сообразительности и вышла прочь.

Следом за ней поспешил и Мишка-Ивашка. За топором надо полагать. А я уселась на пол. Ноги и руки подрагивали, перед глазами плыли сверкающие мушки. Что ж, волшебный орга?н я отстояла, осталось спасти собственные ноги...

* * *

Хандрила недолго. Стоило коварному фантому уйти, как я вскочила и подлетела к сумке. Услышат, не услышат — неважно, молодцы мне подчиняются и хоть и придурки, а суматоху устроить способны.

— Что прикажете? — бодро отрапортовали два несчастья сразу.

— Хватайте меч-кладенец и крушите бабу-ягу! — гаркнула я.

— Тю, верткая какая! — визгливо захохотала бабка. — Мое волшебство против меня не работает.

Ведьма разжигала огонь в печи и даже не прервала занятия, только хохотать стала громче. На лице Ивашки, который с потерянным видом ходил по комнате, отразилось беспокойство.

— А это не твое волшебство, — фыркнула я и прикрикнула: — Чего встали? Шевелитесь!

Сумку Ивашка-Мишка явно из соседней фантомной области уволок. Сказка «Двое из сумы» называется, и Ивашки там с Бабой-ягой отродясь не бывало. Руки у фантома похоже клеем смазаны, чего не возьмет все прилипает. И как я столько времени с ним в пути провела и ничего не потеряла? Хотя надо проверить, котомку же детально не рассматривала после этого.

Приказ братцы восприняли странно. Они дебильновато гыгыкнули, вдвоем схватили один меч и ринулись на бабку. Хохотать та перестала, но и испуганной не выглядела. Скорее недоумевающей.

С громким «А-А-А» двое из сумы наскочили на сказочную колдунью и повалили ее.

Ивашка вооружился поленом и подскочил к обидчикам наставницы. На их головы деревяшка опустилась с таким гулким стуком, точно мозгов там отродясь не было. Братцы почесали затылки и повернулись, повторив выражение лица бабки. Потом вспомнили указ и обрушились на нее снова. Развязки я ждать не стала. Развернулась и помчалась что есть силы.

— Стой! — заорал Ивашка. Спасение Бабы-яги его волновало куда меньше потери такого ценного источника информации как я.

Я подняла руку с поднятым средним пальцем и помчалась в тот лес, который еще недавно пугал до дрожи.

Мишка-Ивашка топал следом с грохотом достойным Бабы-яги. Я быстро обернулась: полено он не выпустил и теперь отмахивался им от прикормленного мною кота.

Ловкий пушистик уклонялся от разящих ударов с невероятной скоростью и целил в лицо. Когти у миленького с виду домашнего питомца оказались размером с ножи. Он их не точит, что ль? Хотя с такими-то хозяевами...

Больше не оглядываясь, помчалась дальше. Еще у меня есть прикормленная собака и подозрительное резиновое дерево с цепкими ветками.

Если вдуматься-то, местную сказку не нарушила. Пусть случайно, но в точности выполнила то, что и должна делать правильная Аленушка, спасающая Иванушку. Интересно, что случилось с доблестной сестрицей, чей братец так и остался в услужении Бабы-яги и превратился не в меру самостоятельного фантома?! Найти бы загулявшую девицу и отстегать хворостиной. Кстати, вариант!

Дурацкие мысли вихрем проносились в голове, когда я уже не столь быстро пробиралась через лес. Поганые деревья, которые не сообразила задобрить заранее, старательно заступали путь. Ходить умели не все из них, но мне хватило и той тройки, что с вязким чпоком выдернула корни и пошустрила за мной.

Бежала я быстро. Быстрее них. Зато у них в арсенале остались длинные ветки, которые доставали до меня, как я не старалась увеличить расстояние. У-у-у окаянные. Все в Бабу-ягу. И чем она кормит этих переростков?

— Выкорчую! Вернусь и выкорчую! — раздалась позади.

Ага, остался последний рубеж. С собакой Ивашка тоже справился и вот-вот присоединится к погоне.

Я все же приостановилась на миг и глянула назад. Дерево с платочком храбро отмахивалось от выкормыша старой ведьмы и умудрялась хлестать веткой так, что тот пригнулся и закрыл лицо руками. Правда не остановился, а продолжал пробираться к выходу.

Короткая задержка обернулась лишним синяком на попе. Самое мелкой и самое верткое дерево почти нагнало меня. И когда только успело? Оно угрожающе хлестало ветками и... порывивало. Рот рассмотреть не удалось. Может в корнях прячется?

Я развернулась и помчалась дальше. Дерево в саду и эта компания явно одной породы. В боку кололо. Дыхание сбилось. Мне начало казаться, будто в легких поселился коварный огонек, что жжет изнутри. Долго так не выдержу... А ведь осталось чуть-чуть. Вон уже вода бликует. От Бабы-яги она не спасет, но от деревьев вполне. Главное, что бы двое из суммы продолжали валять бабку и не выпускали из дома.

Близость передышки предала сил. Я припустила, ощущая себя зайцем-победителем. Вон уже и триумфальные фанфары звучат.

Я так обрадовалась, что не смотрела по сторонам и мчалась по принципу только вперед ни шагу назад. За что и поплатилась. Нечто тяжелое и сопящее свалилось откуда-то сверху. Мы кубарем покатались по траве, отбиваясь друг от друга. Неужто Ивашка умеет летать? На ступу не похоже...

Ногти у меня не то, чтобы длинные, но как оборонительное средство сойдут. Те, что не обломаны, конечно. Я скрючила пальцы и припомнила кота-защитника. Противник отодвинулся и ловко перехватил руки, сжав их с такой силой, что я захрипела, пытаюсь освободиться. Захват оказался мощным, избавиться не удалось. Но ноги-то у меня свободны.

Захватчик, кем бы он не был, слегка отпрянул, когда я задергалась. Вряд ли испугался. Скорее перегруппировывался, чтобы обезвредить. Ногой он прижал меня, фиксируя, отодвинулся и рывкнул:

— Динка, включи мозг. Это я!

Голос я узнала сразу. Как хорошо, что у него с Ивашкой только внешность общая, да и та уже отличается.

— Тим!

Он отпустил руки. Я тут же обняла его. Отреагировал он странно: коротко зажмурился и напрягся. Я нахмурилась, перевела взгляд и осеклась: проклятые деревья, совсем про них позабыла. Тройка древесных помощников Бабы-яги обступила нас и приподняла корни, готовясь давить.

— Это зубы? — Тим извернулся под немыслимым углом и брезгливо сморщился, изучая нависшие комья земли, но смотрел-то он не на них.

Я проследила за взглядом. Рот у деревьев-мутантов таки был. Он прятался внизу между корнями и имел столько зубов, что акула — беззубая милашка.

— Плотоядные, — шепнула и бодро задергалась, выбираясь из-под Тима.

Я ползла задом наперед и не пыталась перевернуться. Ползти, находясь в перевернутом положении не очень удобно, но главное выскользнуть.

Тим приподнялся и лихорадочно замотал головой. Нет чтобы ползти, а он мечется чего-то?! Тут я уперлась головой в нечто твердое и наконец осмотрелась.

Растерянность нежданного помощника получила объяснение. Вроде всего три дерева, а обступили так плотно, что дырки остались совсем мелкие. Взрослому человеку не пролезть, если он конечно не гуттаперчевый.

Деревья хищно зачавкали, предчувствия скорый обед, и выше задрали корни. Зубы предстали во всей красе. Внутри они двигали по диаметру ствола, точно припиленные к конвейерной ленте. Я невольно представила, как весь ствол внутри пронзают такие вот зубы, и как от нас остается только кровавая кашка.

— Что делать будем? — шепнула я, не узнав собственный голос, до того он звучал прокурено и надтреснуто.

— А ну расступись! — заорали за пределами нашего закутка.

— Ивашка, — лицо Тима исказила такая гримаса ненависти, что стало жутко. Это что же между этими двумя произошло, раз он так реагирует? Тим жутковато хмыкнул и коварно пояснил: — Пусть только отгонит этих мутантов, а там я его голыми руками придушу.

— За что? — момент, конечно, не подходящий, зато шанс узнать правду очень велик. В таком состоянии врать сложно.

— За украденную внешность и деревянные зубы, — яростно прошипел Тим.

Деревья меж тем отступали, но очень неохотно. Они скалились, утробно рычали, и слушаться воспитанника Бабы-яги не торопились. Одно хорошо, отвлекшись на него, на нас они нападать перестали и теперь все силы тратили на защиту. Судя по глухой обороне, в которую ушли деревянные зубастики, Ивашка знал их лучше нас и неплохо научился пользоваться этими знаниями.

— Обычные у тебя зубы. Белые, — лезть в рот к Тиму не удобно, но с виду ничего особенного.

— Это сейчас обычные. Сколько я сил угрохал, чтобы внешность вернуть. Если бы не ключ...

Деревья расступились, впуская Ивашку и мне стало резко некогда. Мы с Тимом одновременно вскочили и приготовились к новой битве. Я только и успела злобно прошипеть:

— Вот ты и попался, щелкунчик! Ключ верни!

* * *

Прошла около получаса, а Ивашка постарел. Снова.

Черты лица исказились. Нос удлинился, фантом выглядел сыном Бабы-яги. У него наметился горб и руки свисали подозрительно низко. Ноги рассмотреть не удалось: штаны скрывали их слишком надежно. Узнать в нем Тима практически не удавалось. Оставалось удивляться тому, что когда-то их перепутала.

Пока Тим и его искаженное отражение буравили друг друга злобными взглядами, я глубоко вздохнула и осторожно протянула:

— Мишка, — урод вздрогнул и с ненавистью глянул на меня, будто в его изменениях виновна именно я. С наставницей перепутал — факт. — Для меня ты так и остался Мишкой, что подглядывал на вон том озере.

Озеро, в котором отмывалась от киселя, я признала не сразу. Окрестности не изменились, но тогда они казались более реальными и

менее фантомными, чем сейчас. Встреча, конечно, была не случайной, но ведь не создается...

— Мишка, я не умею управлять волшебным орга?ном. Правда не умею. Действительно не умею. Не знаю как тебе объяснить это, чтобы ты поверил. У Бабы-яги в таких штучках опыта больше.

— Баба-яга не учит ничего серьезному. Так по мелочи, — зло выплюнул Мишка-Ивашка. — А орга?н вообще для другого приспособит, если найдет.

— Тогда объясни, чего добиваешься. Вдруг я сумею помочь?!

Фантома аж перекосило от ярости. Вот что такого сказала? Так хорошо начали...

— Помочь? Помочь? — он заорал, брызжа слюной, но с кулаками пока не бросался. Да и не смог бы. Тим мгновенно напрягся и с легкостью отодвинул скандалиста в сторону. — Ты уже помогла! Так помогла, что орга?н из зачарованного помещения умыкнула! И ключ не отдала!

— О, как заговорил! — фантому удалось меня разозлить. — Кругом-то я виновата. А когда в квартире пугал, так из благих побуждений, да?

Я то орала, то шипела, а Мишкой, творилось что-то странное. Внешность его то и дело менялась, сохранялся лишь возраст. Светлые, темные, рыжие — волосы перекрашивались, удлинялись и укорачивались, словно невидимый калейдоскоп перетряхивал стеклышки, меня картинки.

Апофеозом стала — дерево. Весь фантом казался вполне реальным, но волосы почему-то превратились в опилки. Теперь он напоминал сборный конструктор в руках неумелого ребенка, который переставлял детальки.

Фантом схватился за голову. В пронзительно молодых глазах плескался ужас. Он больше не смотрел на нас, не отвечал и замечал лишь себя. Мишка крутился на месте, хлопая по себе, точно это как-то могло помочь.

— Доменялся, — презрительно хмыкнул Тим, скрестив руки на груди.

Выглядел он спокойным, но подозрительный взгляд нет-нет, да возвращался к деревьям. Стоило фантому растеряться и те заворчали,

замахали ветками и начали меленькими шажочками нас обступать. Если пристально не следить, то и не заметишь.

— Как можно обменять внешность? — момент не подходящий, но после опять никто ничего не объяснит, а мне любопытно.

— Кольцо у него есть волшебное. То есть было. На пальце. Постоянно. Не знаю куда дел. С помощью него и менялся. Один оборот — один обмен.

Мишка глянул на руки и взвыл. Как можно пропустить потерю ценного артефакта?! Оказывается возможно. А может и не потерял вовсе. Баба-яга промышляет мародерством? А что, вполне реально.

— Так он и меня так мог поменять? — мысль даже не пугала — повергала в ужас.

— Не все так просто, — признавался Тим с явной неохотой. — Он должен заручиться согласием, — закончил он с тяжелым вздохом и, пряча взгляд, пояснил: — Мы случайно встретились. То есть не случайно, конечно, но тогда казалось, случайно, — рассказывая, Тим ненавязчиво взял меня за руку и потянул в сторону озера. Я оглянулась на горестно воющего Мишку, но пошла. — Отличный парень. Веселый. Компанейский. Он предложил показать настоящее волшебство. Обещал все вернуть как было. Я как последний дурак согласился.

— Подожди-подожди. Выходит, когда вы встретились, он был щелкунчиком?

До озера осталось чуть-чуть, но Тим продолжал тянуть за руку. Позади, точно на поводке, ступали хищные деревья. Они пока не пытались ускориться, ну так и мы не убегали.

— Ну был, и что с того? Он не говорил, что я стану деревянным вместо него. Речь шла о чуде, а не обо мне.

— Чудо, если вдуматься, он тебе показал, — протянула я и чуть не упала от рывка. Тим дернул с такой силой, что рука заболела. А я-то при чем? Сам облажался!

Я резко встала и выдернула руку. Попыталась выдернуть.

— Деревья, — процедил Тим многозначительно.

Только тогда я заметила, что Мишка-Ивашка бодро улепетывает в сторону обратной той, с которой мы пришли, а деревья мчатся во весь опор на нас. Больше их сдерживать некому...

В озеро мы влетели, обгоняя друг друга. Деревья сунулись следом и почавкали назад, стоило лишь одному из них потерять равновесие и бултыхнуться в воду. Огромный ствол выглядел мелким и беспомощным. Он крутился, не переставая, и отчаянно махал корнями, надеясь зацепиться хоть за что-то. Внутри него обнаружился темно-коричневый зев, который жалобно покрякивал и отплевывался от нахлынувшей воды.

Мы с Тимом отошли подальше от берега и замерли там. Деревья — на берегу, мы — в воде. Хорошо стоим!

— Может на ту сторону переберемся? — бездействие ужасно раздражало, а мокрая одежда бесила.

Тим пожал плечами, но покорно двинулся в нужную сторону. Прошли мы совсем немного. Стоило зайти на глубину, как деревья оживились и потопали по берегу в обход.

— Как я и думал, — философски отозвался Тим. — Остается только ждать.

— Чего? Бронхит мы подхватим раньше, чем им надоест. Это же деревья. У них терпения на всех нас хватит. Растут медленно. Живут долго. Тут даже заниматься нечем.

— Отчего же нечем? — странновато хмыкнул Тим и внезапно наклонился.

Поцеловал он меня до того, как я осмыслила его задумку.

Глава 5

Не знаю, сколько прошло времени. Кажется, мы несколько увлеклись...

Губы нещадно горели, как и щеки, и шея... щетина зло. Зато мысли стали медленными и тягучими. Точнее они вовсе испарились, оставив всего одну, не то чтобы неприличную, но важную.

— Ты фантом или нет? — я давно хочу это знать.

— Что значит фантом?

Тим выглядел озадаченным. Но покрепче прижать меня к себе ему это не помешало. Это он так свою реальность доказать пытается?

Краткий экскурс в теорию Сказаний и Фантомии дался нелегко. Призвать мысли к порядку удалось не сразу. Все определения перемешались и мне пришлось потрудиться, чтобы ничего не напутать.

— Баба-яга фантом, — Тим, казалось, вовсе не слушал, и предпочитал глазеть по сторонам, но вывод сделал верный. — А Ивашка, который Мишка?

— Подозреваю тоже. Только он какой-то шибко самостоятельный фантом. Внешность меняет, из сказки сбегает, морочит голову и обманывает.

— Разберемся, — хмыкнул Тим, выпуская меня из объятий и привычно беря за руку. — Как думаешь, они спят?

Деревья застыли. Листики у них поникли, а ветки слабо вздрагивали от дуновений ветерка. Я повторила его фокус с пожиманием плеч и развернулась к берегу. Не попробуем — не узнаем. А вот ответа я, похоже, так и не дождусь...

Из воды мы выходили на цыпочках и не дыша. Руки расставили в стороны для баланса, а вместо слов яростно вращали глазами. Получалось неважно. Я так и не поняла, чего хочет он, но в сторону мы направились в одну и ту же: к домику Бабы Яги. По пути нашли потерянные Тимом туфли Маленького Мука.

Повторный вопрос о фантомности не понадобился. Сперва мы помалкивали из-за риска разбудить деревья, потом Тим пояснил сам.

— Я из Архангельска, — выдохнул он, наконец. — Думал тут один такой. Попаданец в сказочный мир и все такое. Как думаешь, Ивашка, который Мишка там?

— Вряд ли. Он Бабу-ягу боится. Квитаться будешь позже, когда мой орга?нчик заберем. Я без него теперь никуда, — отозвалась я и уточнила: — То есть со стражами ты не знаком? Познакомим!

В избешке стояла такая тишина, что хоть ножом режь. Баба-яга неподвижно лежала на земле, а рядом топтались смущенные братцы.

— Вы что наделали, балбесы? — заорала я, наткнулась на руку Тима и сбавила пыл. Правильное решение, может она просто спит?!

— Крушили мечом-кладенцом, — бодро отрапортовали они, подняли реликвию лезвием вверх и резко опустили вниз.

— Рукоятью по голове настучали, — перевел Тим, — очухается, значит. Бабка с виду крепенькая, хоть и кривенькая.

Я кивнула. Баба-яга жива. Сказка продолжается. Остальное не мое дело.

— Меч забирай и сумку, — распорядилась я и помчалась внутрь, командуя на ходу. — Братцы-акробатцы за мной. Берите орга?н с двух сторон и пошли.

Братцы вошли и с недоумением оглянулись. Гляньте, до сих пор действует?! Я крутой блюститель. Очень крутой блюститель! Только сбежать отсюда по-прежнему не знаю как. И как вернуть видимость орга?ну — тоже.

— Зеркало надо отковырять сперва. Не успеем, — я сдернула тряпку с отчищенного от бутафории места и с беспокойством выглянула из комнаты. Бабка лежала, как и раньше, но это еще ни о чем не говорит.

— Постараемся, — лаконично отозвался Тим, поднимая меч. В отличие от меня, он его удерживал без видимого труда, да и одним ударом счищал сразу солидный участок. Живем!

* * *

Все оказалось не так страшно. Пока Тим чистил зеркало, я приложила ладони к орга?ну и приказала показаться. Двое из суммы заурали от восторга, подхватили его и чуть не уронили на радостях.

На мой вызов Бежка ответила раньше Фомы Лукича. К ней и направились. В тот миг, когда двое из сумы пропихивали инструмент в открытый проход, Баба-яга уже ворочалась и принималась. Суму беспокойной пары, туфли и меч мы с Тимом тоже забрали с собой.

И вот я здесь. Здесь же Фома, Тим и орга?н... все друг на друга смотрят и неизвестно в чем подозревают. Ну, кроме орга?на. Тот просто играет нечто торжественное и веселое. А я... я сижу и пытаюсь не растечься усталой лужицей. Спать-то как охота.

— И где скрывался только? — Фома Лукич прекратил елозить носом по волшебному инструменту и вперил суровый взгляд в Тима. — Я же все дороги отслеживал. Все надеялся помощника этой бедовой найти.

Я насупилась и... душераздирающе зевнула. Парочка таких зевков и вывих челюсти обеспечен. Сами они бедовые, а я потеряшку почти самостоятельно вернула. Мишку-Ивашку тоже сыщу. Сама. Вот.

Тим нахально улыбнулся в ответ. Все это время он вел себя на удивление тихо. Смирно сидел, крутил только головой и помалкивал. Для достоверного образа мальчика-зайчика не хватало ладоней, прижатых к коленям.

Слова стража возымели на него обратное действие. Пристыдить не удалось. Известие о собственной неуловимости он воспринял как медаль за отвагу на грудь.

— А я щелкунчиком был. Меня Мишка, который Ивашка обдурил. Щелкунчика видели?

— Видали. А как же, — Бежка вскочила с лавки и встала напротив Тима, точно ища похожие на деревянного человечка черты. — Мы же за вами по блюдечку все время приглядываем. Давним порядком так заведено. Не все места оно показать может. Свиток в Беловодье вот ему не доступен. Но большую часть пути отследить возможно, — страж благодушно покивала и внезапно гаркнула: — Ключ-то верни. Верни ключик!

А я и позабыла, что они в курсе потери. Про пропажу ключа они мне ни разу не напомнили с его исчезновения. Небось, сами втихомолку щелкунчика по блюдечку искали. То-то они меня непутевой считают. А я еще обижалась на молчание и недоговорки.

— Да запросто! — Тим вытянул из-под рубахи шнурочек, что всегда болтался у него на шее. А ключ-то все время рядышком был. —

Я его от Ивашки спрятал. Тот на него давно нацелился. А у меня как в сейфе.

— Что же не вернул тогда? — проворчала я, забирая собственность. Впрочем, ответ и так знала. Что уж тут непонятного?! Объясняться не хотелось.

Тим хмыкнул, но извиняться и не подумал. Спросил он вовсе не то, что ожидалось:

— Меня теперь вернут домой и проход закроют, да? За нарушение порядка.

— Надо бы, — кивнула Бежка, но глаза ее лучились весельем. — Но блюстителями не разбрасываются. Вас у нас и так мало. А территория растет и растет. Вдвоем вам и безопаснее будем.

— Это еще доказать надобно, — Фома деловито вошел дом и крикнул оттуда: — А ну подь сюды.

Я проследовала за Тимом и стражами. Догадываюсь для чего его позвали. Интересно увидеть снова ту процедуру, что и я прошла при знакомстве с Фомой Лукичом.

Страж не обманул ожиданий. Он дождался, когда Тим приблизится и скомандовал:

— Руки прижимай.

Со стороны все выглядело куда страшнее. Зеркало походило на расплавленный металл, что текуче обволакивает руки Тима. Красноватое сияние ползущей вокруг его рук змейки создавало ощущение жара. Хорошо, что не видела этого раньше, иначе ни за что не согласилась бы на жуткую процедуру.

— Зеркала приняли тебя, — Фома Лукич лучился важностью, хотя в результате не сомневался. Лесовичок неторопливо прошествовал вглубь комнаты и принес ключ, очень похожий на мой. — Теперь у тебя есть право личного входа.

— Шнурок не отдам, — я скрестила руки на груди, и попыталась придать лицу грозное выражение. Тима мои потуги насмешили. Хреновая из меня воительница, раз даже напарник не верит в силу. — А как ты нормальную внешность вернул? — спохватилась я. Самое главное забыла спросить.

— Ключ помог, — он рассеяно улыбнулся, погружаясь в воспоминания. — Я его крутил, крутил. Все думал, как тебя найти,

чтобы Ивашки рядом не было. И случайно к зеркалу приложил. В первый-то раз случайно на тебя вышел. Искал Ивашку, а нашел тебя.

А поток ключ помог искать. Стоило его к зеркалу приложить и назвать твое имя, как оно тебя и показывало. Очень удобно. — Я заподозрила, что с возвращением ключа он тянул не только из-за крутящегося рядом Ивашки, но разоблачать не стала. — Мишку я тоже искать так пробовал. Только ни разу не нашел. Теперь ясно почему.

— Ключ волшебный? Я думала он только с зеркалами работает.

— Не совсем, — Бежка вышла во двор, и чтобы слышать пришлось отправиться следом. — Волшебства в нем немного. Но одно интересное свойство есть. Если зеркало открыто ключом, то любой морок как водой смывает, коли пройдешь сквозь него.

— Потому у Ивашки чары засбоили, — Фома остался в домике, накрывать на стол. Хозяйственный лесовичек, наконец, вспомнил, что мы не кормленные. — Внешность-то заемная к владельцу вернулась. Кабы он только с фантомами менялся, беды бы не было. Но блюстититель — совсем другое. Он поди думал, что внешность блюстителя и силу его подарит. А внешность — это только внешность. Силу так просто не отнять. Зато свой облик после фантому вернуть сложно.

— Он так и будет все время изменяться? — мысль откровенно пугала. К Мишке я успела привыкнуть. Жаль его.

— Чего не знаю, того не знаю. Впервые такое у нас. А вот способность стареть он похоже случайно перенял. Фантомы-то возраста не имеют. Чай пить идите. Волшебнички, — крикнул Фома и вопросы прекратились сами собой.

Мне казалось, аппетит произошедшее отбило напрочь, но увидев стол, уставленный снедью, невольно сглотнула. Я не только спать хочу, я еще от голода умираю.

Ели мы в молчании. Информации вышло слишком много и в голове творился бардак. То, что Тим на моей стороне радовало. Одной шататься по сказочным дорогам не так страшно и тоскливо. То есть весело, конечно, но в промежутке между битвами и приключениями ужасно скучно. Даже поговорить не с кем. По блюдечку и зеркалам часто не побеседуешь. Связь прерывистая. Идти с тарелкой в руках неудобно: яблоко соскальзывает.

Но больше другого беспокоил орга?н. Он охотно откликался на силу и не умолкал ни на минуту, но управлению поддавался плохо. Волшебный инструмент обладал упрямым норовом и своевольным характером. А его способности слишком уж разнообразны.

Но это все после. А сейчас есть и спать.

* * *

К изучению орга?на мы приступили только на следующий день. Тим фонтанировал энергией и плохо скрывал восторг. Я к мысли о причастности к волшебству уже привыкла, а для него торжественное звание блюстителя сказочного порядка — в новинку. А уж известие о собственной силе и способностях — кого угодно перевернет с ног на голову.

Волшебный инструмент охотно разрешил нам приблизиться, даже согласился сыграть на заказ, но на этом успехи закончились. Он играл. Мы смотрели. Ничего не происходило.

То есть происходило много чего, да все не то. Жители деревни уже устали петь и плясать и затыкали уши, заслышав первые аккорды. Вода в колодце превратилась в ситро, а придомовые заборы обзавелись живыми калитками. Теперь, чтобы пройти к кому-то, приходилось не только стучать, но и объяснять воротам зачем идешь. Иначе те не открывались. Многим нравилось.

— Мы все делаем не так!

Шла вторая неделя наших экспериментов. Я сменила джинсы на привычный здесь сарафан и кокошник. Тим щеголял в светлых штанах и красной рубаше. Оба мы так слились с деревней, что местные за своих почитали и даже здоровались.

Тим вытеснил меня с табурета, и сам уселся перед инструментом. Эти кнопки и рычажки он уже и перерисовал, и нажимал в разном порядке, но ничего так и не добился.

— Мы нажимаем, или играем сами, так? — я кинула, не понимая к чему он клонит. — А меж тем, ты говорила, что орган тебя слышал. Там у Бабы-яги. Так?

Об этом эпизоде в ворохе дней и событий как-то позабыла. А ведь правда, там я не пыталась ничего нажимать, только просила. И

волшебный инструмент неплохо меня понимал. Ну еще, силой его подпитывала. Задумка приобрела четкие очертания.

Я сбегала за табуретом и уселась рядышком. Мы с Тимом взялись за руки и положили свободные ладони на орга?н.

Тот в ответ умолк так внезапно, что тишина показалась зловещей. Рука вспотела от страха. Тим послал успокаивающий взгляд и спокойно сказал:

— Он просто боится прослушать. Не похож он на мирового завоевателя, иначе тут давно бы хаос творился. — Орга?н брякнул, будто невидимый музыкант коснулся всех клавиш разом и умолк. Согласился, стало быть.

— Ты должен поменять страницы сказок местами. По-другому порядок в Фантомии не восстановить.

Орга?н озадачено молчал. Что не так-то?

— А где находятся эти страницы сказок? — вопрос задал Тим, но инструмент отозвался гулом. Так вот в чем дело?! Он не понял задание.

— Свиток хранится в Беловодье. Помнишь, мы там уже были.

— Так почему мы здесь? Сказки больше не сбоят, переход через зеркало доступен. Ключи у нас есть. Берем орга?н и туда.

Двое из сумы появились так быстро, точно устали сидеть в добровольном заточении. Они радостно ухмылялись и потирали руки. Проход с Тимом мы открывали сообща, выбрав для перехода одну из внутренних комнат библиотеки, единственную, где нашлось зеркало. Братцы с готовностью подхватили инструмент и нырнули в зеркало с радостным улюлюканьем. Ничего их не берет.

Свиток нас ждал. Точно ждал. Он озарил комнату столь ярким сиянием, что сомнений не осталось. Орга?н мы поставили максимально близко. Сами отошли подальше, и издалека же Тим командовал:

— Приступай. Задание тоже.

В столь высоком помещении орга?н играл впервые. Мелодия тонкими ручейками разливалась по залу, забиралась под потолок, отталкивалась и стекала обратно.

В последние дни волшебный инструмент играл много. Грустные, восторженные, торжественные — я слышала много мелодий, но эта поразила. Она несла спокойствие.

При первых же нотах сумятица, царящая на душе, начала стихать, сменяясь на умиротворение. Взбудораженность последних дней отступила. Стало ясно, выбор верен.

Братцев я загнали в суму. Мы с Тимом держались за руки и следили за свитком. Тот же не мог удержаться на месте. Он приподнялся и завис над постаментом. Сияние вокруг усилилось. На миг показалось, что все-таки ошиблись. Свиток словно пылал в этом свете и непрерывно крутился.

Орга?н смолк. По свитку пробежала рябь и исчезала. Воцарилась пронзительная тишина. Вышло или нет?

— Читаем? — разворачивания свитка я ждала не без тревоги.

В этот раз ждать пришлось недолго. В предыдущий раз свиток заполнил всю комнату и приподнял меня над полом примерно на метр. В этот раз нам хватило и кончика, что не коснулся пола. Сказку я читала вслух. Тим внимательно слушал.

— Вторую я, — он забрал свиток и приступил к негромкому бубнящему чтению.

Потом мы читали третью и четвертую. Нам все, казалось, что уж пятая и шестая точно будут бракованными. Но нет. Разрозненные части вернулись на места.

Что же, мир и порядок в сказочную реальность мы вернули. Осталось найти обнаглевшего фантома.

Часть IV. Глава 1

Мы почти победили. Двум соседствующим реальностям: Фантомии и Сказании больше не угрожает исчезновение. Волшебный орга?н занял почетное место рядом со свитком, Фома Лукич и Бежана Тихомировна, стражи этого мира, знакомятся с новым блюстителем сказочного порядка Тимуром, а я слоняюсь без дела. Оттого и мысли в голову лезут разные, но все как одна дурные.

Поймать буйного фантома — сказочного персонажа — Мишку, который на самом деле сбежавший из сказки «Гуси-лебеди» Ивашка, мы так и не смогли. Следов он не оставляет, а через зеркала скачет так, что солнечным зайкам учиться и учиться.

От Мишки-Ивашки паника плавно перебралась к Тиму. Ключ, который я так беспечно сняла и бросила, он мне давно вернул, свою похищенную фантомом внешность — тоже. И вроде живи да радуйся, но беспокойство жужжало над ухом и не давало расслабиться. Тим старательно изображал спокойствие. Я тоже. Но память... память убить не так уж и просто.

Стоило взглянуть на него и спокойствие исчезало. Я разобралась с волшебным орга?ном, свитком и с собственной силой, но разобраться с нашими отношениями не могла. Да и есть ли они у нас? Тим все чаще играл в гордого и неприступного блюстителя, а я... я тоже умею быть гордой.

Паника и рефлексия мне вообще-то не свойственны. Только навалившимися проблемами и неудачами можно объяснить эти бесконечные прогулки по деревенским улочкам и выматывающие размышления. В конце концов так утомилась от себя, что волевым усилием стала гнать назойливые мысли. Прогулки тут же стали приятнее, общение Тима и стражей перестало раздражать, а улыбаться я стала чаще.

Изменения не заставили ждать. В одну из таких прогулок меня нагнал Тим. Он шел рядом, загадочно молчал и только рассматривал меня все внимательнее. Я же запечатала губы на замок, призвала всю силу воли и твердо решила не начинать разговор. Ему надо, пусть и выкручивается.

Кажется, к такому выводу мы пришли одновременно, потому как мой визави молчал, таинственно улыбался и хмыкал, точно вел не слышную беседу. Его собеседник, судя по всему, отличался болтливостью, чем смешил Тима. Что ж, таинственно улыбаться, я тоже умею.

— Что случилось? — наконец спросил он.

И все что ль? Удивление сдержала с трудом, фыркнула так, что лошади сдохли от зависти и процедила коронное: «Ничего. Тебе показалось!».

Тим хмыкнул в очередной раз. Губы его дрогнули в улыбке и тут же сжались в линию. В отличие от меня, его этот разговор забавлял. Он снова чтослучикнул, я снова ничевокнула. Мы умолкли, а через минуту заевшая пластинка вышла на новый круг.

Не знаю какой реакции ждала и какого вопроса, но не такого. Он должен был... я задумалась, прикидывая чего жду. Он снова чтослучилкнул, но в этот раз я не стала отвечать. Не до того, тут вопрос почти мирового масштаба.

Он что-то еще спрашивал, кажется на этот раз другое, а я пыталась разобраться в себе. Если он сейчас признается в пламенной любви — не поверю, если захлебнется в рыданиях — отвернусь. Чего же я жду? Не этого...

Занимаясь изысканиями, я несколько выпала из реальности. Даже руками пару раз махнула, проигрывая ситуации. Его хмыканье приобрело двойной смысл, но не прояснило ситуацию. Что делать-то?

Тим прекратил кидать в пустоту вопросы и тоже молчал. Я перевела на него взгляд, он изучал меня так задумчиво, словно сомневался в умственных способностях. Моих.

Я закусила губу. Молчание загнало разговор в тупик, и выбраться из него не так уж и просто. Тим добродушно улыбнулся, разглядывая меня, и... поцеловал.

Слова потеряли смысл. Я отбросила дурацкие домыслы, что загнали сюда и расслабилась. Дышать стало легче, а допытываться до правды расхотелось. У каждого своя правда, главное вовремя это понять.

— Не грузись о том, чего нет, — шепнул он, отодвигаясь.

Я тут же выкрутилась из объятий.

— Как нет?

— Вот опять. Я о Фоме, ты о Бежане. Я говорю, голову ерундой не забивать, а ты тут же все на нас переводишь. Мы есть, — твердо сказал он, — а той чуши, которой забита твоя голова, нет. Завязывай с ерундистикой.

— Ах вот ты о чем, — протянула я.

Слова понравились. Правильные слова: мы есть! А как же иначе?!

— А я не только о ерунде думаю, — мы шли по улице и по-детски держались за руку. Глупо и приятно одновременно. — Я придумала как Мишку... фантома поймать.

Я немного бахвалилась, но небольшой план действительно наметила. Строился он, как ни странно, на старости. Ивашкиной. Бессменные стражи Сказания Фомы и Бежка сказали, что способность не стареть беглый фантом утратил. В последнюю встречу выглядел он удручающе, и жизненные силы терял с ужасающей скоростью, а значит...

— Нам понадобятся молодильные яблочки и людская молва. Сам придет.

— А зачем? — незаметно мы вернулись к избе Бежаны, где обитали в последнее время, но проходить внутрь не стали, а замерли за околицей. — Оставим как есть, и он сам умрет. От старости. И ловить не нужно.

— Об этом я думала. Но ты уверен, что он способен умереть? Он как-никак фантом, а не житель Сказания. А злой и постаревший Ивашка способен на такое, что молодому Ивашке и не снилось.

Тим озадаченно почесал затылок и отворил калитку. Страж обнаружилась в домике. Она застыла над блюдечком, по которому катилось наливное яблочко, но разговора слышно не было. Очень интересно.

Мы тихонько приблизились. Она следила за Бабой-ягой. Той самой, которая недавно собиралась съесть меня, но не сразу целиком, а планировала начать с ног. Чтобы надолго хватило. Меня. Сейчас рядом с ней находилась маленькая девочка с волосами цвета спелой пшеницы

— А Ивашка? — вопрос прозвучал в унисон, и мы с Тимом с улыбкой переглянулись. — Восстановилась сказка, выходит?

— А мы его искать собирались. — Вообще-то, искать его собиралась я, но Тим благородно промолчал.

— Правильный порядок сказок орга?н и свиток восстановили, — Бежка не отрывала взгляда от происходящего в чадающей избушке. — Правильная сказка не может без персонажа. Ивашка пропал. На его места переместилась сестрица Аленушка, которую теперь некому спасать.

Кажется, я запуталась.

— Так Ивашку надо искать или нет?

Тим поддержал меня сосредоточенным взглядом и энергичным кивком.

— А сами как думаете? — нараспев отозвалась страж. — Баба-яга только что получила или новый ужин, или новую ученицу. Одного ученика она уже воспитала. Теперь по всей Сказании скрывается.

Это была грустная страница в истории Фантомии. Однажды сказки в ней перепутались настолько, что сестрица Аленушка так и оставила в услужении у Бабы-яги братца Иванушку. Тот повзрослел, обучился колдовским премудростям и сбежал. Теперь он предпочитал представляться Мишкой, чтобы по блюдечку сложнее найти было. Человеком не стал, но свободу от роли персонажа получил.

— И где теперь наш Ивашка?

— Прячется. Новое чего-то изобрел. В блюдечке больше не отображается вовсе. — страж поймала яблоко и запустила его на новый круг: — Катись, катись яблочко. Покажи нам Ивашку, который Мишка.

Яблочко катилось, картина мигала и рябила красно-черными полосами, но полноценное изображение так и не появилось. Вместо звука прорвался каркающий смех, и то ненадолго. Яблоко замерло, Бежка всплеснула руками.

— Закрылся ирод окаянный. И где только нахватался знаний? Таким волшебством у нас только Змей Горыныч владеет. Да и тот прячется не всегда, а лишь когда на охоту вылетает. Не отследили чтобы.

— А голос у Ивашки совсем чужой. Не узнать. Старческий голос. Помрет похоже скоро. А на его место новый Ивашка придет, и сказка восстановится.

— Тю-ю, этот помрет, — она убрала бесполезное блюдо с яблоком и строго посмотрела на нас. — Не может он помереть.

Фантом, он и есть фантом. Фантом умирает, когда сказку заканчивают рассказывать. А его сказку помнят пуще прежних.

— Но он-то из сказки сбежал, — вскользь заметил Тим.

— А толку. Фантомия все равно его помнит и держит. Со временем связь ослабнет, но это когда будет. Просто так этот ирод не сдастся. Времени у него ого-го сколько. Бед наворотить можно столько, что полной ложкой хлебать устанете. Так что найти его нужно и чем скорее, тем лучше. Собирайтесь-ка ребяташки в дорогу.

— Клубочек дашь? — в предыдущий поход ее путеводный клубок мне здорово помог. И заблудиться не позволил и кратчайшую дорогу указал.

— Клубок указывает путь к тому, что есть и неподвижно. А Ивашки-Мишки как бы и нет. К тому же мечется он, как бесноватый. Самим искать придется.

— Молодильные яблочки существуют? — Тим выглядел собранным и деловым. Комнатушку он осматривал так, словно вещи давно заготовил и ждет команду к отбытию.

— Чего же не существовать? В Фантомии сохранились. Хотя сила их не на всех действует. Фантомам помогает, сказанцам — через раз.

— Нам только приманить.

В этот раз мы собирались неторопливо и обстоятельно. Спешить больше некуда, а забывчивость может стоить жизни. Терять Ивашке-то нечего.

Наряды подбирали сообща, подстраиваясь под ту сказку, в которую предстояло отправиться. Вид царевна русская обыкновенная одна штука, конечно, эффектен, но для дороги очень неудобен. Белое платье слишком маркое, нитки жемчужных бус слишком тонкие, а украшенный драгоценными камнями кокошник ужасно давит на голову.

Наряд Тима мне показался гораздо удобнее. Красная с золотом шапка скрывала слишком короткую для Сказания стрижку. Кафтан он крепко подпоясал, штаны заправил в высокие сапоги, которые для местных дорог определенно удобнее, расшитых сапожек. По скрытым карманам распахивал мелочевку.

А у меня лишь котомка в доступе. Помещается в нее много, но от наряда царевны простенькая вещица слишком уж отличается. Ну уж что есть.

Бежка ковырялась в запасах, выискивая, что можно сунуть нам с собой. Примчавшийся Фома суетливо подбирал подходящее для выхода зеркало, чтобы попасть как можно ближе к тридесятому царству во владения богатырки Синеглазки. А я... я вспомнила, что дома не была с тех пор, как Ивашка меня запер в избе Бабы-яги.

— Мне бы домой заскочить. Хотя на минуточку, — голос мой прозвучал излишне жалобно как у сиротки на паперти. Возвращаться назад не запрещали, но отчего-то ужасно неудобно.

— Заскочи, — не отрываясь от поиска согласились стражи.

Тим встрепенулся.

— Только со мной. А то стоит выпустить тебя из виду, сразу исчезаешь.

Поклеп. Не сразу. Но спорить не стала. После того как фантом устроил в моей квартире светопреставление с пузырящимися полами и грохотом, возвращаться туда не то чтобы страшно, скорее неудобно.

Через зеркало мы прошли, держась за руки, чтобы точно не разминуться. Фантом регулярно удивлял всех сюрпризами, и зеркалами для перехода пользоваться тоже умел.

Глава 2

В квартире царило запустение. Вроде ничего не изменилось и даже погром характерный для прихода Мишки-Ивашки не появился, а ощущение будто здесь давно никто не живет. Так оно и есть, вообще-то, но дом я покинула не настолько давно, чтобы в нем возникла гнетущая атмосфера заброшенности.

— Твоя квартира всегда напоминает склеп, из которого изъяли мумию?

Тим кошачьим шагом двинулся в обход по комнатам. Я пристроилась следом, выискивая взглядом несоответствия вроде внезапно исчезнувших статуэток или появившихся зеркал. Хотя зеркала фантома предпочитает прятать и никогда не оставлял на виду.

— Я же редко тут бываю, — логично вроде.

— Я в своей бываю не чаще, а такого ощущения нет.

— Ивашка повадился ко мне в гости заглядывать, — покачалась я. — Но это было до того, как убрала все зеркала. Даже под ковром их нашла. Он оказывается подстраховался.

— Все? — Тим усмехнулся и кинул ироничный взгляд на большое до пола зеркало в прихожей. — Даже это?

— Упс, а слона-то я и не заметила. Когда я дома, я его закрываю, чтобы активировать было нельзя. А сейчас... забыла как-то.

В теории Фома Лукич лично занимался защитой моей квартиры от пронирливых фантомов, в практике — Мишка умеет удивлять.

Мы обходили комната за комнатой. С виду ничего не изменилось. Но тягостная атмосфера продолжала сгущаться. С каждым шагом я ждала, что вот-вот заходит пол ходуном, померкнет свет и неизвестно откуда раздастся грохот. А его все не было и не было.

— Не понимаю, — Тим казался сердитым и озадаченным. — Все говорит за то, что фантом к твоей квартире не равнодушен. Так почему следов воздействия нет?

— Потому что не вам дилетантам колдуна за руку ловить, — отозвалось зеркало скрипучим голосом.

Ивашка изменился. От внешности Тима, которой он пользовалась последнее время, не осталось и следа. Если постараться, сквозь седину

можно было рассмотреть пшеничный цвет волос, а вот глаза казались выцветшими до бельма. Подслеповатый внешне взгляд, однако, глядел пристально и ясно.

— Почему ты все еще в своем облике? — спросила я, как можно простодушнее.

— Кольцо-то я потерял, забыла? — помнила, только думала, снял по ошибке.

А оно вон как. Подозреваю волшебный артефакт банально сбежал от неугодного владельца. Разумные вещи они такие. Сами решают работать им или нет, на благо или нет.

Сейчас Мишка не выглядел злым, скорее усталым и запутавшимся. А я и вовсе помнила его другим: веселым и беззаботным. Развеять нарушившего правила фантома будет сложнее, чем казалось. Не потому, что он силен, а потому что я слаба. Я так и не научилась воспринимать его как сказочного персонажа. Для меня он останется Мишкой, что помог добраться до свитка сказок, пусть и не без умысла.

— Меняю молодильные яблоки на кольцо, — вдруг выпалила я.

Тим сосредоточился на контроле зеркала, не давая фантому прорваться, ну а я забалтывала.

— Сперва покажи, — Мишка-Ивашка прикипел взглядом ко мне.

— Ты же потерял кольцо...

— Я его найду, — хмыкнул он. — У меня и без кольца много интересного для обмена. Где яблоки?

— Пока в зачарованном саду, — я развела руки в стороны. — Но, если ты готов к обмену, мы их достанем.

— Готов. Ищите, — коротко кивнул Мишка.

Для него такой подвиг нынче не под силу. Он резко разорвал связь. Зеркало превратило изображать видеодомофон и выглядело самым обычным.

— Я так и не понял, где он, — вздохнул Тим. — Он все время держался в темноте. Но открыть сюда проход, я ему все же не позволил. Хотя он и старался.

— А это неважно, где он. Он теперь сам нас найдет. Надо лишь яблоки достать. Ты лучше придумай как зеркало защитить. А то мне в квартиру возвращаться страшно.

— Уже придумал. Кстати, я понял, что не так с твоей квартирой. Пошли покажу.

Он повел меня в гостиную, ту самую, в которой меня так часто не отпускало ощущение чужого взгляда. Вроде, все как обычно. Вот комод, который стоит ну очень давно. Шкаф. Стол с рабочим компьютером: я работала на удаленке. Диван, громоздкий и неуклюжий. Статуэтки, сильно поредевшие после хулиганства Мишки-Ивашки. Что здесь может быть не так?

Тим подвел к стене, на которой расположились простенькие картины. Даже не картины — фотографии в рамочках. Идею я подглядела у бабы Груни. Она использовала для украшения семейные фото, а я — найденные интернете. Идея, в общем-то, не нова, да и оформление подкачало, но пустая стена раздражала больше. И вот на эту кхм... экспозицию и указывал Тим.

— Это не я фотографировала, — открестилась я, на всякий случай. Ну мало ли, может его зверьки раздражают?!

— Да при чему тут фотки, — отмахнулся он. — Внимательнее смотри.

Чего я там не видела? Все картинки знаю наизусть, могла с закрытыми глазами указать, где что. Я удивилась, конечно, но спорить не стала. Смотрела и смотрела. Фигу? Нет, фигу не видела тоже. Только поднадоевшие картиночки.

— Ты не так смотришь, — Тим пристально следил за моим взглядом и его собственный становился все более раздраженным. — Смотри как на фантома.

— Ну это смотря на какого, — Мишку, например, разглядывать бесполезно. Свою фантомную сущность он скрывает мастерски, хотя с остальными работает.

Но, тем не менее, я послушно призвала силу, что есть у всех блюстителей сказочного порядка. То есть все о ней слышали, никто не видел, но все верят. Да и как не верить, если тот же волшебный орган подчинялся мне и игнорировал Мишку.

Стоило призвать, квартира стала будто не моя. Она выцвела, становясь бледной копией самой себя, и лишь одно место сияло по-прежнему ярко: фотографии на стене.

Я мотнула головой, прогоняя загадочное видение. Потом осторожно коснулась рукой. Материальнее некуда. Но как? Как? Если

Фома лично занимался квартирой.

— Стражи? Я думала они на нашей стороне.

— Скорей уж Мишка. Так он и узнает, что ты дома.

Верить в увиденное не хотелось. Может у нас коллективная галлюцинация? Да и опыта в волшебстве маловато...

Я сбегала к зеркалу и решительно позвала стражей. Через минуту они уже оба выбирались из него.

— Чего натворил это бесноватый? — Бежка влетела в комнату с таким видом, что на месте Мишки я бы не рисковала с ней встречаться.

— Что это? — я тыкнула пальцем на стену.

Стражи застыли. Глаза у них чуть светились, выдавая призыв силы.

— Этого раньше не было, — Фома очнулся первым и подскочил к стене, ткнув в нее сухонькой рукой-веткой. — Я же сам с твой квартирой работал. Не пропустил бы.

— Какой сильный фантом... — Тим ни к кому конкретно не обращался, но Бежка среагировала мгновенно. Задело, стало быть.

— Фантому такое ни под силу. Он сквозь нашу защиту пройти не способен. Дорожку ему другие указывали. А вот кто... Одно лишь скажу, наши сказанские.

— Чего сказанские-то сразу? — буркнул Фома. — Блюстители тоже могли. Они, когда опытные, и не такое могут.

— Э-э-э, думай кого обвиняешь. Зачем мне самой за своей квартирой следить.

— Это он на меня намекает. Одно не пойму, зачем я тебе свой секрет выдал, — сказал это Тим до того беспечно, точно всерьез обвинение не принял.

— Да не о вас он, — раздраженно перебила Бежка и прикрикнула: — Марш в мой дом. Мы тут все почистим и следом придем.

Минут через десять все были в сборе. Стражи настороженно осматривали дом, точно подозревали, что некто дотянулся и до сюда. Они хмуро переглядывались, и явно не знали с чего начать.

— Начните с начала, — хмыкнула я.

Этот кладезь таинственности я пыталась расковырять уже не первый день. Стражи, что были куда старше, чем выглядели, явно считали меня слишком маленькой и старательно оберегали от лишней

информации. Я думала, с приходом Тима ситуация изменится, но его приравняли ко мне.

— Тут откуда не начни, все недостаточно, — посиделки мы устроили в доме.

Фома Лукич крепко закрыл дверь и даже выглянул перед этим наружу, выискивая чужие уши. Целиком-то тут и мышь не проскочит. Только у ушей шанс и есть.

— Давно это было, — задумчиво протянула Бежана, глядя в окно.

Говорить им не хотелось и каждый надеялся на другого. Если так и будет продолжаться, то узнаем мы подробности лет через пять. Раньше вряд ли уложатся.

— Так давно, что и не вспомнить, а записывать страшные события мы не рискнули, — замогильным голосом подсказал Тим.

О, ему тоже надоело вытряхивать информацию.

— Почему не вспомнить? — оскорбился Фома Лукич. — Все я хорошо помню, только не уверен, что это оно самое. Оболгать, знаешь ли проще простого. А точно мы ничего не знаем. Так догадки да предположения. Не проверенные.

— Не все блюстители одинокого порядочны, — вздохнула Бежка. Интерес к окну она потеряла, но нас смотреть избегала. — Разные бывают блюстители.

— А что вы делаете с теми, кто непорядочен? — я по простоте считала, будто все так дорожат этим местом, что о плохом и подумать боятся.

— Изгоняем. Путаем воспоминания... В идеале.

Окончание не понравилось. С воспоминаниями как раз все в порядке. Не могут они просто так выпустить тех, кто с ними больше не связан. А вот «в идеале» звучит очень подозрительно.

— Особо умных не шибко-то изгонишь. Да и к памяти своей они не подпускают. Приходится двери запечатывать, ключи, само собой, отбирать, а там, — Фома Лукич раздражено махнул рукой и подошел к печке.

Чай будем пить, значит. Он все вопросы предпочитал решать чаевничая. То ли чего успокоительного в кружки подливал, то ли сам после нехитрого действия успокаивался.

— Много таких было? — Тим вместе с табуретом передвинулся к столу. Ага, тоже заметил приготовления.

— По-разному, — Бежка присоединилась к сборам, доставая сдобу, цукаты и конфеты, собственноручного приготовления. — Только большинство уходит самостоятельно. Наш мир их пугает, а сказки не интересуют. Редко кто буянит. На моем веку всего трое таких было. Один слишком стар уже для чего бы то ни было. А двое может и трепыхаются еще.

— Вообще-то, мы отслеживаем всех смутьянов, — Фома Лукич подсел к столу, отпил чай с насыщенным запахом смородины и меда и расплылся блаженной улыбкой. Хорошее настроение возвращалось к лесовичку так же стремительно, как и покинуло. — И за этим недавно смотрели. Тихо сидел дома, работал, никому не мешал.

Хмыканье я сдержала, ограничившись глотком обжигающего чая. В памяти еще свежи события нашего знакомства. Тогда они пришли за помощью к моей бабе Груне и с удивлением узнали, что та умерла от старости. Сказанцы жили, пусть и навечно, в отличие от застывших во времени фантомов, но долго. И все время забывали, что век людей короток. А блюстителю поголовно с нашей стороны.

— Я все считаю, столько лет-то прошло? — Бежка напряженно рассматривала кружку с чаем, точно в ней и прятались ответы на все вопросы. — Пять? Семь?

— Да почитай полный десяток-то минул.

Десяток. Я тоже призадумалась. Десять лет назад мне было двенадцать. Ровно в двенадцать не скажу, но в мои четырнадцать баба Груня точно уже прятала зеркало за шторой, и все время к чему-то прислушивалась. Знала? Догадывалась? Или вовсе отказала на предложение беглого блюстителя «поработать» вместе?

Ее дневник я расшифровала не полностью. Мальчик-с-пальчик, который в этом помогал, быстро уставал. А без него бисерный бабушкин почерк и сокращения прочесть не удавалось. Да и времени у него и у меня в обрез.

— А сколько вы живете? — Тим округлил глаза.

Меня их отношение ко времени тоже когда-то удивляло.

— Давненько сынок. Вы столько не живете, — тонко улыбнулся лесовичок. — Блюстителя того мы поймать так и не смогли. Ох и верткий. Сперва буянил много. После присмирел. А мы успокоились. Затаился, стало быть.

— А может не он. Может это Баба-яга Мишке-Ивашке помогает? — ну не представляют я злорадно строящего козни блюстителя. Зачем ему? — Вы же небось все зеркала запечатали. Как он прошел-то?

— Так же, как и Ивашку выдернул из сказки и разумом наделил. С одним справился и со вторым точно справится, — Бежке все как раз казалось логичным и понятным. — Для чего, вот это не соображу? Ну есть у него фантом в подчинении и что?

— Вот и мне не ясно, чего он затевает-то? Как ни кручу, а главного сообразить не могу. Бессмыслица. Как есть бессмыслица, — тоскливо отозвался лесовичок, брезгливо глядя на чай. Похоже даже любимый напиток прекратил действовать.

— А вы нам ушедших блюстителей сдайте. Мы разберемся, — предложила я. — Я в своей квартире тоже пригляд не находила. Привыкла, потому как. А Тим сразу вычислил. Вы эти истории вдоль и поперек изучили. Ничего нового выцепить уже не сможете. А мы может и сыщем. Свежим-то взглядом. Все равно за яблоками идти. Фантома-то ловить по-прежнему нужно. Где фантом там и блюститель.

— А что? Динуся дело говорит, — оживилась Бежка. — Пусть смутьянов сами проверят. Может, зацепят чего взглядом.

— Всех, — вдруг тихо вмешался Тим, привлекая удивленные взгляды. — Не только смутьянов. Всех. Вряд ли, их было слишком много. Смутьянов вы проверяли уже не по разу. А мы проверим всех!

На том и порешили. А вскоре после чайного совета мы отправились в путь.

Глава 3

Из уютного домика стража, зеркало привело прямиком в мрачное помещение. На стенах факелы. Украшения и отделка отсутствуют. Только природный материал. Только камень.

— Как думаешь у них дубинки есть? — шепнула я так тихо, что сама себя расслышала с трудом.

Дикари к такому антуражу подошли бы отлично. Хотя зеркало, встроенное в стену, несколько выделялось их общей аскетичности.

— Скорее мечи, — Тим хмуро осматривал помещение, ища выход. — Какому-нибудь ордену тайных рыцарей тут самое место.

Выходом оказалась дверь такого размера, что я содрогнулась. Какого же роста местные жители?! Лишь после этого заметила непомерную высоту потолка. По моим подсчетам он находился примерно на уровне второго этажа. Я пихнула в бок Тима и молча указала вверх, тот присвистнул и процедил сквозь зубы:

— Лучше нам с ними не встречаться.

Я мысленно согласилась. Из оружия у нас только меч-кладенец, которым разве, что капусту рубить. Поднять его Тим, конечно, мог, но искусством ведения боя не владел. Оно и понятно. В нашей реальности — это умение давно и прочно забыто.

Дверь, как ни странно, открылась легко: ни скрипа, ни звука — ход плавный, словно рассчитан именно на нас. Яркий свет заставил зажмуриться. Разглядеть куда вышли, удалось не сразу. На глазах выступили слезы, затуманивая происходящее. Сквозь туманную пелену проступила кромка моря. И даже звук характерный, посвистывающий.

Когда глаза полностью открылись, Тим уже осматривал местность. Он не ругался, не удивлялся, не махал руками, пытаясь отогнать навязчивое ведение. Молча стоял. Молча смотрел. В глазах не ужас, а растерянность. Ну еще бы. Не каждый день попадаешь на самую вершину скалы.

Я глянула в пропасть. Дно ущелья скрывалось вдали. Рассмотреть, где заканчивается спуск — не удалось. Может, если подойти ближе, но

рисковать не хотелось. Высота не пугала, но когда до земли так далеко, без разумной осторожности не обойтись.

— Надо сваливать отсюда, пока хозяева не вернулись, — Тим развернулся и бодро пошел на другую сторону уступа. Вопрос «как?» повис в воздухе.

Я направилась туда, где виднелось подозрительное углубление в скале. Размером оно тянуло на добрячую пещеру, а издалика казалось пустующим. Самое время заглянуть.

— Ну, что у тебя там? — крикнула я на ходу.

— С этой стороны еще хуже, — мрачно отозвался Тим.

В пещеру мы вошли вместе. Она производила впечатление жилой и ухоженной. На полу чистая толстая подстилка, в углу необъятный столик с посудой такого размера, что в чашке можно устроить бассейн. На стенах нацарапаны рисунки. Очень неплохо нацарапаны, надо сказать. У меня так точно и аккуратно не выйдет. Взгляд так и прикипел к этим рисункам.

Здесь было все: и деревни, и мелкие человечки, и бегущий скот, и плачущие красавицы и...

— Змей Горыныч? — Тим поскреб пальцем рисунок. — Э нет. Мы так не договаривались. Тикаем отсюда.

К двери, за которой скрывалось зеркало, мы шли бодрым шагом. Могли бы летать — полетели. Бегать на такой высоте не хотелось. Мы уже дошли, когда послышался хлесткий звук крыльев.

— Навались, — подбодрила я.

Навалиться не получилось. Хотя бы потому, что дверь открывалась наружу. Казалось бы, открывай не хочу, но ручки не было. Лишь гладкая стена и небольшое углубление, расположенное на высоте моего роста.

— Когтем небось подцепляет, — вычислил Тим, доставая меч-кладенец.

В дыру меч пролез без труда. На этом успехи закончились. Будь у меча на конце крюк, сложностей бы не возникло. А так, меч поворачивался вокруг своей оси и ничего не происходило. Попытки зацепиться за выщербины тоже ни к чему не привели. То ли щелей подходящих нет, то ли нащупать не удастся.

Пока мы с Тимом гарцевали возле двери, звук крыльев усилился. Вокруг поднялся ветер. Кокошник накренился, коса больно хлестнула

по лицу. Спуск змея походил на звук идущего на посадку самолета.

— Топливом он что ли питается?! — Тим вытащил бесполезный меч и вцепился в шапку, которая то и дело соскальзывала с головы под порывами ветра.

— Ага. Ракетным.

Змей Горыныч, наконец-то, приземлился и уставился на нас всеми головами сразу. Одна голова блаженно улыбалась, вторая — то хмурилась, то крутилась, третья — злобно щерилась. Третья мне сразу не понравилась.

— Ой, гости прибыли. Кормить же надо, — первая голова суетливо оглянулась, явно готовясь мчаться в пещеру.

— Нельзя их тут одних оставлять. Еще украдут чего, — процедила третья. — Не зря они наше хранилище вскрыть пытались.

— Так не вскрыли же, — робко заметила вторая, заработала сердитый взгляд от третьей, икнула и умолкла.

— У меня не украдешь!

Только сейчас я заметила, что Змей Горыныч не один. На его холке в удобном седле с поручнем сидим престарелая красавица и сердито смотрит на третью, провинившуюся голову. Голова сникла и умолкла. Красавица победно хмыкнула и ловко спрыгнула на гору. Потом, внезапно растеряв задор, плавно опустилась и простонала:

— Спаси меня прекрасный принц от злого похитителя принцесс.

Прекрасный принц после смелого заявления устоял и даже не побледнел, но прыти во взгляде поубавилось. Если кого он и боялся, так шустрой красавицы пенсионного возраста.

— Вы из какой сказки будете? — переговоры я решила взять в свои руки, пока «принц» справлялся с шоком.

Из сказки сбежать проще всего. Фантомную реальность мы можем перекроить под себя и слинять.

— Чаво? — спросили головы хором.

— Сама ты фантомная, — фыркнула красавицы, оживая. — Мы настоящие.

— Змей Горыныч не бывает настоящим.

— Это не Змей Горыныч. Это дракон. Экспериментальный образец. Выведен лично мною, — красавица поднялась, отряхнулась, приняла кокетливую позу и гаркнула: — спасай давай!

Тим даже не пошевелился. Зато змей заволновался.

— А как же я? Как же я? Любава, мы же столько лет душа в душу.

— Змей фантом. Принцесса сирота сказанская, — скорректировал мой вывод Тим и печально добавил: — Придется остаться. Змея надо в сказку вернуть. А эта, — кивок на покрасневшую от злости красавицу: — Пусть нового дракона создает.

— Не хочешь спасать — будешь пленником! — разозлилась красавица. — Принца в темницу. Девчонку со скалы.

Строевым шагом злобная фурия, маскирующаяся под несчастную принцессу, промаршировала мимо нас к другой двери, которую мы заметили лишь сейчас. Хотя толку-то, ручки и там не было.

Теперь дамочка походила на валькирию. При ходьбе вскрылась неприглядная правда: длинный сарафан тщательно скрывал высокие мужские сапоги, кокошник заострен поверху и имеет металлическую отделку, в складках одежды явно спрятан меч.

Выглядела валькирия лет на пятьдесят, хотя волосы оставались черными и густыми. Парочку ниток седины разглядеть удалось, но этого явно недостаточно, чтобы признать ее волосы ужасными. Шикарная шевелюра, что и говорить. Зато веки низко нависали на раскосые ее глаза, хотя нос выглядел тонким и изящным. Больше всего впечатление портили плотно сжатые губы, собранную в неровную полоску.

Пока мы разглядывали хозяйку Горыныча, тот метался по скале, то горестно завывая, то злобно шипя:

— Кидай говорю. Слышал приказ?

А я и забыла уже о своей незавидной участи. Интересно, но страх так и не появился. Происходящее казалось дурной сказкой, которая вот-вот закончится.

— Как кидай? Как кидай? Живая же! — всхлипывала первая голова.

— Она наши сокровища похитить решила! — фыркнула третья и выдохнула на первую облачко дыма.

Первая закашлялась и с трудом выдохнула:

— Любава сокровища пуще пленников стережет

— Тише ты! — оборвала поток излияний третья.

— А давайте спрячем, — коварно шепнула вторая. То, что речь идет обо мне, я сообразила лишь когда все три головы устали на меня.

— Спрячем. Спрячем. Спрячем. — первая перестала всхлипывать и утерлась кончиком хвоста.

Змей ломанулся к нам.

— Скорее. Скорее. Вернется, — причитал он на три голоса сразу и подталкивал нас с Тимом на дальний конец уступа, где скрывалась последняя третья пещера.

— А вы же в темницу его должны отправить, — вспомнила я.

Логика Горыныча — дебри, возникшие посреди пустыни.

— Так это и есть темница. Сейчас и отправим, и спрячем. В темнице. Там много места. Всем хватит.

— Я не хочу в темницу!

— Со скалы? — вкрадчиво уточнила вторая голова.

— А давайте вы меня в другое место спрячете.

— Так некуда, — огорчилась первая голова. — У нас тут всего-то дом принцессы, хранилище и темница. А наша пещера, сами видите, вся на виду.

— В хранилище? — осторожно предложила я. — У нас там лаз тайный есть. Мы сразу и уйдем через него.

Если в начале просьбы все три головы просто внимательно на меня смотрели, то к концу — глаз третьей подергивался, а изо рта вырывались облачка дыма.

— В моем хранилище. В моем хранилище есть лаз?! — заревела третья голова и две оставшихся испуганно на нее зашикали.

— В темницу, так в темницу, — хором проговорили мы с Тимом.

Две головы переглянулись, слаженно долбанули третью — хвостом и потащили нас к дальней пещере. Я в одной лапе, Тим — в другой.

Темница оказалась «полно горницей». Принцев всех возрастов и рас упрятали тут видимо не видимо. Попали, так попали.

— Прорвемся, — шепнул Тим и я поверила.

Да и что оставалось-то?

* * *

Эта пещера, в отличие от предыдущих двух, явно рукотворного происхождения. Стены состояли из валунов, подогнанных друг к другу

максимально плотно. В качестве освещения — небольшие окна-щели в укладке. И хотя сами окна затянуты слюдяными пластинками, из остальных щелей, которых тут набралось немало, нещадно сквозило.

— О новенькие! — вихрастый рыжий парень меньше всего походил на принца, скорее уж на деревенского Ванюшку. Длинными, как жерди, руками он махал нам и улыбался во все зубы сразу. Не пойму, как ему это удастся. — Проходите. Проходите. Новости расскажите. Давненько мы новостей не получали.

«Принцев» оказалось человек двадцать. Не все они королевские особы, многие — обычные сумасшедшие. В смысле искатели приключений, которые страсть как любят опасности. В скалы они забрели сразиться с драконом, а наткнулись на принцессу и Змея Горыныча.

— А вы как здесь оказались? — вопрос задал меланхоличный дедок, который не переставая жевал. — Давненько сюда никто не забредал.

— А сами-то, — ввернула я. Не рассказывать же про зеркало. Еще примет за волшебников и чудес ждать будет. А в настоящей, не фантомной реальности, у нас с чудесами беда. Это в Фантомии мы почти всемогущие. — Мы и не знали, что на такой высоте прячутся столько любителей принцесс сразу. И как забрались только?!

— А это не мы. Это Змей Горыныч. Окаянный этот повадился молодцев таскать. Сперва принцами промышлял. Потом за всех остальных взялся.

— И вас тоже Змей Горыныч? — очень естественно изумился Тим.

— А деву-то, деву он как прихватил? — прошамкал с сомнением дедок. Волосы у него свисали до пояса, как и борода. — До сих пор не ошибался.

— А спала я. Одеялом укрылась. Он и не разобрался.

— Старееет аспид. Надо же.

Не знаю как Змей Горыныч выглядел раньше, но мне он одряхлевшим не показался. Да и вообще, впервые слышу, чтобы фантомы старели.

Тут они, кстати, тоже вперемежку с коренными сказанцами. Из четырнадцати местных принцев тринадцать — фантомы, и лишь один

вполне настоящий. Тот самый дедок, что попался в лапы к Змею Горынычу первым.

За годы заточения, счет которым давно потерял, он не растерял ни задор, ни пыл, хотя ему и пришлось сложнее, чем остальным.

— Это сейчас новеньких закинули, дверь запечатали и тихо. А раньше я туточки один одиначенек был. Любава ко мне каждый белый день навевалась. Все ждала, спасти буду. А как спасти коли сам в заточении. Я после и рад бы спасти. Да выйти не смог. Перестаралась Любава. Все принца настоящего искала. Такого, кому любые преграды по плечу. Ну вот и доискалась.

Я слушала и не могла оправиться от удивления, то и дело бросая взгляды на Тима. Тот тоже выглядел ошарашенным. Ну еще бы... Это сколько же дедок тут сидит?! Век сказанцев куда длиннее нашего!

Глава 4

А дедок, тем временем, заливался соловьем. Местным его побасенки, похоже, давно надоели.

— Ты не смотри что я усох, как яблоко после печки, — подмигнул он мне, заметив испуг. Преграда, способная задержать на такой срок, может и для нас стать непреодолимой. — Граница тут проходит. Одна из границ. Часть скалы находится в Фантомии, часть — в Сказании. Долгое время все в порядке было. Привыкли мы прыгать кто куда. Не замечали разницы. Да и как заметишь-то?

Я мысленно с ним согласилась. Я о попадании в Фатомию всегда узнаю постфактум, если, конечно, целенаправленно не ищу нужную сказку.

— А разница-то оказывается есть, — дедок впервые горестно вздохнул. Видать не настолько стар, насколько выглядит. — Время в Сказании и Фантомии течет по-разному. Это я уже тут выяснил. Когда изредка к Фантомам бегаешь, то ничего, стало быть, страшного. А вот если как мы живем и там, и тут, начинает сказываться. Мы в Фантомии стареем быстрее. А вот фантомам все едино. Бессмертные они. Как есть бессмертные. Даром что болванки порченные. Одно и тоже изо дня в день молотят.

Вот и выяснилась причина говорливости дедка. Фантомов тут больше, чем сказанцев. Первые трындят заданную роль так усердно, что хочется заткнуть кляпом рот. Вторые — устали слушать.

— Выходит в Фантомию ходить нельзя? — спросил Тим.

Лицо у него при этом сделалось таким озадаченным, что я живо представила, о чем он думаем. Картинка нашего выхода получилась серой и унылой: идут по дороге два старичка и ловят вставные челюсти друг друга. Хотя, не будет у нас вставных челюстей. Откуда им тут взяться?!

— Отчего нельзя? Можно. Только изредка. Да и что там часто делать? Скукота. Все одно и тоже. В детстве интересно, потом надоедает до зубовного скрежета.

— Можно нам ходить в Фантомию. Нам точно можно, — шепнула я Тиму, когда дедок отвлекся. — Я в бабулинах записях про это уже

прочитала. Не все поняла, но это запомнила точно.

Вальдемар, а именно так звали дедка, охотно показал нам пещеру и объяснил местные порядки. В роли купальни тут выступало озеро, которое фантомы создали самостоятельно.

Сказочные принцы владели таким количеством волшебных безделушек, что могли бы построить дворец практически в любом месте. Дворец не вышел из-за стыка реальностей, но обжиться они все-таки сумели.

Купальня, импровизированный сортир, столовая, спальни. За громкими описаниями скрывались бревна, сено, и самодельная мебель, но факт: жить тут можно.

Бревна для мебели поставляла жалостливая часть Змея Горыныча в тайне от злобного собрата. Она же помогала делать купальню, когда Любава спала. И вообще, Змей отличался говорливостью и общительностью, любил играть и обожал выигрывать. Одного он только никогда не нарушал: не выпускал пленников. А заходил внутрь так осторожно, что подловить трудно.

— Неужто за столько лет ни разу не попытались? — не поверил Тим.

— Отчего же не попытались?! Потом прощения долго пришлось просить. Хорошо еще, третья голова отключилась. Вторая — ничего не поняла. А первая — вовсе спала, — вздохнул Вальдемар, усаживаясь на табурет в столовой.

Табуретом это называлось лишь условно. Скорее отшлифованный пенек, но сидеть удобно.

— Скрутили мы как-то Горыныча сообща. Долго план строили. Готовились. Выбрали время, когда Любава точно спит. Чтобы оторваться от погони, значит. Вышли наружу. Грудь колесом. Глаза от яркого света слезятся. Важные жуть, — дедок хитро улыбнулся и умолк, поглядывая на нас.

— Любава проснулась? Змей вырвался? Землетрясение началось? — идей у меня всегда было много и делилась я ими охотно.

— Спуститься не смогли, — хмыкнул Тим. — Там же сход отвесный практически.

— С одной стороны, — другие я глянуть не успела, но надо же верить в чудо. Иначе как жить-то?

— Со всех сторон, — мрачно закончил Тим. — Я проверил. Без снаряжения не стоит и соваться. Да и с ним я бы не торопился. Без подготовки отсюда не выбраться.

— А делать, делать-то что? — я положила голову на стол, но тут же вскочила. — Вальдемар, а ты области Фантомии, что проходят тут, хорошо изучил? Границы показать сможешь?

— Смогу. Отчего же нет? Да вы и сами их легко найдете. Я разметку сделал, когда стареть начал. Теперь без сильной надобности не хожу. Клозет вот перестроить пытаюсь. Он в Фантомии находится. Когда строили-то про место не думали. Подальше от жилья и ладно. А оно вон как оказалось-то.

Дедок махнул рукой, скривил губы и взял со стола небольшую мельничку. Выглядел он вновь добродушно и беспечно, точно и не было минуты горечи. Стоило ему повернуть ручку мельнички, как на тарелку посыпалось мясо, к нему добавился салат и пирог.

— Волшебная мельничка?

— Она родимая. Очень удобная вещь. Только ей и спасаемся. А для питья у нас вот тут кувшинчик есть, который всегда полон, — гордо отозвался Вальдемар. — Со временем сбоить начали. И выбор блюд и напитков не так велик, как раньше, но и сейчас на всех еды хватает. Змей-то хоть и добрый — готовить не умеет. А здесь негде.

На запах еды подтянулись и остальные пленники. На нас они больше не обращали внимания. Не то чтобы совсем не замечали, но глазеть и щупать перестали. Мы же с Тимом придвинулись ближе друг у другу и перешли на едва слышный шепот.

— Блюдечко у меня с собой. Надо стражей на помощь позвать.

— Не смей, — он мотнул головой, упрямо глядя на меня. — Они нас за пупсов неразумных принимают. Если сами не выберемся, так и будем все задним числом узнавать.

— Не очень-то они на помощь приходят, — невольно обронила я, поразмыслив. — Сколько раз звала, все обещают только. В Фантомию соваться не хотят. Молодость берегут.

— Или учат так. Как детей. За шкурку и в воду. Либо выплывем, либо нет.

И я мысленно с ним согласилась.

Окончания трапезы ждать не стали. Наоборот, стоило всем собраться в столовой, как мы тихонько слиняли из-за стола. Уход никто не заметил.

Перво-наперво зашли в выделенную «комнату». Нам позволили поселиться в местном чулане, предварительно забрав из него часть вещей. Помещение мелкое и захламленное, зато кроме нас других проживающих нет. Остальные-то ютятся по пять-шесть человек в одной комнате.

Вместо кроватей нам достался местный «диван», жесткий и неудобный, зато достаточно длинный, чтобы мы поместились вдвоем. Ложиться придется голова к голове, ну или ногами друг к другу, но уж лучше так, чем на полу.

Клозетом оказалась узкая пещерка с монументальным сооружением по центру. Деревянное кресло имело столь величественный и помпезный вид, что навевало мысли о троне. Да и высокая спинка тому способствовала. Что примечательно — запаха нет. Не иначе, очередное чудо от очередного фантома.

— Надо бы этих принцев потрясти хорошенько перед возвращением в сказки. Столько ценных артефактов зря пропадает, — Тим заглянул в темную дыру кресла, сморщил нос и неожиданно добавил: — Пряма общага. Одно очко на такую толпу. Надеюсь, мельничка хорошо готовит...

Купальня оказалась холодной и мрачной. Никак принадлежностей вроде самого захудалого мыла нет. Подозрение, что местные обходятся хлебным мякишем и песком, не порадовало. Я дитя цивилизации и переизбытку природы сопротивляюсь непроизвольно. Надо будет котомку растряссти.

Заглянули и в комнаты. Кровати походили на погребальное ложе. Высокие, мощные и такой ширины, что спать можно хоть вдоль, хоть поперек. Принцам, однако, сильно корона на голову давит, раз до сих пор страсть к гигантизму сохранилась.

Заинтересовали и мелкие колышки, вбитые в стену, которые местные обитатели использовали вместо вешалок. Засмотревшись на вереницу таких колышков, я споткнулась об один из них. Как не удивительно, но этот был вбит пол.

Я полетела вперед и непременно расквасила бы нос и колени, если бы Тим не поймал. Он перехватил меня под локоть, резко дернув

на себя. Тоже больновато, но упасть на каменный пол — больнее.

— А вон еще такой же, — вскользь заметал Тим, поворачиваясь. — И еще. Ничего себе сколько.

— Этот просто самый коварный. Он нападает из засады, — я стояла, растирая ушибленные пальцы. — Остальные рады гостям.

Тим промолчал, продолжая разглядывать цепочку из колышков на полу. Остается только гадать как мы не заметили их раньше. Цепочка с пола плавно переходила на стену, со стены на пол, с пол на противоположную стену и дальше, дальше.

— Она вообще заканчивается? — мы шли вдоль колышков. Идея найти начало перешла в манию. Теперь нас не остановил бы и Змей Горыныч.

Колышки внезапно повернули назад и спустя пару минут мы вышли на тоже место, откуда и начали поиск. Образованная ими фигура вышла скособоченной и неровной, но замкнутой.

— Что ж первую часть мы нашли. Осталась понять это часть Фантомии или Сказания, — с неудовольствием заметил Тим. Чего это он? — Они тут видно сплошь летают, раз колышки в пол вбиты. Промел и уголь явно не слышали.

Найти дополнительные опознавательные знаки не удалось. Похоже Вальдемар попросту запомнил что где, остальных же такие сложности пока не интересовали.

Возвращаться и спрашивать не стали. Вместо этого призвали силу, выискавшая знакомое серебрение. Дедок мог и ошибиться. Нам же надо знать точно.

Областей фантомной реальности насчитали семь. Часть из них пролежала в недоступных местах, часть была слишком мала, но два подходящих кусочка все же нащупали. Один начинался в купальне и терялся в темноте пещеры, другой очень удачно притулился в нашем чулане. Понятно почему Вальдемар с радостью выделил его нам. Сам-то он туда не заходит и вещи в нем не хранит.

Мы вернулись в чулан и там же организовали военный совет. Принцы нам в любом случае не страшны. Они лишь рубятся на палках, да и размышляют о подходящих подвигах и красавицах. Фразочки вроде «выходи на смертный бой страшное чудовище!» за три прошедших часа повторились столько раз, что я искренне посочувствовала хитрюге Вальдемару и Змею Горынычу, который

должен икать не переставая. Радует, что тут есть еще сказанцы. И тоже вменяемые.

Увиденное мы обсуждали за обед-ужином, расстелив на полу скатерть-самобранку. Гости в чулане нам не грозят: хозяева, кажется, вовсе забыли о пополнении пещеры, а крутить мельничку очень утомительно.

— Фантомия на нас не действует, — это первое, что выпалила я, лишь уселась поудобнее. Не знаю волновал ли этот вопрос Тима, но меня волновал. Как всякая уважающая себя девушка, о косметике, морщинах и вечной молодости я начала беспокоиться еще в школе. Время вспять, конечно, не запустила, но нервы себе потрепала всласть. — Эту часть бабушкиного блокнота я уже расшифровала. Нас защищает наша сила. Так что можно скрываться от Вальдемара в чулане сколько угодно.

Не то чтобы дедуля сильно мешал, но работать с Фантомией при нем — значит выдать себя. А мы раскрывать особый статус пока не планировали. Бабу Груню в Сказании многие знали в лицо, охотно помогали при случае и подрабатывали доносчиками, так что выискивать проблемы ей не приходилось. Они находили ее сами.

Нам доверие, которым пользовалась она, еще только предстоит заслужить, и создавать агентурную сеть рановато. Хотя мысль о том, что бы узнавать о происшествии через минуту после начала, очень заманчива. В бабулино время принцы из сказок пачками не пропадали.

— Куда прятаться — меньшая из проблем, — философски отозвался Тим, вгрызаясь в куриный окорок. Найти место, подходящее для изменений, — полбеда. Главное разобраться как изменять.

— Лестницу построить, — сходу выдала я.

— Лестницу? В скале? Остальная-то часть скалы никуда не денется. А если нарушить ее природный баланс еще и обвалиться может. Нельзя на скалу с кувалдой бросаться. Сперва парашютом обзавестись надобно.

Парашют меня добил. Я зависла над тарелкой с овощным салатом. Прыгать с парашютом не хотелось. Опыт подобного безумства у меня был и повторять я его не торопилась.

— Не надо парашют, — я отодвинула салат. Аппетит пропал. — Давай как-нибудь попроще. Без прыжков с безумной высоты. Да и как ты принцев заставишь повторить этот трюк. Принцы на деревянных

орлах летают, да на коврах самолетах. Парашют прикончит персонажей. А мы за них отвечаем. За всех сразу.

Тим загадочно смотрел на меня, слегка склонив голову. Кончики его губ непрерывно двигались: вверх-вниз. Я тут стараюсь, понимаешь ли, объясняю, а ему смешно.

— Я образно, вообще-то, — наконец отозвался он. — Прежде чем рушить ту часть скалы, которая нам доступна, стоит позаботиться о безопасности и пути к отступлению. На словах всегда все иначе, чем в жизни.

Что же, с этим нельзя не согласиться. А пока пора ложиться спать.

Ночь как говориться подкралась незаметно. Минус пещеры и природного освещения мы обнаружили быстро. Свечей тут не было, ламп — тем более. Мы с Тимом откопали на двоих одно перо жар-птицы и им же подсвечивали, укладываясь спать.

В пещере я достала волшебные орешки. Убедить два орешка выдать сменную одежду для меня и для Тима оказалось совсем не трудно. На редкость сговорчивый артефакт. Все бы они такие были.

Светлое царевичное платье прополоскала в купальне и повесила сушиться. Заготовленную обновку разложила на спинке бесконечного дивана. Завтра мерить буду.

Сон, однако, не шел. Спать, вот так, голова к голове оказалось очень сложно. Я то и дело закатывала глаза, пытаюсь определить спит ли Тим, ворочалась с боку на бок и спихивала его с одной подушки на двоих. Случайно. Честно-пречестное.

— Ты будешь спать или нет? — разозлился он, наконец.

О, тоже не спит! Не одна я тут страдаю.

— Не спится. Я не нарочно, — буркнула я, пододвигая одеяло к себе.

Для укрывания мы использовали ту штуковину, что изображала диванное покрывало. Вязаное цветастое нечто обладало достаточной шириной и практически бесконечной длиной. Да вот беда, разделенная на две стороны, она образовывала тонкий перешеек у наших голов и сужалась на плечах, отчего те мерзли. В общем, объективных причин для бессонницы полно, но все равно неприятно. Ладно сама не сплю, еще и Тиму мешаю.

Тим между тем тоже ворочался. Он подтянулся, практически перевесившись через подушку и повернулся лицом ко мне. Пока я

осмысливала странную конструкцию, он... поцеловал... хм... хорошее начало ночи... надеюсь у местных крепкий сон.

Глава 5

Только утром стало ясно, какую ценную услугу оказал Вольдемар, выделив этот чуланчик. Вечером казалось, кроме него никто не замечает треклятых колышков, утром выяснилось — замечают. Сказанские молодцы скромно толклись на границе, но заходить за нее не рисковали. Сомнительная защита от толпы парней, но лучше так чем ничего.

— Уходить надо отсюда как можно скорее, — глаза Тима нехорошо сверкнули. — Им после длительной изоляции любая сойдет. А уж когда молодая и красивая...

«Красивая» — эхом отдалось в голове. Захотелось вскочить и проорать: «Он считает меня красивой!». Вместо этого поспешила одеться. А ну как молодцы переселят робость перед возможной старостью.

Доставать скатерть при таком конвое не рискнули. Завтрак в столовой под прицелом взглядов вышел скомканным и безвкусным. Я давилась кашей, захлебывалась соком, и мечтала стать невидимкой. Это же надо так влипнуть.

Из столовой вылетела быстрее стрелы и помчалась искать где-то запропадившегося Вольдемара. План мы с Тимом наметили еще вчера. Очень хлипкий и ненадежный, но другого-то нет. К тому же есть в нем одно сомнительное местечко: без Змея Горыныча ничего не выйдет, а он хоть и добрый, но подневольный.

— Разговор есть, — старейшего принца общины мы изловили сразу после завтрака. Глаза молодого старичка так и лучились лукавым любопытством. — Нам бы Горыныча для разговора вызвать. Сделаешь?

— Легко. Только не время сейчас, — он кивнул на солнечные часы. — Скоро Любава... хм... Ужасная в город полетит. Она там долго будет развлекаться. Горыныч назад вернется. Она его свистком вызывает. Простому уху тот звук не услышать, а для Горыныча в самый раз. Вот тогда самое то.

— Так почему Змей Горыныч вас просто с горы не спустит пока ее нет? — проблемы-то вовсе не существует, оказывается. Им просто

нравится тут сидеть. Иных объяснений не вижу.

— Э-э-э, нее все так просто, — Вольдемар смотрел на меня как на несмышленища. — Думаешь я о том же не подумал, когда об отлучках узнал. Только бесполезно это все. Заколдован Змей. Заклинанием связан. И разрушить его мы так и не смогли, как не пытались. А другого пути, кроме как по воздуху, тут нет. Раньше может и был, да Любава все предусмотрела.

Уф-ф, а я уж решила, ошиблась в Вольдемаре. Потому как только фантом не способен сбежать из открытой ловушки. Он по привычному циклу движется. Если его историей побег не предусмотрен, то все... пленен навечно.

— Ты главное Змея Горыныча кликни. Остальное наша забота.

Чтобы не терять время, мы убрали нехитрые пожитки и еще раз изучили фантомные области пещеры. И чем больше на них смотрели, тем меньше они нравились. Дело представлялось довольно безнадежным. Самая большая область располагалась настолько неудобно, что изменить ее, не затронув гору, невозможно.

— Снаружи бы осмотреть все хорошенько, — произнес Тим, подтверждая мои мысли. — Опасно тут что-то менять.

— Где тут наши беглецы? Мы их проучим! — пророкотало совсем рядом.

Змей Горыныч шел вразвалочку и радостно попыхивал темным дымком. Сегодня явно главенствовала вредная голова, а две другие словно в дурмане пребывали. Вид у них был блаженный и придурковатый.

Я бросила встревоженный взгляд на Вольдемара. Тот развел руками в ответ.

— Он всегда такой, когда Любавы Ужасной нет. Чем она его поит неведомо, но действует безотказно.

Что ж, придется работать с чем есть. Пока я размышляла как получше подобраться к новому вредному Змею Горынычу, Тим выступил вперед.

— Хочу с чудищем двенадцатоголовым сразиться, — с вызовом произнес он. — Чтобы Любава... эм... Прекрасная узнала какой я храбрый воин.

— Она и так знает, — отмахнул Горыныч и продолжил досмотр вверенной территории.

Он принюхивался, прищуривался и заглядывал во все щели, точно наделся разгадать заговор.

— Нет. Если бы знала, не посадила бы в одну пещеру с этим сбродом. А сразу бы взяла в мужья законные. А раз я до сих пор тут, значит она ждет от меня подвигов. Не хочу тут сидеть, хочу сразиться с чудищем двенадцатиголовым.

Горыныч задумался. Он скреб когтем чешуйчатый затылок и размышлял вслух. Две одурманенные головы не отвечали, продолжая блаженно улыбаться, но привычку все обсуждать с ними, третья голова побороть не смогла.

— Ежели подумать, то он прав, — рассуждал Горыныч. — Любаве хлюпик ни к чему. Выпускать пленников нельзя, но про бой она ничего не говорила. Ежели хлюпик выиграет, то может и нас хозяйка наградит, — определился он и тут же возмутился: — Где же я тебе чудище найду? У нас тут таких уродов отродясь не водилось.

Тим выразительно посмотрел на сразу три головы Змея Горыныча, хмыкнул и вкрадчиво попросил:

— Ты меня главное наружу выпусти. Спуститься-то со скалы все равно нельзя. А там я сам чудище отыщу.

— На скале? — Горыныч недоверчиво хмыкнул, но любопытство пересилило. — Эх, добрый я стал. Старею. Выходи, горемычный.

Следом за горемычным высыпали и мы. Змей Горыныч, жаждущий зрелищ, сделал вид что ничего не заметил.

Это была самая ненадежная часть плана. Притянуть из одной сказки в другую фантома, блюстителя, конечно, способен. Особенно, если как здесь цикла толком нету и можно не бояться нарушить правильный ход истории. Сложность в том, что тут слишком мало фантомного и слишком много настоящего. Сработает ли?

Фантомный участок мы искали сообща под насмешливыми взглядами Змея Горыныча. Принцы приободрились, ошетинились мечами и ждали появления чудища. Вольдемар изучал нас до того пристально, будто мысленно препарировал.

Подходящее место нашлось у самого края скалы. Довольно большой участок расположился так удачно, что мы сразу наметили его для дальнейшего побега. Полукруглое ровное плато сейчас меньше всего подходило на подходящий спуск. Мы тут как раз для того, чтобы это исправить.

Искать чудище предстояло мне. Я спряталась за спины взбудораженных принцев, достала блюдечко с яблочком и потребовала показать денадцатиголовое чудище. Принцы ничего не замечали, Вольдемар смотрел все пристальнее, но не вмешивался. А заодно и более внимательных сказанцев отвлекал.

Тем временем Тим вышел в центр горы, картинно поднял меч-кладенец и заорал со всей силы:

— Приди страшное чудовище на смертный бой. Дай проявить молодцу силушку богатырскую.

Я бросила на него короткий взгляд. Черт, надо торопиться. Судя по тщательно сдерживаемой улыбке и странному похрюкиванию, долго он так не продержится. Того и гляди начнет ржать.

Блюдечко послушно отобразило чудовище, которое как раз охотилось. К показательным выступлениям Тима присоединились фантомные принцы. Его голос потонул в общем гуле их мощных глоток, зато и гогота слышно не было. Я сосредоточилась и призвала силу, меняя сказку. Главное, после не забыть вернуть фантома в родные пенаты.

Денадцатиголовое нечто с короткими лапами и длинным хвостом возникло на краю обрыва неожиданно даже для меня. Первый опыт, все-таки. Чудовище изумленно моргнуло всеми глазами разом, махнуло лапками, словно отгоняя морок, и ринулось в атаку.

В общей свалке я плохо разобрала, что делал Тим. Мечом он махал ничуть не слабее остальных, орал тоже громко. В остальном же понять, что делают четырнадцать героев, сложновато.

Они орали, махали мечами и нападали совсем сторон разом. Благо чудище здоровое, крупнее даже Змея Горыныча, и места хватило всем. Последний, кстати, откровенно разрывался на части. Третья злобная голова подбадривала чудовище. Две оставшиеся пытались ошалело моргали глазами и терли их лапами.

Призванная сила блюстителя легко выявила что не так с Горынычем. Она обвела красным пульсирующим ореолом круглый медальон на его шее. Я уже потянулась, чтобы снять, как Вольдемар перехватил руку:

— Жжется он, блюстительница. Пытались мы уже, — едва слышно пояснил он.

— Разберемся, — совсем как Тим брякнула я: — В крайнем случае, вернем в сказку как есть. Само исчезнет.

Скрываться больше смысла нет. Теперь дело за толпой героев.

А чудовище распределило головы по кругу и яростно отплевывалось от нападавших. Головы оно отращивало со скоростью гидры и сдаваться не собиралось. Лишь яростнее крутилось и сильнее плевалось огнем. В воздухе летали клочки саж. Скалу разукрасили темные разводы. Часть принцев оно успело покусать, часть раскидать, но четыре уцелевших, включая Тима, продолжали теснить монстра.

Я же спешно припоминала все, что знаю о сказочных чудовищах. Выходило не так уж и много. Запись в бабушкином дневнике «в живот от огня» приобрела новый смысл. А вдруг подойдет?!

— В брюхо метьте. В брюхо! — крикнул я.

С голов принцы переключились на брюхо. Чудище заорало яростнее. Плевалось оно теперь без передышки. Сажевой облако усилилось, вызывая кашель. Змей Горыныч восторженно свистел и улюлюкал. Сказанцы не выдержали, вооружили чурбаками-стульями и помчались на подмогу.

Воинственная толпа смела чудище. Кто проткнул его пузо, не заметила. Но стоило мечу распороть брюхо, как раздалось «пф-ф» и монстр сник, словно шарик, из которого выпустили воздух.

— Вскрываем брюхо! — деловитый голос Тима я узнала даже в этом гомоне. Принцы прекратили ликовать и похваляться и вцепились в чудовище. Брюхо они изрезали на мелкие куски в считанные минуты, но как ни странно рек крови, что я ожидала, не возникло.

Вольдемар не утерпел, с кряхтением поднялся и пошел «наслаждаться зрелищем вблизи». Я вежливо отказалась от столь заманчивого предложения, но отсутствие вони не могла не заметить. Минут через пять единственный настоящий принц вернулся. Он откровенно потешался над увиденным и изо всех старался не слишком уж веселиться.

— Фантом он и есть фантом, — посмеиваясь пояснил он. — Игрушка пустотелая. Вот он кто.

Тут уж и я не удержалась и помчалась смотреть, пока есть на кого. Принцы уже расступились. Внутри чудища копошился только Тим и один из сказанцев. Они с видимым усилием вытаскивали оттуда сундук. Собственно кроме сундука внутри нашлись горелка, меха,

трещотка и... все. Само чудище напоминало резиновую игрушку. Даже на ощупь похоже.

Сундук нас интересовал неспроста. Скала это сильно походила на хрустальную. Особенно ее фантомные части. А хрустальную скалу можно растопить всего одним способом. Сказочным.

Из сундука цепкий и предусмотрительный Тим извлек не менее резинового зайца. Из того — утку. Из утки — яйцо, и наконец семечко. Он вспарывал фигурки прежде, чем те успевали сбежать и половинки складывал аккуратной кучкой. После их предстоит собрать и вернуть внутрь, а чудище — отправить в сказку.

Змей Горыныч еще только осмысливал происходящее, а Тим уже положил семечко на то фантомное круглое плато, что заметили при выходе из пещеры. Если порядок действий верен, то спуск у нас скоро будет. А пока...

— Принцы в атаку! — проорали мы с Тимом одновременно. — Живым брать!

Змей Горыныч и осмыслить не успел как оказался скрученным.

— В хранилище тащите, — распорядилась я.

Само хранилище нас не интересовало: лишь его большое и удобное зеркало. Раздухарившиеся принцы, взломали дверь так быстро, что я опешила. Живой таран, да и только.

— К зеркалу. К зеркалу! — скомандовала я, пробиваясь к пленнику.

Тим с Вольдемаром увели толпу, ну а я осталась возвращать Змея Горыныча назад. Помочь в заколдованном виде он нам все равно не способен.

Через минуту все было кончено. Вымоталась я при этом так, точно мешки с цементом ворочала. А ведь еще принцы и чудище.

— Принцы сами уйдут. Сказки их и без нас притянут. Сказанцы тоже, — распределил Тим. — Вернуть нужно только чудище. И обязательно к концу цикла истории. Тогда в начале он вновь оживет. А перед этим собрать этот резиновый конструктор.

— Вы как хотите, а я в хранилище, — Вольдемар неторопливо шаркал в темноту коридоров. — Я столько о нем слышал, что не могу уйти и не увидеть.

Мы ринулись следом. За пару дней мы тоже услышать про него более чем достаточно.

Темные коридоры плавно сменились светлым залом, на стенах которого горели факелы, подпитываемые из хитрой системы канавок. Похоже в эту святая святых не допускался даже Змей Горыныч. Оно и понятно. Вряд ли бы он согласился тогда прислуживаться чокнутой Любаве Прекрасной. Он то думал, что охраняет ого-го что!

— А где все? Где сокровища? Я что домой принесу? Меня подданные засмеют! — Вольдемар, который слышал про хранилище дольше нашего, не смог сдержать возмущения.

Еще бы. Зал был наполнен платьями, в которые нынешняя Любава Ужасная ни за что не влезет, картинами, что изображали благородных принцев и рыцарей, париками, дневниками и прочим хламом, что имел значение лишь для одной женщины. Пещеру она превратила в хранилище своей памяти, и спихивала в нее все несбывшиеся надежды.

— Любаву принесешь. Город, куда ее унес Змей Горыныч, тебе известен? Тогда бери сказанцев и отправляйтесь на охоту. Будешь судить как свою подданную.

Мой вариант Вольдемару понравился. Сказанцы умчались так быстро, как смогли, прихватив лишь памятные вещички из своей пещеры.

Мы же выслушали поздравления, благодарности и приглашения в гости и пошли проверять плато с семечком, которое уже опробовал принц со свитой.

А семечка больше не было. Как и части горы. На месте фантомного плато красовался не очень удобный, но вполне проходимый спуск. Семечко, как и положено в правильной, сказке растопило хрустальную гору, вернув систему естественных проходов. Принцы умчались наперегонки и с бодрым улюлюканьем, а мы вернулись к сборке чудовища. Собрать, вернуть и наконец-то сбежать самим. Еще немного и снова в путь. За яблочками.

Глава 6

Вышли мы в итоге только через два часа. После отдыха, плотного обеда и сбора позабытых принцами волшебных вещей. Скалистая местность очень быстро сменилась равниной. Прохладный ветерок тут же исчез, сменившись липкой духотой. Я шла и мечтала о веере, холодном душе и мокрой простыне одновременно.

И все же... все же тучка, внезапно приплывшая с юга, не обрадовала. Двигалась она так стремительно, точно кто-то искусственно подгонял.

— Нам не рады, — проворчала я, непроизвольно ежась. Дождь еще не пошел, а мне уже зябко.

— Станный способ. Бабий какой-то, — Тим прищурившись наблюдал за приближением тучи. — Из лука шмальнуть надежнее.

— Так город-то девиц-богатырок. Все нормально. Какое население, такие и методы.

Тучка, наконец, добралась до нас и зависла. Я забеспокоилась. Небольшое грозовое облачко прицельно летело именно надо мною, словно Тим его не интересовал вовсе.

— Конкурентку чувствуют? — неуверенно предложил он. — Может они мужчин за людей вовсе не считают?

А тучка сделала громкое «пф-ф» и разразилась ледяным ливнем. Платье тут же прилипло к ногам, мешая идти. С кокошника ручейками стекала вода. Зубы стучали. Руки лихорадочно тряслись.

— Домечталась, блин, — пробормотала я, пытаюсь хоть немного стряхнуть влагу.

Короткий дождик закончился так же внезапно, как и начался. Тучка растаяла, словно и не было, а мокрая одежда осталась. На мне. Чем не простыня?

— Признавайся о чем мечтала? — посмеивающийся Тим, не скрываясь глазел на ставший слишком откровенным наряд.

— О прохладе, мокрой простыне и холодном душе.

— Осторожнее надо быть с желаниями в фантомной реальности.

— Так раньше подобного не случалось. Никогда я мысли в фантомных королевствах не контролировала. И все в порядке было.

— Все приходит с опытом. И умение непроизвольно менять сказку — тоже, — нравоучительно заметил веселящийся Тим и подмигнув добавил: — Не вздумай переодеваться. Так гораздо лучше. Я вообще думаю, тебе нужно тут ввести новую моду на мокрые сарафаны.

Я представила как он глазеет на всех местных барышень по очереди. Как я надеваю им подолы на головы. Не логично, но действительно. И почти спокойно отозвалась:

— Местное консервативное общество еще не скоро сумеет постичь мою гениальную задумку. Зачем их травмировать? Они к нам даже еще не привыкли. И блюстителями звать не спешат.

— Ну так привыкнут.

— Это будет не скоро! — угрожающе произнесла я, и Тим поднял руки.

— Ты так мило злишься. Извини, не удержался.

Шутник фигов... мило, видите ли... злилась я, правда, недолго. Чего обиды копить? Да и некогда. Переодеться нужно. На это раз ограда и правда близко.

К воротам королевства богатырки Синеглазки мы подошли только к вечеру. Вроде вот ограда, руку протяни и дотянешься, а идти пришлось долго. Светлое платье а-ля «царевна» я предусмотрительно запрятала в котомку, а надела цветное, не столь маркое. Теперь мне предстояло найти подходящие заросли на абсолютно голой равнине, что бы надеть правильный, светлый и сухой, наряд.

Зарослями пришлось подрабатывать Тиму. Скатерть он держал только с одной стороны, заслоняя меня от города. Но другая сторона в любом случае радовала пустотой. Разве что от самого Тима прятаться.

Искать потайные пути в стене не стали. Если не впустят, конечно, придется, но всегда ведь есть шанс убедить. Легенду мы заготовили простую и сказочную одновременно.

— Я Иван-царевич, — соловьем разливался Тим, красочно потрясая мечом-кладенцом. — Спал Василису Прекрасную из логова ужасного Змея Горыныча, что похитил ее и унес за тридевять земель. В дальнем пути пал мой верный товарищ конь. Мы пять дней в пути без еды и воды. Пустите отдохнуть.

Про пять дней — по-моему, лишнее, но караульные понимающе кивнули и пропустили. И лаз искать не пришлось.

Это королевство здорово отличалась от того, что я видела раньше. Если во дворце императора, что любит механические игрушки, все вокруг позолоченное и цветастое, то здесь царила суровая атмосфера.

Украшений нет, позолота — тем более, а девицы-богатырки радовали взгляд отсутствием кринолинов и надушенных париков. В целом гораздо привычнее, чем в других сказках, но присутствие огромного скопления воинственных дамочек напрягает. В пещере Змея Горыныча было и то лучше.

— Как-то не хорошо они на меня смотрят, — Тим передернул плечами, будто скидывая налипшие взгляды.

— Чай не почкованием размножаются, — едва слышно отозвалась я. — Как только наступит ночь — идем в сад.

Покои нам выделили отдельные, спрятанные в самом дальнем углу замка. Не в почете тут гости. Не в почете. И если меня проводили и ушли, то к Тиму приставили караул. Две мощные девицы с неженскими плечами претворились статуями с двух сторон от его двери. И ладно бы только его не выпускали, они и меня не впускали к нему. На это у нас есть решение.

Вызов по блюдечку пришел даже раньше, чем я его достала. Тим сидел на широченной кровати и постукивал по тарелке костяшками пальцев в ожидании ответа. В моей комнате кровать стояла не менее масштабная, еще имелся внушительных размеров шкаф, стул, такой что с места не сдвинуть, и ночной горшок. Ни умывальника, ни бадьи с водой. Не густо, в общем.

— Ты сказку про эти яблоки хорошо помнишь?

Вопрос Тима меня огорошил. Я ожидала жалоб, стонов, но никак не рационального подхода к собственному пленению. Второму за третьи сутки. И если там кавалеры просто вереницей ходили за мной, то местные богатырки похоже не привыкли к уговорам.

— Не очень. Но свадьба там была точно. Богатырка Синеглазка его догнала и женила на себе.

— Так я и подозревал, — взгляд Тима стал напряженным. — А чего он тут делал?

— Известно что. Яблоки воровал. Хватил лишку за что и поплатился женитьбой.

— Суровая дама. Одно лишнее яблоко и уже женись. А про обещивание несчастной богатырки ничего не было.

— Нет, вроде.

— Уф-ф! — выдохнул Тим, и резко задвинул тарелку за спину.

Я услышала скрип открывающейся двери и повернула свою так, что в ней отразилась моя комната. Не зачем им знать наш способ связи. А так глядишь за обычную посудину сойдет.

Богатырка Синеглазка неприятно удивила. Миловидная девушка лет двадцати вовсе не выглядела грозной воительницей. Скорее шахерезадой. Да и одежда схожая. Шаровары и туника скрывали на удивление мало, и вовсе не оставляли простора воображению. Распущенные волосы доставали до талии. А двигалась дева с грациозной мягкостью. М-да. Тикать надо отсюда и как можно скорее.

Томный щебет богатырки на меня не произвел впечатление. Царственная особа мило беспокоилась об удобстве дорогого гостя, и вовсе не спрашивала обо мне. Последний вопрос и вовсе заставил сжать покрепче зубы, чтобы промолчать.

— Мои слуги все перепутали, — в голосе богатырки сквозила задушевная мягкость. — Вас следовало поселить совсем в другие покои. Те, что ближе всех к моим.

— Мне здесь очень нравится, — горячо заверил Тим и прикрыл блюдце ладонью. — Не стоит беспокоиться.

Расшаркивания «мне несложно помочь» и «не стоит беспокоиться» продолжались долго. Я даже заскучать успела. Но стойкость Тима оценила. Богатырка ушла непобежденной, но добиться переселения не смогла. Обо мне она так и не вспомнила, а Тим благообразно не спросил.

— Да она сама кого хочешь обесчестит, — фыркнула я, лишь только его лицо появилась в блюдечке.

— Вот и мне так показалось, — пробормотал он, — Уходить надо. И чем быстрее тем лучше. План такой. Ждем ночи. Выбираемся. Воруем яблоки сбегает.

— Я ворую яблоки. Мы сбегает. Или ты собрался жениться?

— Ты воруеть, — кивнул Тим и снова спрятал блюдечко, поскольку дверь опять отворилась.

Мне удалось разглядеть поднос в руках нахальной богатырки Синеглазки. Ой-ей, какие мы скромные. Еще пусть скажет, что сама готовила. Мне, кстати, никто еду не принес. Ну и ладно. У меня скатерть-самобранка имеется.

Есть пришлось тихо-претихо, спрятав блюдце под подушку. Смотреть там особо не на что, а приглушенный разговор и так слышен. Стойкая оборона Тима — порадовала, упорство богатырки — разозлило. Ужин я заканчивала с твердой мыслью: стирить яблоки и сбежать уже сегодня.

Едва стемнело, закатала подол сарафана и обвязала вокруг талии. Мужчина в самом замке всего один. Остальные у ворот стоят. А спуститься со второго этажа по-другому не получится. Из окна я выскользнула без проблем, а вот зацепиться за барельеф удалось не сразу. Рядом на соседнем барельефе акробатикой занимался Тим. Земли мы достигли практически одновременно.

— Два этажа. Всего два этажа, — дышала я тяжело. Воздуха не хватало. — Еще один этаж и кровавая лепешка под окном богатыркам обеспечена. Не знала, что лазить так трудно.

— Мальчики налево, девочка направо, — хмыкнул в ответ Тим, чмокнул меня в щеку и скрылся в темноте.

В сад предстоял идти мне, чтобы нарушить ход сказки. Тиму выпала роль конокрада. На своих двоих далеко не убежать, а туфли Маленького Мука уж больно своенравны.

Сад нашла легко. Да и чего искать, когда он даже не огражден. Иди себе по дорожке, да иди. А вот нужные яблони опознала не сразу. Их тут оказалось так много, что поди разбери какие из них молодильные. Разобраться сложно, да сад не пустует. Вряд ли второй воришка ищет другие плоды.

Наглый тип мужского пола висел на ветке и пытался раскачаться, чтобы залезть на нее верхом. Я внимательно рассмотрела красные сапоги, белые вышитые штаны и красную рубаху и ринулась в атаку. С воплем:

— Мои яблочки! — я с разбегу запрыгнула на захватчика и сдернула с ветки.

Одно золотистое яблочко шмякнулось с ветки и с хрустом раскололось.

— Держи карман шире! — рявкнул расхититель чужих садов, потирая бедро. — Твое во-он там. Подбери давай!

— Сам подбери, мне целое нужно! — огрызнулась я и подскочила, устремляясь к заветному дереву. Правильно созревших

плодов золотого цвета на нем немного. Серебристые и красные — тоже пригодятся, но для другого.

Я почти залезла, когда он подскочил и скинул меня с ветки. Пролетела немного, но ударилась больно. Нахал ядовито рассмеялся и запустил в меня очередью незрелых яблочек, что висели понизу.

— Я первый пришел, — фыркнул он, примеряясь к той же ветке, с которой минуту назад скинул меня. — Думаешь, если голая пришла, так все можно?!

— Сам ты голый! — возмутилась я, глянула вниз и наткнулась на обвязанный вокруг талии подол.

Упс! Плавки на мне, вообще-то, есть. И даже не стринги. Но местные их вряд ли способны опознать. У них больше панталоны в почете.

Пока расправляла платье, похититель одолел дерево. Но кое-что уловила: ни садовник и ни сторож — уже хорошо! А с воришкой, вроде меня, как-нибудь договорюсь.

Он уже преодолел третью ветку снизу и подбирался к четвертой, когда я осторожно спросила:

— Сколько тебе яблочек надо?

— Все!

— Нет! Со всеми я тебя не выпущу. Или отдаешь половину мне или сиди там до маковкина заговенья.

— Ой-ей-ей, какие мы грозные?! — он сидел на пятой ветке и уже тянулся к первому яблоку. В свете луны много не разглядишь, но одно я уловить успела: он не многим старше меня. — Да что ты можешь?!

— Практически все, — отозвалась я как можно небрежней и открыла котомку.

— Хм! — он бросил насмешливый взгляд, сорвал второе яблоко и, держась за ветку двумя руками, начал продвигаться к очередному плоду. — Пока ты вытрясешь свой мешок хитростей, я уже далеко буду.

М-да, а ведь прав! Даже ответить нечего... Раньше доставать надо было. А теперь пока соображу, что надо, пока откопаю — время упущено.

Расхититель яблоч, меж тем, довольно буркнул: «То-то же!», — сорвал третье яблоко и потянулся к четвертому. У меня резко участился пульс: не о том думаю!

— Стой! — крикнула я.

Воришка с недоумением глянул на меня и упрямо схватил яблоко. Сад огласил оглушительный звон.

Поздно! Поздно! Поздно! А ведь в сказке предупреждали же о трех яблоках. А я, голова садовая...

— Кидай все и прыгай!

Упрашивать не пришлось. Яблоки приземлились точнехонько в расправленный подол. Вовремя я его отвязала. Спускался воришка с рекордной скоростью. А к ограде мы и вовсе не бежали — летели.

Глава 7

Тим поджидал у ворот, как и обещал. Это еще хорошо, что не разминулись. Замковая стена тут длинная: легко заплутать. Умница Тим заготовил не одного, а целых двух коней, чем не слабо меня напугал.

Опыт общения с этими животными я не отношу к успешному: сижу с трудом, управлять вовсе не умею, а при быстрой скачке запросто вылечу из седла. А тут еще не просто кони, а настоящие монстры, настолько крупные и высокие. Нормальных нет, что ль?!

— Быстрее, — приятель подпихнул меня под задницу.

— Но я не...

— Потом. Все потом, — отмахнулся он и... взгромоздился следом.

Я только и успела — открыть рот от изумления, как на второго коня запрыгнул воришка.

— Яблоки отдай! — он потянулся к заткнутому подолу, но Тим развернул коня и направил прямо на стену.

Я захлебнулась криком. Конь без труда перемахнул высоченное препятствие. Следом с тяжелым стуком приземлился второй.

— Чего орешь? — перекричать меня Тиму удалось не с первого раза.

Я закашлялась и огляделась, оценивая происходящее. Итак, я по-прежнему на коне, во всех смыслах сразу, и все благодаря Тиму, который удержал и себя, и меня. Воришка по-прежнему мчится следом и требует отдать яблоки. Ворота в замке богатырки Синеглазки закрыты. Может обойдется?

— Чего орешь? — снова повторил Тим. Чего это он, я давно молчу?!

— Мои яблоки! — раздался рядом знакомый голос. Ты посмотри какой настойчивый воришка. Прямо как мы.

— Мы вместе их тырили. Поделиться не успели, — покаялась я и спросила: — Ты из какой ска... кто будешь? Кто в путь направил?

Вовремя я вспомнила что спрашивать у фантомов об их сказке бесполезно. Спросить кликуху надежнее. Воришка прищурился,

бросил странный взгляд на мои оголенные ноги, но ответил:

— Иван-царевич. Выполняю поручение царя-батюшки.

— Ага! — наше общее кровожадное «ага» ему не понравилось. Он не направил с криками ужаса коня в сторону, но следить за нами стал внимательнее.

— С девицей богатыркой Синеглазкой познакомиться успел? — кажется я поняла, чего она так старалась. Не вовремя мы приехали. К концу цикла сказки сподручнее было бы.

— Зачем мне девица? Мне яблоки нужны, — простодушно отозвался Иван-царевич и виновато улыбнулся.

Я всмотрелась в добродушное лицо. Наш Ивашка похитрее будет, а этот лапоть лаптем, даром что царевич. Впрочем, в плену у Змея Горыныча они все такие были: похожие как братья близнецы. Волосы светлые, кудрявые, глаза голубые честные, в плечах косая сажень, но силой пользоваться не умеет ни один. Только мечом за место дубины махать и горазды.

— Богатырка тебя королем сделает, — вкрадчиво намекнул Тим. — Ты же младший сын. И на трон претендовать не можешь. Богатырка Синеглазка правительница того царства, где яблоки растут. Всего-то и нужно жениться.

В глазах Ивана-царевича мелькнула понимание. Он обернулся, оценивая масштабы выгоды, и... побледнел.

Нас догонял отряд богатырки. Вела его сама Синеглазка, которая даже приделалась ради такого случая. Хотя это не особо и помогло. На ней даже кольчуга смотрелась изящно и завлекательно. Отряд мчал во весь дух, а мы не то чтобы не спешили, но ехали медленнее преследователей. Отрыв стремительно сокращался.

Тим пришпорил коня. Я судорожно вцепилась в седло одной рукой, второй придерживая яблоки. Если до этого меня удивляла легкость побега, то теперь перестала. Просто мы попали в нужный цикл сказки. Иван-царевич должен был сбежать, вот мы и сбежали, случайно подменив его. Кстати о нем. Чего он там орет? Да кто бы сомневался...

— Мои яблоки! — натужно кричал он.

И как ему ответить? Во время такой скачки не очень-то побеседуешь.

Пока он орал, я лихорадочно вспоминала сказку. Менять устоявшуюся историю в угоду блюстителям нельзя — это правило. Нужно выбирать подходящий миг. Так что там дальше-то было? Ага!

— Дорогу к Бабе-яге знаешь? — проорала я в ответ. Дождалась утвердительного кивка и крикнула: — Показывая дорогу. Там спрячемся. Там и делиться будем.

Иван-царевич прекратил надрываться и прищипорил коня, вырываясь вперед. Я же покрепче стиснула яблоки. Только бы не растерять...

Не знаю сколько прошло времени. Ориентироваться я давно перестала, как и удивляться странностям фантомного пейзажа. Все вокруг казалось нелогичным, будто рисунок разорвали, а после неправильно склеили.

Равнина сменилась гористой местностью, та — серой пыльной дорогой, что возникла из ниоткуда. Дорога — пролеском, что состоял почему-то из одних берез. Зато гибких плотоядных монстров, которые лишь маскируются под деревья, вокруг вовсе не было. С другой стороны, те монстры в начале тоже казались безобидными. Но самое поганое, погоня не отставала.

Кое-как я исхитрилась обернуться. Расстояние сокращаться перестало, но и не увеличивалось. Нагоняющий нас отряд выглядел единым целым, будто им вовсе не нужны слова, а богатырка Синеглазка управляет силой мысли. Лица у всех девиц одинакового суровые и какие-то застывшие. Не лица — маски, вытесанные из дерева. И кони их почему-то не устают, а вот наши начали выдыхаться.

— Хоть бы они споткнулись. Все разом, — прошипела я, глядя в спину Ивана-царевича. Тот мчал как заведенный и тоже мог участвовать в этой скачке столько, сколько нужно.

— Без шансов, — выдохнул Тим. — Они же должны его нагнать. Они и нагонят.

— Они и нас нагонят.

Показалось или расстояние вновь сократилось?

— У нашего коня двойная нагрузка, — озабоченно произнес Тим.

Дышал он тяжело. От его тела валил жар. Меня же наоборот потряхивало, не от холода — от эмоций. Девицы выглядели все не дружелюбнее, а блюстителю тоже умеют умирать. Это мужчинам ничего не грозит, девиц много — расхватают. Я же конкурентка.

Расстояние вновь уменьшилось, и девицы издали слаженный рев. Даже думают одинаково. Иван-царевич ошутимо вырвался вперед. Того и гляди потеряем из виду.

Теперь я поминутно оборачивалась, рискуя растерять ценную добычу, и приговаривала вполголоса, уговаривая коня потерпеть. Где-то же должна быть та Баба-яга, что спрячет Ивана-царевича. Расстояние еще сократилось, и девицы вновь заорали, празднуя победу. Рановато начали!

Тим сосредоточился на дороге и на том, чтобы удержать и себя и меня, а я огляделась по сторонам. Ни второй дороги, ни густых зарослей, за которыми можно скрыться. Ни самой заваливающей пещеры на пути.

Отряд стал чуть ближе, я же лихорадочно перебирала варианты. Есть гребень, вызывающий реку, но в сказке потопа не было. Есть подозрительные семечки, что, по уверениям Бежки, способны остановить даже армию. Подозреваю, речь идет о быстрорастущем лесу. Внеплановый лес местности не повредит, но погоня так близко, что он может проткнуть девиц насквозь. Они, конечно, фантомы, но для меня и это слишком. Ищем дальше.

А расстояние вновь уменьшилось. Я не сразу сообразила: это не они нагоняют, это мы отстаем от Ивана-царевича все сильнее.

— Сюда! — крикнул тот резко откуда-то сбоку.

Тим послушно направил коня на потаенную тропку. Сомневаюсь, что богатырка Синеглазка не знает о ней?!

По тропе пришлось идти хвост в хвост. Запах после скачки стоял феерический, но отсутствие пены у нашего коня радовало. Не зря он показался мне слишком большим?! Небось местный богатырский уникум, которого мы случайно свели.

Тропка заканчивалась гораздо медленнее моего терпения. Утешало лишь отсутствие погони. Судя по звуку, девицы продолжали сказать вперед. Наше исчезновение их не смутило.

— А вот и Баба-яга, — преувеличенно радостно провозгласил наш проводник. Мы с Тимом переглянулись и слаженно выдохнули:

— Наконец-то.

Баба-яга не подвела. Ивана-царевича она спрятала безоговорочно, ну а он укрыл нас. В темноте ее дома мы на ощупь поделили яблоки, которых оказалось ровно двенадцать. Увязали в подвернувшуюся

тряпицу свои шесть штук и приступили к поиску зеркала. Наш Ивашка, мягко говоря, вездесущ. Все Бабы-яги ему — матери родные. А значит, зеркало тут есть, надо только найти.

Зеркало нашлось почему-то в подполе. Оно было так тщательно занавешено, что прорываться к свободе пришлось при помощи мечакладенца. Сведенного коня мы оставили Ивану-царевичу. Потом как-нибудь вернет в родные конюшни. Когда мы открывали зеркальный проход, бодрой храп утонченного принца разносился по всей избе.

— Точно. Срочно спать, — пробормотал Тим, ища домики стражей.

Подвернулась ему избушка Фомы Лукича, а нам без разницы, где отдыхать. Тем более, завтра снова в путь.

Нет, не к Ивашке-Мишке. Сперва предстоит навестить Вольдемара, чтобы опробовать действие молодильных яблочек. Но это будем завтра. А сегодня спать.

* * *

Ягодное разыскали без труда, тем более зеркала нынче работали исправно. Деревню окаймляли густые малинники. Найти проход удалось не сразу. Точно ягод вокруг недостаточно, на всех домиках красовалась роспись в виде все тех же ягодок. Вышло нарядно, хотя и излишне пестро.

— А где у вас тут королевский замок скрывается? — с недоумением спросила я девчущку, что крутилась у колодца.

Именно это место Фома Лукич назвал нам ориентиром, но ничего похожего на королевский замок, где может проживать его высочество Вольдемар не видно.

— А-а-а, так это далеко, — малышка с волосами цвета сметаны крутанулась, указала на точку, едва видимую на горизонте. — Во-о-он он. Только деревенских туда не пускают, — предупредила она, пристально изучая нас. Глаза ее лучились любопытством, но спрашивать побаивалась.

— Так и мы не деревенские, — подмигнул ей Тим. — Ближе к замку деревни есть?

— Нее, мы самые близкие. Дальше угожья короля. Нас оттуда гоняют. Но ночью караульные встречаются реже, чем днем. Тогда и на сад, и на замок вблизи поглазеть можно.

Перспектива идти пешком неизвестно сколько не могла радовать. Мы с Тимом тоскливо переглянулись.

— Деточка, а телегу у вас тут арендовать... — глаза деточки округлились до блюдец. — Э-э-э в смысле нанять? Чтобы до дворца довели.

— Идемте, — девочка приосанилась и важно пошла впереди, даже не проверяя идем ли мы следом. Добытчица, ага. Родным работу подкидывает.

Телегой оказалась вполне приличная повозка, которую тянула излишне бойкая лошадка. Резвое создание плохо реагировало на команды, поминутно ускорялось и все время недовольно ржало. На козлах сидел веснушчатый парнишка лет шестнадцати — старший брат нашей информаторши. Рыжие вихри его так и горели огнем на солнце, а сам паренек явно радовался возможности сбежать ненадолго от домашней рутины.

— А его высочество Вольдемар вернулся? — осторожно спросила я в никуда.

— Ага. Представляете. Через двадцать лет. Двадцать, а старый, точно все двести прошли. Говорит блюстителю порядка новые появились. Они и освободили.

Ну вот и нас местные принимать начали. А уж думала не дожусь.

Время за разговором пролетело незаметно. Да и ехать — совсем не то, что идти. Через каких-то три часа мы были на месте. Расплатились с разговорчивым пареньком и отправились штурмовать королевский замок. Благо опыт есть.

— Кто такие? Не велено! — лица у караульных были ну очень недружелюбные. Деревенские-то, небось, каждый день на прочность проверяют.

— Мы может излечить его высочество Вальдемара от тяжелого недуга.

Караульные не поверили. Точно не поверили. Неприступное выражение на их лицах сменилось недоверчивым. Мы с Тимом только вздохнули и достали два похожих ключа. Раньше Фома Лукич и Бежка

утверждали, что эту безделицу в Сказании знают все и узнают с первого взгляда. Вот сейчас и проверим.

Караульные сглотнули, прилипнув взглядом к ключам. Один протянул руку, но тут же отдернул.

— Что же вы... — он осекся и официальным голосом произнес: — Проходите сударь и сударыня блюстители.

К Вольдемару нас проводили без проволочек. Придворные почтительно косили взглядами, поедали глазами и помалкивали. То ли боялись, то ли не считали равными.

Его вернувшееся высочество обнаружили в оружейном зале. Принц проводил смотр оружия. За прошедшие дни он ничуть не изменился на что мы подспудно надеялись, ведь пагубное воздействие Фантомии исчезло. Отчего бы ему не помолодеть хоть чуток?!

Узнал он нас сразу и тут же бросился обнимать. Взгляды придворных потеплели. Уж когда Вольдемар пригласил нас к себе в кабинет и велел остальным не беспокоить его, рейтинг наш по местным меркам подскочил до небес.

— Кабинет это хорошо, — сказал Тим. — А то мы словно зоопарке.

— На представлении, — пояснила я, заметив удивленный взгляд принца. — И выступаем в роли клоунов. А представление может и сорваться.

— Вы меня совсем запутали, — усмехнулся Вольдемар. Он вольготно расположился в кресле, ноги положил на думку и приглядывался к закускам. — Какое представление и почему сорвется?

— Потому что мы ни в чем не уверены. Но попробовать стоит.

А принц все никак не мог определиться. Прислуга расстаралась. Выбор на чайном столике, и правда, богатый.

— Начни с яблока, — Тим протянул добычу.

В его руках яблоко казалось несъедобным и очень тяжелым. Хотя я точно помнила, по весу оно обычное.

Глаза Вольдемара расширились. Его рука подрагивала, когда он тянулся к яблоку. Бедолага и не мечтал вернуть утраченную в плену юность.

Оно и понятно. Молодильные яблочки давно стали в Сказании несбыточной сказкой. Дорога к царству богатырки Синеглазки известна не многим. Это мы вездесущие благодаря зеркалам. А

остальные пока лично не увидят, не поймут, что скрывается за высокими стенами.

— А сколько тебе лет? — вопрос я задала не праздный. После первого яблока принц, конечно, помолодел, но выглядел лет сорок. Может ему столько и есть?!

Вольдемар подскочил к зеркалу. Через секунду уголки его рта опустились.

— Сорок, — ответил он и прежде, чем мы с Тимом удивились, пояснил, — а выгляжу на все сто двадцать. Но это лучше, чем ничего.

— Чего это лучше? У нас еще одно яблоко есть.

После второго плода Вольдемар превратился в молодого мужчину лет двадцати пяти на вид. Борода и волосы потемнели, хотя и не изменили длину. Глаза стали темно-карего цвета. Спина распрямилась, походка пружинила.

Принце издал победный вопль и подпрыгнул на месте. Он орал слова благодарности, скакал на одной ноге, и очень походил на петуха. Такими нас и застали обеспокоенные придворные. Он скачет, мы хохочем, остальные кто в шоке, кто в обмороке.

— Вы обязаны остаться на бал в вашу честь. Я вас никуда не отпускаю!

Да мы как бы уже поняли. Бал, так бал.

Глава 8

Мой первый бал проходил в фантомном королевстве и оставил тягостное впечатление. Парики, корсеты, громоздкие юбки и Ивашка-Мишка в роли принца. Так что на этот бал я собиралась не без внутренней дрожи. Тем приятнее оказалась обстановка.

Ни париков, ни корсетов. К платьям в стиле русская царевна я давно привыкла и даже с кокошником научилась ладить. Атласные туфельки никогда не натирали ноги, а прическа в виде кос, уложенных корзинкой, совсем не оттягивала голову. Прелесть, а не бал. К тому же Тим в роли принца мне понравился гораздо больше, чем в роли конюха.

С настоящим принцем танцевать тоже пришлось. Вольдемар лучился энтузиазмом и кажется решил, что лучший способ меня отблагодарить — жениться. На мне. Очень странное пожелание, учитывая, что яблоки мы добыли вместе с Тимом. Его он сделает сводным братом?! Хм, мы так не договаривались.

— Ваше предложение бесспорно лестно, Ваше Высочество, — пробормотала я, лихорадочно подбирая слова для отказа.

— Да оставь ты эти реверансы, — отмахнулся принц. — В плену даже не выкала, а тут... ваше высочество, — передразнил он. — Что не по нраву?

Я виновато улыбнулся. Вольдемар кинул пристальный взгляд на Тима, но ехидничать не стал.

— Если понадобится помощь, можешь рассчитывать, — сказал он наконец.

— Уже нужна, — улыбнулась я. А что баба Груня вряд ли по-другому информаторами обзаводилась?! Принц так и загорелся энтузиазмом. Кажется, он считал себя у нас в долгу и неоплаченное бремя жгло карман. — Местные жители нам не очень-то доверяют. Сказанцы сторонятся и не воспринимаются всерьез. А тебя они хорошо знают. Если историю твоего возвращения узнаю многие, может и к нам отношение изменится...

— Я-то уж думал, а тут речь идет о бабьих сплетнях, — рассмеялся Вольдемар. Откажется, стало быть. А он продолжил: — У

меня есть целый отряд подходящих агентов, — он кивнул головой в сторону фрейлин. — Им только дай волю, через день о вас будут знать все.

На том и остановились.

От благодарного принца удалось избавиться не без труда, но оно того стоило. Танцевать с Тимом мне понравилось гораздо больше. Тем более, это наш первый совместный танец. Тут-то я и прочувствовала бабулино объяснение о том, что лучше всего танцевать в правильных объятьях. Поняла и согласилась. Действительно лучше!

Ночь минула незаметно. Полдня мы отсыпались, а после засобирались домой. К стражу возвращались через зеркало, расположенное в личных покоях Вольдемара. Так что путь сократился до входа-выхода. Фома Лукич поздравил нас с удачной операцией и даже расщедрился на похвалу.

— Хорошие из вас получились блюстители. Сильные. В два счета порядок наведете. Давно пора. А то сколько же можно быть бесхозными.

А утром, когда мы завтракали и обсуждали с кого из бывших блюстителей начать поиск нашего злодея, пришли гости.

Местные входили робко, почтительно шаркали и кланялись под нашими ошалелыми взглядами. Принесли они кто что: булки, пирожки, собственного приготовления, сметану, сливки, яйца. Для нас троих всего слишком много.

Мы пытались отнекиваться и объяснять, дескать неудобно, но лишь сильнее обидели жителей и смирились с подкармливаем. Принято, так принято. Главное, информаторов теперь также много, как еды.

Вольдемар постарался на славу!

* * *

Бывших блюстителей подходящего возраста набралось всего четверо. Двое из них были запечатаны, двое покинули Сказанию добровольно. Начали мы с запечатанных.

Перво-наперво проверили домашние зеркала, путь к которым подсказали стражи. Печати я видела впервые. Они сияли ровным

голубым цветом, и казались сотканными из тумана. Примерно такие же нити должны опутывать провинившихся. Если нитей нет, объект найден.

Первого хранителя, мужчину лет сорока пяти мы подловили в подъезде. Узнать его по фотографии оказалось непросто. Двадцатилетний худосочный паренек превратился в обрюзгшего мужчину с огромными залысынами. Он нес тяжеленные пакеты с продуктами и совсем не походил на киношного злодея, которого мы ожидали увидеть.

— Может брат? — стражи описали нам его как бешенного скандалиста. Он же скорее затюканный и уставший.

— Печать на месте, — отозвался прагматичный Тим. Внешностью вошедшего его волновала гораздо меньше задания.

Теперь и я ее увидела. Нити потемнели от времени и сменили цвет на грязно-синий, но держались прочно. Растворяться не собирались. Остальное не наше дело.

— Уходим, — кивнула я.

Следующей посетили женщину, что получила печати не так уж давно. Десяток прошедших лет стражи вовсе не заметили, и навестить провинившуюся тоже не успели.

Не стабильна, психически неуравновешенна, склонна к агрессии — значилось в досье. Искать ее пришлось долго. Дежурство у подъезда ничего не дало, а в квартире проживали три студентки совсем не подходящего возраста. К ним мы и позвонили.

— Мы знакомые Анны Петровны Тимирязевой, — после извинений расшаркиваний и приветствий произнесла я. — Со студенческой скамьи не виделись. А другого адреса не знаем. Может вы о ней что-то знаете?

— Хозяйку зовут Катерина Александровна, — сходу отозвалась пигалица, больше похожая на школьницу, чем студентку. Хотя на школьницу старших классов она тоже тянула с трудом. — Фамилию не знаем. Адрес дать?

Уходили мы озадаченными. Квартиру могли продать очень давно. Новые хозяева вообще могут не знать о той, что жила тут десять лет назад. Но не проверить нельзя. Вдруг это она и есть?!

Такси домчало нас в момент. Хозяйку нужной квартиры пришлось караулить так долго, что соседка той, сухонькая бабулька с палкой, не

выдержала и выглянула в подъезд.

— А ну пошли вон. Щас милицию позову. Ходят тут... устроили туалет в подъезде.

— А вы Анну Петровну знаете? — выпалила я прежде, чем агрессивная бабуля привела угрозу в исполнение.

Тим бросил на меня озадаченный взгляд и степенно поправил:

— Катерину Александровну.

— Ой точно, — от досады я даже язык прикусила.

— Так вам которая нужна? — взгляд бабули стал похож на прицел.

Мысленно известный номер она уже набрала, и даже письменную жалобу настрочила.

— Обе! А вы какую знаете?

— Обеих, — после молчания отозвалась бабуля. — Катюша на работе в это время. А Анька в больнице. Давно она там обитает, — выдала соседка и прикрикнула: — А теперь вон.

Адресок больницы у недоумевающей бабули мы все же выпросили. Лишь приехав на место прояснилась причина странных взглядов. «Городская психиатрическая больница» — значилось на табличке. Тим присвистнул, я подобрала челюсть с пола и помчалась останавливать отъезжающее такси.

Она так и не сумела поверить в сказку... очень жаль.

Квартиру третьего блюстителя мы просмотрели без труда. Зеркала открыты для доступа с двух сторон, попыток остановить нас — нет. Выходить и шарить в чужом помещении мы, конечно, не стали. Так поглазели на среднестатистическую квартирку, оценили опрятность и любовь к фотографиям и нырнули обратно, не застав хозяев. Оно и к лучшему.

В досье значилось: покинула пост по собственному волеизъявлению. Характер спокойный, доброжелательный, уступчивый. Клад, а не блюститель. Так почему ушла?!

К соседям я звонила с уже заготовленной легендой. Рядом стоял Тим, одетый в темно-синюю форму. Убедить волшебные орешки скопировать наряд труда не составило. А корочки — да кто их читает?!

Тим быстренько махнул корочкой, купленной в ларьке приколов, неразборчивым речитативом выпалил «звание и фамилию» и

приступил к допросу. Расспросы мы решили начать издалека, пока не касаясь интересующей соседки.

— К нам устраивается, — неразборчивые имя и фамилия у Тима получились особенно хорошо, — сын вашей соседки из восьмидесятой пятой квартиры. Как вы можете его охарактеризовать?

Соседи: муж и жена, одетые в одинаковые полосатые футболки и шорты, разом округлили глаза:

— Нет у нее сына. Дочка есть. Сына нету.

Теперь наши глаза выглядели одинаково кругло. Мы в замешательстве переглянулись с Тимом. В досье подробностей о семье блюстителя не было. Вывод мы сделали самостоятельно после осмотра квартиры.

Большая часть портретов в ней посвящены светловолосому парню лет двадцати пяти на вид. Голубоглазый симпатяга смотрит со стен так радостно и доверчиво, что так и хочется улыбнуться в ответ.

— А кто на фотографиях в квартире? — ляпнула я непроизвольно.

— Любовник, — пренебрежительно отозвалась соседка. — Старая дура альфонса завела. Теперь модно содержать повзрослевших придурков.

— Зато за другими шпионить некогда. И скандалить тоже, — примирительно отозвался ее муж. — Тихая женщина. Незаметная совсем. Да и парень ее никому не мешает.

— То есть парня вы характеризуете положительно, — вставил Тим и поблагодарил за информацию и содействие.

Искать или поджидать активную женщину пенсионного возраста мы не стали. Печатей на ней нет. В личной беседе вряд ли скажет хоть что-то лишнее.

— Некогда ей по зеркалам бегать. У нее хахаль молодой. Стеречь надо, — усмехнулся Тим по возвращению в Сказанию.

Проверка осложнялась тем, что каждый раз нам приходилось уходить в Сказанию и из нее искать следующую квартиру. На земле удобный способ перемещения не действовал. Подглядеть можно, поговорить можно, перейти нельзя.

К последнему блюстителю, мужчине лет семидесяти, мы привычно заглянули через зеркало. Пробежались по зеркалам в комнатах, и в последнем наткнулись на злющий взгляд:

— Стоять! Стоять я сказал! — раздался яростный вопль.

Тот, кого мы записали в старички, лучился здоровьем и боевитостью. Он оказался поджарым мужчиной лет пятидесяти на вид без признаков седины и проплешин. Интересный, разве что слишком агрессивный.

Мы нырнули назад с такой скоростью, что не удержались на ногах. Мне повезло. Я свалилась на Тима. Мягко, удобно и поддерживают.

— Еще раз сунетесь без стука — шею сверну! — проорал взбешенный хозяин квартиры. Лицо его побагровело. Он склонился, потрясая мощными кулаками.

Если подумать, не так уж и хорошо, что Тим снизу. Защищать нас некому. А я, какой я боец?!

— А как нужно стучать? — проблеяла я как можно жалобнее.

Даже стараться не пришлось. Он и правда напугал меня.

— Не учи! Чему вас только учат? В мое время такого не было, — фыркнул он уже гораздо более миролюбиво, повернулся к зеркалу, шагнул внутрь и выглянул из него. — Вот так стучат. Вот так! Да не туда смотришь, бестолочь!

Только после окрика я призвала силу. Кулак его темнел на фоне бледно-голубого зеркала и словно бы покрылся рябью. Самое удивительное, стук действительно прозвучал. Он больше походил на стук палки по ткани, но был вполне различимым.

— Ух ты! — выдохнула я. — Буду знать. Извините.

— Чего искали-то? — недружелюбно буркнул мужчина, не спеша выходить к нам.

— На чай к Фоме Лукичу хотели пригласить. Беспокоится он. Все-таки столько лет бок о бок работали, — я мысленно попросила прощения у стража за подставу, но это первое, что пришло на ум.

— Зайду, — кивнул бывший блюститель и скрылся, не прощаясь.

— Не зайдет, — хмыкнул Тим. — Не знаю, чем так насолили ему стражи, но он очень на них зол.

— Зато наш пациент найден, — прокричала я, поднимаясь. — Осталось собрать доказательства. И можно запечатывать. Может Ивашка сдаст, если поднажать?!

— Куда он денется, — отозвался Тим и поднялся.

Не успели мы отойти от зеркала, как в нем возник наш фантом. Выглядел он все также старо, а дрожал сильнее.

Закрою зеркало! Как есть закрою. Теперь я как никогда понимала бабу Груню. Не дом, а проходной двор. Для связи и карманное зеркало подойдет, а большое пусть закрытое стоит. Я и так выйти смогу. Остальным проход по предварительному приглашению.

— Жду вас в Сметанкино, — быстро протараторил тем временем Мишка-Ивашка. — Третий слева дом на второй улице. Такой с петушком на крыше.

Исчез он так же внезапно, как и возник. Мы с Тимом только переглянулись и пожали плечами. Вот это оперативность! Однако сильно мы его хозяина разозлили.

— Завтра. Все завтра, — предложила я. — Отдохнем и подготовимся.

Тим лишь рассеяно кивнул, скользя взглядом по избе Фомы Лукича, с которой мы занимались поиском. Встреча предстояла сложная и опасная. Но нас двое и мы не привыкли сдаваться.

Прода от 29.06.2019, 08:46

Глава 9

Мишка-Ивашка поджидал у ворот. Выглядел он неважно. Облик распадался, двоился и мерцал. Чем сильнее я всматривалась, тем больше казалось: фантом исчезает. Интересно, что будет со сказкой, если он пропадет окончательно?! И как его исчезновение повлияет на всю Фантомию?! Подозреваю, тогда нового смещения сказок не миновать. А мы только-только с предыдущим всплеском разобрались.

На трясущейся ладони фантом с трудом удерживал кольцо. Дверь в дом он запер, и стоял так, что бы у нас и мысли не возникло проситься внутрь. Ну так мы не из скромных.

— Впусти или сделка не состоится, — издалека заявила я.

Подготовились мы к визиту основательно. Под кокошником я спрятала гребень, в потайных карманах сарафана — связку лент, даже серьги и колечко надела с подвохом. Кольцами мог похвастаться и Тим, который захватил волшебную дудочку. Действие последней мы уже проверяли: очень удобная вещьца.

Зато меч-кладенец оставили у Фомы Лукича. Тяжеленная штукавина ужасно мешала при передвижении и толку от нее немного. Одна надежда на заезжего богатыря. Лесовичок их прикармливает, используя вместо дозорных на дорогах Сказании и Фантомии. Авось, сгодится.

— У меня там натоплено слишком. Дышать нечем, — Ивашка явно колебался. И без яблок остаться не хочется, и нас впускать боязно.

Взгляд его скользил с нас на дверь, с двери на окно, с окна на землю и снова на нас. Борьба внутри фантома развернулась не шуточная. Руки затряслись сильнее, а мерцание усилилось.

— Как хочешь, — Тим пожал плечами и решительно развернулся.

К калитке мы подошли в три шага. Неужели не остановит?!

Ивашка тем временем метнулся внутрь, пулей выскочил назад и крикнул:

— Входите!

Мы с Тимом обменялись победными взглядами и неспешно ступили в дом.

Печь в доме вовсе не была разожжена, хотя свежестью и прохладой помещение похвастаться не могло. Спертый воздух. Ставни и окна плотно закрыты. В комнате зажжены свечи, разгоняющие ночной мрак, хотя на улице ярко светит солнце.

— Вампиров прячешь? — Тим нахмурился, внимательно осматривая комнатушку.

Печь, стол, лавки, сундуки, полати — привычный набор для Сказании, но что-то же тут скрывают?!

— Вампиры у нас не водятся, — буркнул Ивашка, кинув беспокойный взгляд на закрытую дверь. — Это в Фантомию надо нырять.

— Так и ты вроде фантомный, а разгуливаешь по сказанской сторонке, — вскользь заметила я, оглянувшись на дверь. С виду обычная, деревянная, обтесанная. Много таких, одним словом.

— Кольцо!

— Яблоки!

Два мужских голоса прозвучали разом. В помещении голос Ивашки странно окреп и больше не дребезжал так надсадно. Он даже разогнулся сильнее, хотя полностью распрямиться не смог. Но мерцать перестал.

Я, прищурившись, прошлась по комнате. Не нравится тут. А в последнее время прислушиваться к ощущениям вошло в привычку.

Кроме свечей здесь обнаружилось множество артефактов, котел с темно-бурой гадостью внутри и керамические плитки вокруг. В плитках налита все та же гадость, которую похоже подожгли. Гореть не горит, но чадит и воняет нещадно. Дышать трудно, воздуха катастрофически не хватает.

Я подошла к одной из плиток и подула. Пламя взметнулось ввысь. Я отпрянула. Чад уменьшился. Ага!

— Не смей! — вопль застал меня около второй чашки. Я даже наклониться успела.

Стоило пламени разгореться, а чаду уменьшиться, как Ивашка замерцал сильнее. Так вот, что происходит...

— Кто научил? — излишне резко спросила я. — Баба-яга точно не могла. Она не знает о собственной фантомной природе.

Что же, бывшего блюстителя мы нашли, пусть и случайно. Одно не ясно, чего он так о сохранности Ивашки печется. С моральными

качествами у блюстителя явно проблемы: судьба Фантомии его волнует на удивление мало. Так с чему вдруг акт милосердия?!

— Сам научился!

Вот упрямый фантом!

— Развеем, — скучающе пригрозил Тим. Мишка-Ивашка ведь не знает о сложностях с изменением сказок. Должен поверить!

Ивашка беспокойно дернулся. На лице отразился ужас. Он то открывал, то закрывал рот, но не произносил ни звука.

— Мишка, ты понимаешь, что тебя подставили? — Я осторожно шагнула к нему. — Ты и реальным не стал, и из Фантомии вот-вот исчезнешь. Нет такого артефакта, что сделал бы тебя реальным. Зато мы можем тебе помочь вернуться в твою историю и занять положенное место.

— Чтобы снова стать резиновым болванчиком с набором слов? — лицо Ивашки исказилось от ненависти.

— Чтобы начать сначала. Знания останутся при тебе. Лишь тебе решать какой станет твоя сказка. Только помни, реальным ты не станешь никогда, зато можешь приносить пользу. Как те же богатыри.

Лицо Ивашки разгладилось, только лоб перечеркнула глубокая морщина. Он взвешивал за и против так явно, что мы с Тимом понимающе переглянулись. Этого взяли тепленьким. Осталось начинщика найти.

— К Баба-яге возвращаться обязательно? — спросил Мишка-Ивашка тоскливо.

— Ты нестабилен. Если не хочешь самостоятельно развеяться, лучше вернуться, — отозвался Тим, протягивая три яблока сразу.

— Не принимает меня сказка, — мрачно буркнул Ивашка, откусывая сразу половину яблока. — Я чужой в ней.

Он больше не колебался, лишь беспокойно поглядывал на руки, оценивая: действует или нет.

— Примет, на то мы и блюстители. Теперь примет.

Ивашка лопал яблоки и стремительно молодец. Предусмотрительный Тим не зря дал с запасом. Сам фантом изменений пока не замечал, а мы помалкивали. Если все пойдет как надо, в сказку мы вернем мальчика, а не юношу.

И нет мы не ввали: знания о волшебстве он сохранит. Но после возвращения в сказку бедокурить больше не сможет. Фантомия не

позволит... если, конечно, мы найдем того блюстителя, что выдернул его оттуда.

Мишка-Ивашка изменился столь разительно, что захотелось подойти и потрогать. Рост у него пока сохранялся. Но появилась подростковая угловатость. Щетина исчезла, цвет волос сменился на соломенный. Злобный прищур тоже будто смыло. Теперь он смотрел ясно и восторженно. Хорошенький то какой!

— Стой! Остановись! — панический вопль раздался из-за занавески, укрывающей полати.

Ага, не зря запертая изба казалась подозрительной.

Ивашка повернулся на голос. С печи спешно спускалась немолодая дородная женщина. Короткие волосы ее взмокли. По лицу крупными каплями стекал пот. Плотные джинсы и простая футболка выдавали землянку. Фантом равнодушно посмотрела на нее, пожал плечами, злорадно улыбнулся и... доел яблоко.

Русоволосый мальчик выглядел милым и беззащитным. Образу мешал только взрослый взгляд. Ну да это мелочь. Воспоминания о «подвигах» сохранять не обязательно. У фантома должным быть шанс на новую сказку. Сохраним только способности и знания о волшебстве.

В начале сказки Ивашка добрый умный мальчик, если убрать блюстителя, нарушившего привычный ход, получим сильного фантомного колдуна, который позже будет следить за порядком. И сказку сохраним и пользу выручим!

— Что ты наделал? Что ты наделал? — надрывалась тетка, рухнув на колени. — Я же столько сил приложила, что бы мы были вместе. А ты... ты... все уничтожил... все!

Крик немного мешал работать, но мы решили не медлить. Пока тетка прибывала в трансе, быстренько поймали Ивашку. Тим достал дудочку и приложил к губам. Мелодия походила на колыбельную. Взгляд мальчика сделался сонным и вялым. То, что надо, для работы с памятью.

Создавать новую сказку на месте старой мне не понравилось. Создавать новую однозначно проще. Но в новой обновленный Ивашка может не прижиться.

Выпускать фантома пришлось через зеркало. Конечно, хотелось проводить его лично, но блюстителя оставлять без присмотра нельзя. Нам только и осталось наблюдать, как испуганный мальчик бредет

через лес. Как находит избушку. Как гладит собаку... Что ж, его сказка началась правильно.

Пока избавлялись от Ивашки, тетка очнулась, вскочила на ноги и взмахнула руками, раскидывая мелкие черные горошины. В плосках взметнулась пламя, разгоняя полумрак. Удушливая вонь усилилась.

— Зря мы у нее фантома отобрали. Она на почве любви спятила.

— Она так бы и так спятила. Мишке-Ивашке без нас недолго оставалось. На землю он бы точно уже не вернулся. А в сказках уже она не приживется, — отозвался Тим, не отводя взгляда от помешанной. — Лучше уж под присмотром будет. Надежнее.

А бывшая блюстительница, с неожиданной для комплекции шустростью, прыгала на месте, махала руками и ногами. Зарядка? Странное место, странное время. А меж тем от движений пол в избушке начал лопаться и расходиться крупными дырами.

— Это сколько же она весит?! — пробормотала я и тут же умолкла, осененная догадкой.

— Хватай! Сбежит!

Тим кинулся вперед. Я ломанулась следом. Стены избушки раздвинулись, впуская ветку дерева. А тетка не такая уж и сумасшедшая, а главное предусмотрительная.

Возникший лес очень сильно походил на тот, что окружал избушку Бабы-яги. Да и деревья-защитники очень похожи. Ветвистая стража бодро отскакивала с ее пути и заступала дорогу нам. Гениальная тетка все верно рассчитала, на открытой местности ей от нас не оторваться, а тут запросто.

Я бежала изо всех сил, ощущая себя белкой, запертой в клетке. Кольца, брошенные в деревья, заставляли те замирать. Но наш запас уже подходил к концу, а деревья все прибывали. Сколько же там было горошин? А казалось немного...

Когда первый шок прошел, я начала осматриваться, впрочем, останавливаться пока не пыталась. Пейзаж повторялся. И хотя тетка из леса уже выскочила, мы по-прежнему носились в нем. Того и гляди беглянку из виду потеряем.

— Нет, так не пойдет! — я решительно остановилась и всмотрелась в деревья. — Мы блюстители или зайчики на побегушках?

Тим остановился, оглянулся и прищурился. Деревья обступали все гуще, тетка убегала все дальше. Ей и осталось-то вернуться в избушку и нырнуть в зеркало. А на земле беглянку можно искать до бесконечности. И адрес нам в этом уже не поможет. Его и поменять можно.

— Вода? — хмыкнул Тим.

Я осторожно вытянула гребень из-под кокошника и передала Тиму. Метать я умею только себе под ноги. Тим размахнулся и забросил волшебный предмет куда-то в сторону от беглянки. Хм, а я бы метила в нее.

Результат увидели не сразу. Нарастающий гул подсказал: уловка сработала. Тут я и оценила задумку во все красе и мощи стихии.

Поток хлынул, смывая шибко активные деревья и бывшую блюстительницу. Она забарахталась, завизжала, и я бросилась к новоявленной реке.

— Чего стоишь? Утонет, ведь! — крикнула я Тиму на бегу, но тот не поддался.

Следом, правда, пошел, но бежать и не подумал.

— В фантомной реке? Вряд ли?! Скорее создаст лодку и уплывет от нас.

— Тем более ловить надо, пока не создала.

Надо же, подействовало. Тим ускорился, на ходу создавая круг в кусочке фантомной реки. Тетка уцепилась за круг и ненадолго затихла. А я уже вытягивала пучок лент, из потайного кармана. Расправила, сложила на ладони и подула. Цветастая сеть веером высыпалась на берег. Арканить круг выпало Тиму, с чем он с успехом и справился.

Вытянутая на берег беглянка выглядела жалко и вовсе не походила на злодейку. Она не сопротивлялась, не перекраивала реальность, а лишь часто и тяжело дышала.

— Ну поймали. Поймали, — хрипло выдохнула она, откашливаясь. — Лишать силы будете?

— Запечатывать, — уточнила я. — Конечно будем. Вы же знаете правила...

— Знаю, — безучастно отозвалась блюститель.

— Тогда зачем?

— А?! — она махнула рукой, — Какая теперь разница.

Разговорить ее все-таки удалось. Пусть к стражам конвоировали мы ее через зеркало и самым коротким путем, каким знали, времени все равно вышло много. Ей хотелось пожалиться, ну а нам узнать правду.

— Фантомы — балалайки с одной струной, бренчат весь день одно и то же. Да вы и сами, должно быть, уже видели, — поведала блюститель.

Мы с Тимом охотно кивнули. Не толкло видели, а еще и по сказкам распахать успели.

— Этот сразу сильный был. Говорил, что хочет. Сюжет перекраивал. Один раз сестрице следы запутал, чтобы у Бабы-яги в услужении остаться. Ну я и не устояла. Стала думать как ему свободу дать. Полную. Безоговорочную. Чтобы в сказку возвращаться больше не надо было. Да и зачем ему в сказку, у меня квартирка хоть маленькая, а своя.

Угу, вот с этого и начинать надо было.

О привязке фантомов к сказке я узнала совсем недавно. Все из того же дневника бабы Груни. Собственное жизнеописание она игнорировала, а вот такие «рабочие» пометки вносила регулярно.

Итак, даже самостоятельные фантомы, вроде Мишки-Ивашки, должны регулярно возвращаться в родную сказку, чтобы не исчезнуть. Для этого он и таскал повсюду с собой зеркало и фольгу. И везде, где бывал, оставлял зеркальные схроны, чтобы в любой миг хоть ненадолго вернуться в место личной исконной силы.

— Ванечка долго не понимал, чем неудобны зеркала. Он, вообще-то, не тяготился ими. Носил с собой охапками, оставлял в тайниках и радовался жизни. Не устраивало это меня. Я всегда помнила, что он в любой миг может исчезнуть. К тому же, когда он долго не бывал в сказке, он начинал истончаться и терял материальность. И если в Сказании это было не так заметно, то на земле этот процесс ускорялся в несколько раз. Вроде только пришли, а он уже тает. А про старение уж промолчу. Про мое старение. Я вон в кого превратилась. А он как был мальчишкой, так и остался, — блюститель говорила едва слышно, но мы не жаловались и не одергивали. Второй раз может и не сказать.

— Жили бы в Сказании, — рискнула вставить я. — Если бы тихо поселились в какой-нибудь дальней деревеньке и не пытались искать свиток с исконными сказками, никто бы вас там не нашел. Вы

привлекли внимание именно опытами над фантомом. И вмешательством в фантомную реальность. Это же вы надоумили его вмешаться в процесс восстановления свитка. А после уже мы не могли не начать его поиск.

— Да разве же это опыты?! — отозвалась раздосадованная женщина.

— Колдовать он сам у Бабы-яги научился. А я всего лишь колечко волшебное сыскала, что облик меняет. Думала, если со сказанцем внешностью обменяться, то и Ванечка настоящим станет. Стареть начнет. Только ничего не вышло. Облик он, конечно, сменил, а вот фантомом быть не перестал.

— И тогда вы решили подарить ему облик настоящего блюстителя?

— Нет. Сперва с обычными землянами менялись. Ох, и замучилась я потом память путать. И снова ничего не вышло. Тогда-то я и стала искать подходящего блюстителя. Даже план с щелкунчиком придумала, чтобы поближе подобраться. Обычно-то все нашенские под колпаком у стражей, а тут такая удача. Новенький. Несмышленный. Неучтенный. Ну я и не устояла. Ванечку-то несложно уговорить было.

— Помогло? — на замечания о собственной несмышлености Тим отреагировал на удивление спокойно. Приподнял бровь, да усмехнулся, точно блюститель сказала нечто смешное.

— В том-то и дело, что нет. Я к тому времени, как Ванечка пришел с новой внешностью, его фантомную сущность научилась с первого взгляда вычислять. Сразу и увидела: не сработало. Наоборот, хуже стало. Облик начал двоиться, сбиваться и мерцать. Нельзя было с блюстителем связываться.

— А почему вы сами помолодеть не пробовали? — вопрос я задала, уже стоя в доме Фомы Лукича. Лесовичок осуждающе качал головой, но распекать бывшую подопечную не спешил.

— Как не пробовала?! Пробовала! Я этих яблок столько съела... изжогу заработала. Не действуют они на меня. А Ванечка, паразит, за моей спиной с вами сговорился. Я же следила за ним, чтобы яблок не наелся. Все надеялась, стабилизирую его и в одном возрасте будем. А он вон как решил.

— Правильно не действуют, — вмешался Фома Лукич. — Яблоки добру служат. Ивашка в сказку вернуться решил, чтобы строй ее

восстановить. А ты их для себя искала. Не действуют они так.

Я ожидала нотаций, долгих распеканий и нравоучений, но Фома Лукич лишь осуждающе качал головой и помалкивал. Только и сказал:

— Правила ты, Глафира Андреевна, знаешь.

Та обреченно кивнула. Если вдуматься, ничего страшного ее не ждало. Обычное запечатывание силы, чтобы пройти сквозь зеркало больше не могла. Но для того, кто привык жить в сказке, — страшное наказание. А тут еще Ивашка предателем оказался.

За процессом мы следили молча и с неослабевающим интересом. А вдруг и нас такое ждет? Кто знает... Яркого зрелища не получилось. Внешне ничего не изменилось. Разве что для нас Глафира Андреевна перестала «сиять».

Я же попутно размышляла о превратностях судьбы. Глафиру Андреевну вовремя поиска заигравшегося во всемогущество блюстителя мы тоже навещали. Дома не застали. Ничего подозрительного не нашли. Зеркала открыты для прохода, соседи отзываются хорошо. На стенах фотографии молодого любовника. В деле стражей она значится как добровольно ушедшая на покой в связи со стрессом. Теперь понятно с каким... влюбленность — чем не стресс?

Домой мы провожали ее вдвоем с Тимом. Вместе же запечатывали ключами все зеркала в доме.

— Вы уж не забывайте. Звоните, — напутствовала она нас на прощанье.

Мы обещались «бывать» и вышли на улицу. Вокруг расположился незнакомый город, в котором нам предстояло найти высокое зеркало, чтобы вернуться в Сказанию. Из квартиры Глафиры Андреевны решили этого не делать. На всякий случай.

Только на улице я почувствовала страшную усталость. Глянула на Тима. У него под глазами залегли тени. М-да, миссия вышла ну очень уж тяжелой. Неизвестно справились бы мы, работай отдельно. Не представляю как баба Груня справлялась тут одна.

Впрочем, деду Лешу я помню так плохо, что не удивлюсь, если и он являлся блюстителем. Помнится, зеркало бабушка стала закрывать уже после его смерти. А пока я была совсем маленькой, зеркало занимало почетное место в центре гостиной и всегда было начищено до блеска.

— Вместе мы сила, — выдохнула я.

Тим странновато усмехнулся, склонив голову на бок. Он все рассматривал меня и рассматривал, а я не могла понять, чем насмешила его. Вроде, все верно сказала.

— Вместе мы пара! — поправил он, — а уж потом сила. И никак не наоборот.

И я согласилась. Да и о чем тут спорить?!

Конец